

„РАКЕТЫ” НАД КУБОЙ

История Тома Уайта

«РАКЕТЫ» НАД КУБОЙ

История Тома Уайта

God's Missiles Over Cuba

Russian Edition

Copyright 2015 Voice Media

info@VM1.global

Web home: www.VM1.global

All rights reserved. No part of the publication may be reproduced, distributed or transmitted in any form or by any means, including photocopying, recording, or other electronic, or mechanical methods, without the prior written permission of the publisher, except in the case of brief quotations embodied in critical reviews and certain other noncommercial uses permitted by copyright law. For permission requests, email the publisher, addressed “Attention: Permission Coordinator,” at the address above.

This publication **may not be sold, and is for free distribution** only.

«Ракеты» над Кубой

Заключенный в тюрьму на 17 месяцев Том Уайт выжил, чтобы рассказать захватывающую историю о Божьей страдающей церкви за «железным занавесом» страны сахарного тростника

Угроза боевых ракет с коммунистической Кубы - одна из главных тревог Америки. Однако кубинский террор порождали и «ракеты» другого вида.

В течение семи лет Том Уайт руководил массовым проповедническим вторжением на Кубу для того, чтобы принести Божий покой на этот угнетенный остров в Карибском бассейне. Более 400000 христианских книг - «ракет» любви - было либо сброшено с воздуха, либо доставлено по морю.

27 мая 1979 года его самолет потерпел аварию и приземлился на кубинском шоссе. Том Уайт оказался в руках тайной полиции. Жестокое обращение стражников, месяцы одиночного заключения и приговор суда - лишение свободы на 24 года, попирающий принципы справедливости, составляют основу этой необычной истории. В «школе страдания», в тюрьме Комбинадо дэль Эсте, автор познакомился с преследуемой кубинской церковью и с почтением отнесся к ней.

Это не история триумфа человека над системой. Это динамичное свидетельство всепобеждающей Божьей любви, Божьей верной защиты и Божьего терпеливого просвещения в коммунистическом аду режима Кастро.

Неизвестному брату во Христе, который оставил на стене камеры №44 распятие и миллионам страдающих воинов Христовых, чьи истории никогда не будут рассказаны на земле. Однажды встретимся мы у ног Всевышнего.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Два факта ярко вырисовываются в скупом повествовании об усилиях одного человека донести учение Иисуса Христа несчастному народу Кубы.

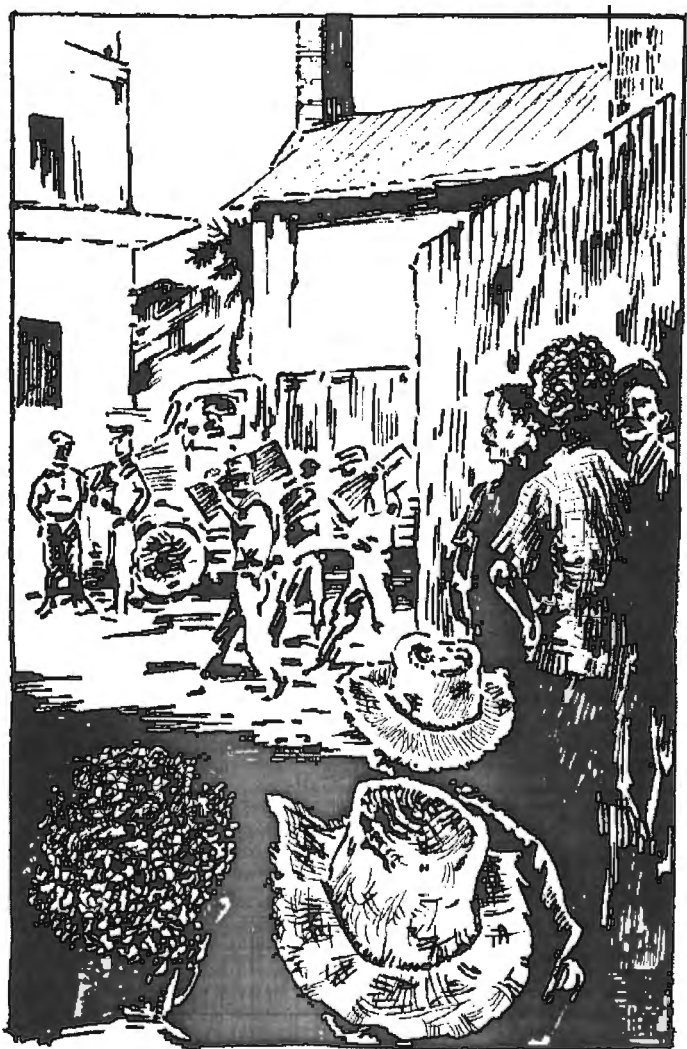
Первый - неистовое сопротивление любой форме христианства, организованное в коммунистической Кубе. Несмотря на попытки отдельных лидеров североамериканской церкви скрыть преследования, Куба представляет собой сегодня страдающий народ, управляемый лидерами, стремящимися уничтожить христиан, подобно тому, как в нацистской Германии пытались истребить евреев.

Второй - последовательность и сила свидетельств Тома Уайта в невероятно трудных условиях. Вместо того, чтобы беззаботно жить в благополучной стране, собирая ежевику и наблюдая со стороны за ходом событий, этот молодой человек решил сделать что-нибудь для Кубы. Он попал в беду. Читатель не может не восхищаться его мужеством и стойкостью в вере. Его жизнь по-настоящему вдохновляет.

Автор повествования - единомышленник Тома Уайта, и я уверяю вас, что вам будет очень сложно отложить его книгу, не дочитав ее до конца.

А пока давайте помолимся за наших братьев на Кубе и особенно за тех, кто коротает свои дни в тюрьмах только за то, что посмел опереться в своей жизни на Бога и Правду. Возможно, день их освобождения скоро придет.

*Шервуд Элиот Вирт,
редактор журнала „Emeritus Decision“*

ПРОЛОГ

Большой советский грузовик, осев под тяжелым грузом, медленно, со скрипом, въехал на кубинский сахарный завод. Заводской мастер прервал разговор со своим помощником, увидев странные изделия, компактно сложенные в кузове машины.

- Это какая-то ошибка, - пробормотал он. - Что я буду делать с сотнями маленьких коробок?

Заметив „Волгу“, следующую за грузовиком, он с нескрываемым любопытством приблизился к автомобилю.

Водитель резко остановился и немного сдал назад. Маленькая карточка, появившаяся в его руке, свидетельствовала о многом - Внутренняя служба безопасности. Называемая «кубинским КГБ», она была создана по советскому образцу и подобию. Какие-либо объяснения были излишни, впрочем, их никто и не давал.

Когда грузовик остановился у огромных стальных барабанов с зубцами - дробилок сахарного тростника, несколько рабочих подошли посмотреть, что же было в коробках.

Но, заметив строгий взгляд своего начальника и вышедшего из „Волги“ просто одетого мужчину, они быстро повернули назад. Рубильник был включен, барабаны вращались с оглушительным ревом. Четверо солдат начали разгружать грузовик. По мере того, как они опустошали ящики и перекладывали их содержимое на вращающиеся зубцы машины, разрывающие и пережевывающие белую массу, люди убедились, что солдаты привезли книги. Огромная бездушная машина уничтожала Слово Бога, Слово правды, света, любви и сострадания.

Завод печально маячил над горизонтом, окруженный волнами зарослей сахарного тростника. Как только костер из Библий был зажжен, клубы дыма поднялись над грудой бумаги.

В этот день сто тысяч Библий были брошены в ненасытное

чрево. Только кожаные переплеты были сняты и переделаны на кошельки.

Доктор Герберт Каудилл, протестантский священник, живший в то время на Кубе, сообщал о многих случаях уничтожения Библии и другой христианской литературы. Ничего не изменилось с тех пор. Сегодня, более чем десятилетие спустя, кубинский пастор Александр Ноубл и многие другие христиане рассказывают о „случайном“ сожжении 27000 Библий на гаванском товарном складе после того, как три тысячи экземпляров Священного Писания были официально розданы присутствующим в сопровождении улыбок и соответствующих фотографий для западных христиан. В древние времена христиане сжигали «дьявольские» манускрипты (Деяния 19:18,19). В Гаване же „дьявол“ сжигает христианскую Библию.

Кубинская ракетная угроза - одна из сильнейших американских тревог. Кубинский террор породили «ракеты» совсем иного вида. Библия - самая могущественная сила в мире, способная сокрушить оплот зла.

В течение четырех лет моего преподавания в Высшей христианской школе на Большом Каймане, английской колонии к югу от Кубы, мне довелось прочесть книги Ричарда Вурмбранда, Х. Попова и брата Эндрю.

Их размышления о страданиях христиан, живущих при коммунистическом режиме, больно сжимали мое сердце. Однако в различных религиозных публикациях я читал и статьи о свободе богослужения и наличии достаточно богатой религиозной литературы в странах коммунизма. Кому верить?

Сегодня каждый может встретить пастора или священника, одинаково отстаивающих любое из данных утверждений. Судьба бросала мне вызов в виде непростой задачи. Должен ли я был отыскивать свет правды или оставаться в комфортном неведении?

Летом 1972 года я прилетел в Америку с целью более подробного изучения этого дела. Из прочитанных мной публикаций о дискуссиях, проведенных в Соединенных Штатах, я обнаружил существование некоторых изощренных и явных способов угнетения и преследования христиан под красным знаменем.

На съезде в Далласе я встретил почтенного Петра Дейнеко, чья семья была вовлечена в активную духовную борьбу в радиозфире. Так как я много путешествовал и многое узнал, то почувствовал себя в качестве „заведенного механизма“, готового к действию ради Господа.

Позже Михай Вурмбранд, сын пастора Ричарда, описал свой способ пересылки проповедей, герметично закрытых в пластиковые пакеты, на побережья Китая, Албании и Советского Союза. Волны океана доставляли их на территории, мало посещаемые агентами КГБ.

Куба была полностью недоступной. Нелегко направить пакет на сравнительно небольшой остров, окруженный водой. Подобный метод распространения материалов показался мне спорным. Некоторые братья-христиане, которых я люблю, называют его расточительным. Может быть. Действительно, более эффективно могут быть использованы туристы или секретные курьеры. Бросать Господний хлеб жизни на воду и в самом деле не назовешь христианским способом распространения литературы. Вначале это может показаться даже неразумным. Нечто подобное применил еще в XVI веке Вильям Тиндейл в Англии, чтобы познакомить простого человека со Словом Божиим на родном языке. Он прятал Библии в тюки хлопка, которые затем переправлялись на корабле в страну. Тиндейл был сожжен на костре за преданность евангельскому учению. Если бы не его ортодоксальные методы, английские потомки не были бы осведомлены о Библии еще столетие.

Христианам легко воспринять рассказ о Тиндейле, потому что это - история. Существуют сотни подобных примеров. Слушая о тирании и героических подвигах верующих, сражающихся и побеждающих своих врагов, мы тем не менее не любим рыться в книгах, изучать историю такой борьбы или молиться перед принятием решения. Мы предпочитаем, чтобы нам рассказывали, как боролись и страдали другие.

В Калифорнии я встретился с лютеранским пастором почтенным Ричардом Вурмбрандом, который в Румынии перенес невероятные пытки при нацистах и коммунистах. Они длились четырнадцать лет. Его жена Сабина томилась в течение трех лет в коммунистических трудовых лагерях.

Я благодарен Господу за то, что он свел нас. Постоянный пример жертвенной любви и самоотверженная преданность Христу супругов стали для меня источником вдохновения. Финансовая помощь и молитвенная поддержка христианской организации Вурмбранда способствовали проникновению Евангелия на Кубу. Мое знакомство с Ричардом и Сабиной, другими мучениками за веру, оказало мне большую духовную поддержку в мрачные времена.

В течение последующих семи лет, когда я изучал положение христиан в угнетенных странах, верующие из Румынии, Болгарии и

Советского Союза могли останавливаться в моем доме. Все они в прошлом - узники за веру и убеждения: Василий Раскол, почтенный Дэвид Классен и другие могли бы стать живыми легендами, а не историей. Эти люди придавали мне мужества, когда я особенно нуждался в нем.

Летом я летел на остров Большой Кайман. Самолет громыхал над Кубой, пересекая ее по разрешенному воздушному коридору. Я вспомнил о своем первом коммерческом перелете год тому назад. Моя Библия была открыта на Псалме 138:9,10: „Возьму ли крылья зари и переселюсь на край моря; и там рука Твоя поведет меня, и удержит меня десница Твоя“.

„Какой чудесный, подходящий стих,“ - вздохнул я.

Со временем смысл этого стиха, как и всей Библии, открылся для меня новой гранью. Еще несколько минут и самолет приземлится на Большом Каймане. Внизу был остров голодных рабов, запряженных в упряжку. Отчаянные, безнадежные в поисках света, они беспомощно влачили свое жалкое существование на полях сахарного тростника. Кто проникнет в эти страдающие души? Кто воодушевит их отягощенные сердца?

Я готов был сделать это добровольно. Разве Библия не говорит: „Отпускай хлеб твой по водам, потому что по прошествии многих дней опять найдешь его“ (Екклесиаст 11:1) ? Море станет носителем надежды и света. Со словами из Библии, горящими в моем сердце, пробудилась надежда...

Сбрасывание христианской литературы с борта самолета не является чем-то новым. Трансмировые миссии использовали этот метод над Мексикой и другими странами на протяжении многих лет. Пилоты-миссионеры Билл Брайт и Дик Хэлверсон над южной частью Калифорнии сбрасывали подарки, открытки и листовки. Этот весьма не ортодоксальный метод евангелизации вызвал возмущение у некоторой части христианской общины. Возможно, частично это возмущение оправдано. Но в большей мере нет.

Некоторые интересовались, было ли мое решение оправданным. „Что бы мы сделали здесь, в свободном мире,- спрашивали они,- с коммунистами, которые разбрасывали бы с неба свою литературу по всей округе?“ Но здесь нет никакой необходимости в использовании этого метода, потому что коммунисты открыто печатают свои матери-

алы во многих западных странах. А в коммунистических странах издание христианской литературы запрещено.

Мои семь лет распространения христианской периодической литературы над Кубой и вокруг нее не походили на молниеносные приключения Джеймса Бонда под прикрытием слов „Во имя Иисуса,“ а были спланированной попыткой проникнуть на «остров страха» с Благой Вестью о любви.

Некоторые считают подобную контрабанду Слова Божьего слишком экзотичной для христианских устремлений. „Почему нужно быть при этом изворотливым и ловким, как Джеймс Бонд, и игнорировать власти?“- недоумевают они. „Давайте держать подобный вид деятельности под контролем; существуют легальные пути. Кроме того, апостол Павел говорит, что мы должны уважать власти. Бог посвящает правителей в духовный сон, разве не так?“

Целью этой книги не является обсуждение этой проблемы. Тем не менее, у меня есть своя точка зрения. Все христиане должны повиноваться власти и уважать ее. Все, что причиталось Цезарю, люди должны были отдавать ему. Но некоторые вещи ему не принадлежали.

Поэтому иудейские власти опасались, что, если многие уверуют в Христа, придут римляне и овладеют разделившимся народом, т. е. это приведет к политической нестабильности (Иоанна 11:48). Этот обман стал решающим фактором в смерти Иисуса.

Из другого эпизода мы видим, как Петр и другие апостолы бросили вызов этим же людям. „Должно повиноваться больше Богу, нежели человекам“ (Деяния 5:29).

В совершении предательства против ее страны Раав повиновалась Закону Божьему, не выдав двух соглядатаев (шпионов) (Иисуса Навина 2:15). Но в Послании к Евреям (11:31) мы видим, что Бог оценил ее веру.

В Книге Деяний говорится, что Павел направился в Иерусалим, а затем попал в Рим в оковах. Он по своему желанию покорился властям, потому что знал, что на это была воля Божья (Деяния 19:21, 21:13, 14, 23:11). Нам необходима духовная мудрость, чтобы знать, когда подчинение будет содействовать духовности, а когда будет служить помехой. Павел, который проповедовал подчинение в гражданских вопросах, часто избегал властей, которые стремились уничтожить Божий труд. Павел игнорирует власть (Первое послание к Тимофею

2:2, Послание к Римлянам 13:3,4, Послание к Евреям 13:17 и Первое послание Петра 2:14). На протяжении всей истории Бог условно поддерживал власти согласно этим определениям. Однако Он не уважает их, если они не подчиняются Ему. Фараон был наказан тем, что заболел чумой. Ирод умер в мучениях из-за своего отступничества. Сколько раз в Книге Деяний Бог преступал гражданский закон и освобождал своих последователей из тюрьмы?

Непрерывное выполнение Великого Полномочия - наша первоначальная задача. Это наше самое высокое призвание. Но Бог начал использовать Самуила, затем Давида с Иоанном, чтобы обойти духовную власть Саула, потому что король Саул не захотел следовать за Ним и не выполнил Его заповеди. Бог отверг его суверенитет (Первая книга Царств 16:1-3, 15:11). На этой библейской основе коммунистические власти не признаются Богом. Тайное распространение христианской литературы не является незаконным, потому что Бог - наша верховная власть; Бог дал нам полномочие идти в мир с Благой Вестью.

К сожалению, мы на западе непоследовательны в нашем восприятии христианско-правительственного конфликта. Почему мы одобряем христианские коротковолновые радиопередачи, направленные на коммунистические страны, но питаем отвращение к различным способам контрабандного ввоза литературы? Какая разница между словом, произнесенным устно, и напечатанным? Когда наши радиопередачи проникают в Советский Союз и на Кубу, являются ли они легальными в глазах коммунистов? Если это так, то почему Советский Союз потратил миллиарды рублей на высокомогущие глушительные системы?

Я узнал о голодных овцах, которые не получают еду, а Иисус сказал: „Покормите моих овец“. Я узнал о Кубе, которая официально принимает религиозную пилюлю, но выплевывает ее, уничтожая Библию. Если больной не будет принимать пилюли, мы, как озабоченные доктора, будем вынуждены использовать „неортодоксальный“ метод, который вызывает ужас у большинства детей. Мы должны сделать инъекцию непосредственно в кровотокающий поток.

С иронией многие христиане, так же как и коммунисты, критикуют тайное распространение литературы. „Вы не должны смешивать политику с проповедью,“ - доказывают они. - „Вам следует проповедовать чистое Евангелие“.

Иоанн Креститель лишился головы, потому что он обличил царя Ирода в женитьбе на жене своего брата. Стефан, первый христиан-

ский мученик, был забит камнями, потому что его „чистое Евангелие“ обвинило убийц Синедриона. Свет правды просвещал одних и разоблачал других. Это не положительный и не отрицательный свет, не религиозный и не политический. Как Божий чистый луч, он проникает во все сферы нашей жизни. Миру не понравится яркий свет, болезненно обнажающий тьму зла. Тем не менее, наша миссия состоит в том, чтобы нести в мир яркий свет Божьей правды.

Я посвящаю эту книгу. Моя книга не является повествованием о триумфе человека над системой. Это свидетельство Божьей всепобеждающей любви, Божьей преданной защиты, Божьего терпеливого наставления в идеологическом аду.

„ВОСЕМЬ НОЛЬ ДЖУЛИЭТ... „MAY DAY! MAY DAY!“

Уже темнело, когда мы засекали сигнал радиомаяка с базы на побережье Кубы у Пунта Алегра. Мэл Бэли пытался удержать вибрирующий самолет, чтобы он не сбился с курса из-за сильного встречного ветра. Едва мы прошли намеченную точку, я поднатужился и открыл заднюю дверь «Чероки-6», подперев ее кусками картона. Из-за сильного потока воздуха, рвущегося в дверь, я быстро отказался от замысловатого плана сбрасывания определенного количества религиозной литературы в течение каждой минуты и начал быстро действовать, как только мог. У нас в распоряжении было всего лишь 20 минут. Взяв себя в руки и нашептывая молитву для поднятия духа, я начал разрывать веревки пятифунтовых связок и разбрасывать листки.

Тем временем, Мэлу было трудно связаться с Гаваной и он переключал частоты, чтобы поговорить с Камагузем.

- Камагуэй, Центр, это Чероки Восемь Ноль Джулиэт. Какая погода над Кубой?- запросил он.

- Ноль Джули... Нет чет... погод... видимости...- потрескивало радио.

- Камагуэй, приближается гроза. Можете ли вы дать нам ее направление?

- Нет... Восемь... Джулиэт, - голос диспетчера был едва слышен.

- Находимся ли мы в зоне радары Камагуэй?

- Нет... Ноль Джулиэт...- последовал ответ.

Возможно, приближающийся шторм заблокировал видимость на их экране. Внизу я мог различить светящиеся дома, автомобили и улицы, которые напоминали крошечные сокровища, мерцающие в темноте. Будут ли найдены брошюры? Прочтут ли их? Будет ли семя божьей любви и надежды посажено в сердца людей, которые находят-

ся внизу? У меня не было ответа, но, несмотря на беспокойство, ветер был великим благословением в Божьем плане. Нам необходимо было знать ответы на эти вопросы.

Мы достигли юго-западного побережья Кубы, пересекая точно по сигналу радиомаяка контрольно-пропускной пункт Симон Рэйес. Покидая остров, я сбросил последнюю связку литературы.

- Брошюры все выброшены! - прокричал я Мэлу с триумфом.

- Аллилуйя! - крикнул он пронзительно, радостно махая правой рукой.

- О-оо! Спасибо Тебе, Иисус! - Я засмеялся.

Болтанка усилилась, когда мы вошли в зону штормового ветра на пути к Ямайке. Я стал приводить в порядок веревки и картонки, сидя сзади и чувствуя тошноту от качки самолета. „О Господи,- думал я,- если все, что потребуется для осуществления нашего замысла - это маленькая рвота, тогда Ты можешь включить ее в любое время». Мэл прокладывал путь своей трясущейся полудикой лошадке в молниях, ветре и громе. Вернувшись в кресло второго пилота, я начал осознавать, насколько серьезным было наше положение. Мы связались с центром Кингстон.

- Восемь Ноль Джулиэт, у вас есть дальномерное оборудование?

- Нет, Кингстон,- ответил Мэл.

- У вас есть радар?

- Нет! Какова погода в заливе Монтего, Кингстон? - прокричал Мэл.

Впереди я мог различить линию шторма между нами и Ямайкой. Центр связал нас с контрольным пунктом залива Монтего, но он также не смог помочь нам. Мэл наклонил самолет влево - всюду свирепствовала буря. Сверхчастотный маяк №2 (навигационная помощь) молчал, а №1 был ненадежным. Стрелка автоматического указателя направления бешено вращалась. Впереди были видны тени, которые смутно напоминали остров. Мэл приглушил динамик:

- Монтего, Восемь Ноль Джулиэт. Возможно, Ямайка в поле зрения? Навигационные приборы неисправны.

- Роджер, Восемь Ноль Джулиэт, мы включаем огни на взлетно-посадочной полосе. Вы видите нас, сэр?

- Нет! - Мэл и я придвинулись поближе к оргстеклу, пристально разглядывая черную, дождливую ночь. Взлетно-посадочной полосы не было.

- Включите ваши посадочные фары, Восемь Ноль Джулиэт! - инструктировал тихий голос.

Мэл начал щелкать тумблером. Включал и выключал, включал и выключал. Затем включил снова.

- Вы видите нас, Монтего?

Его голос отражал растущее напряжение.

- Нет, Восемь Ноль Джулиэт.

Ревущий мотор поглощал драгоценные капли бензина. Четыре указателя наличия топлива были передо мной. На двух уже светились красные огоньки, показывая отсутствие топлива. На двух других стрелки приближались к опасной отметке. Внезапно мы увидели луч света слева от самолета. Неужели это Ямайка? Если это так, то мы пересекали ее, выходя в открытое море.

У нас было в наличии спасательное оборудование, но делать вынужденную посадку ночью при таком штормящем море означало верную гибель. С чувством напряжения и неопределенности мы сделали вираж влево, и самолет двинулся вперед, как мотылек, устремившийся к свету.

Внезапно в работе двигателя послышался сбой... Еще одна стрелка приблизилась к отметке отсутствия топлива. Мэл включил четвертый бак, и мотор вновь загудел ритмично. Я бросил обеспокоенный взгляд на Мэла, взявшего опять микрофон.

- Монтего, мы движемся вперед по направлению к свету. Топлива практически нет.

- Роджер, Восемь Ноль Джулиэт. Огни на взлетно-посадочной полосе все еще включены. Мы вышлем пожарную машину на конец полосы. Ищите ее аварийный сигнал. Вы слышите?

- Да, Монтего.

- Восемь Ноль Джулиэт, как только приблизитесь к острову, двигайтесь по береговой линии. Тогда вы сможете найти аэропорт. Вы можете снизиться на три тысячи футов.

Пересекая береговую линию, мы пытались определить, где находимся. Все, что мы смогли увидеть - это маленькие деревушки. Нити едва уловимого света вдоль побережья напоминали ожерелье.

- Восемь Ноль Джулиэт,- голос диспетчера замер,- вы видите пожарную машину?

- Нет, Монтего,- строго ответил Мэл, сжимая ручку управления.

- У нас в запасе топлива на пять минут.

- Восемь Ноль Джулиэт! Включите снова ваши посадочные огни. Наш свет, как крошечная искорка на мрачном небосклоне, загорался и отключался, загорался и отключался для невидимых глаз всё время, пока мы кружили вдоль побережья. Внезапно радио громко треснуло и замолкло...

- Давай приземлимся на этом шоссе. Быстрее! - Я показал пальцем на приборы топлива. Три бака были пусты.

Мы опустились так низко, что могли видеть людей вдоль прибрежного шоссе, пристально наблюдающих за нашим самолетом.

- Приземляться на этой дороге? Взгляни на людей, стоящих на ней!

- Они уйдут с дороги, - крикнул я пронзительно. - Либо мы приземлимся, либо разобьемся!

Я горячо молился в то время, как Мэл начал снижение... Надеюсь что-либо передать по радио, он включил аварийную частоту.

- MAY DAY! MAY DAY! MAY DAY! Чероки Восемь Ноль Джулиэт. MAY DAY!

Подойдя к шоссе на полной скорости, Мэл сбросил газ и выровнял машину, пытаясь совершить безопасную посадку. Самолет заскользил над огнями, снижаясь впереди грузовика с мусором, который остановился на дороге. Выравнивая нос самолета, Мэл потерял из виду грузовик. Я поднял руки, чтобы предупредить его, но было слишком поздно. Закрыв руками лицо, я прошептал самое могущественное имя на земле:

- Иисус!

Мы столкнулись с грузовиком на скорости примерно семьдесят миль в час. От толчка самолет взмыл на фут выше шоссе. Правое крыло накренилось, самолет кружился, поворачиваясь и падая на правую сторону дороги. Крыло разрушилось. Мы перевернулись вверх колесами. Лобовое стекло разбилось.

- Выходи! Выходи! - пронзительно крикнул Мэл, опасаясь, что самолет может взорваться. Освобождая себя от ремня, я толкнул дверь и выпал в теплую тропическую ночь. Голоса, возбужденно говорящие по-испански, приближались к нам. Полный ужаса, я повернулся к Мэлу:

- Это не Ямайка. Это - Куба!

Я взглянул на часы: 1 час 20 минут, 27 мая 1979 года. День рождения моей жены. На какой-то миг я ощутил тоску по дому в Глендейле, Калифорния. Мне захотелось оказаться рядом с женой, обнять ее.

Мотоцикл с ревом пробирался сквозь толпу. Нас тотчас поместили в коляску, и мотоцикл быстро помчался по улицам Манзанилло, провинциального прибрежного городка, который раньше назывался Ориенте. У нас с Мэлом было слишком мало времени, чтобы поговорить друг с другом. Мы мчались по центру дороги, и попутный ветер дул в лицо. Я благодарил судьбу за то, что остался жив. Тошнота больше не мучила. „Не забывайте Иисуса Христа и воспользуйтесь каждым моментом, приходящим вместе с Ним“,- подумал я.

Мы остановились у полуразрушенного здания, нас провели внутрь. Это была больница. С нами все еще обходились, как с туристами. Кубинцы еще не знали, кто мы. Мы присели в маленькой комнате для осмотра. Мэл напротив меня. Сняв спасательные жилеты и убедившись, что на нашем теле не было ни единой царапины и ни единого синяка, мы вновь удостоверились в сильной Божьей защите и благосклонности.

- Царь вселенной летел вместе с нами, Мэл,- улыбнулся я. - Он продолжает быть с нами даже на Кубе.

Когда мы покидали здание, в коридорах выстроились люди. „Очень странно,- подумал я, - почему так рано столько людей ожидают врача?“ Только позже мы догадались, что они хотели увидеть нас.

На улице нас подвели к машине советского производства и повезли через весь город. Один из пассажиров, сидевший впереди, читал какую-то книжицу. Несколько брошюр с проповедями во время аварии разлетелись по всему шоссе. „Не подобрал ли он одну из них?“ Я вздрогнул. Мы остановились у маленького дома. Нам дали понять, что следует подождать работников иммиграционной службы и службы безопасности. В гостиную я быстро нацарапал имя и адрес моей жены на клочке бумаги и попытался передать его женщине, работающей на кухне. Я знал, что это, может быть, единственный шанс связаться со своей семьей.

- Пожалуйста, мэм, пошлите это моей жене, - умолял я.

Она замахала руками. Ее глаза были широко открыты от страха.

- Ничего плохого с вами не случится! - пронзительно крикнула она.

- Пожалуйста, - настаивал я.

- Нет! Нет! Ничего плохого не будет.

- Ради Бога, пожалуйста, возьмите это! - настаивал я.

Она опустила глаза и покачала головой. Полный тревоги, я снова вернулся в гостиную. Наконец, нас начали допрашивать восемь или девять служащих, занимающихся вопросами иммиграции.

- Куда вы направлялись ? - спросил один из них.

Мэл и я сидели рядом на диване напротив допрашивающих.

- Мы направлялись в Монтего Бэй, но сбились с пути во время шторма,- спокойно ответил Мэл.

- Итак, вы собирались на Ямайке провести уик-энд как туристы, да? - с издевкой произнес усатый мужчина, сидящий за столом. Он поднял одну из наших брошюр и улыбнулся, пуская перед собой длинную струю сигаретного дыма. - Некоторые из них удалось выбросить из самолета, не так ли?

Я взглянул на мужчину, стоящего у противоположной стены комнаты. На нем была зеленая униформа, и он яростно кричал в телефон, докладывая в Гавану о книге, находящейся в его руке. Мое сердце опустилось при мысли, что нам придется пробыть некоторое время на Кубе. Конвоиры проводили меня вниз в холл, а Мэла все еще продолжали допрашивать. Изможденный, я опустил голову на стол и попытался уснуть. Но едва я закрыл глаза, как вдруг где-то раздался рык льва. „ На Кубе... лев?“ - подумал я. И снова послышался рев. Я поднял голову и спросил конвоира:

- Здесь рядом зоопарк?

Он кивнул головой. Я опустил голову и снова улыбнулся. Даниил! У него было несколько конфликтов с правительством, но Бог был с ним. Я подумал о своем сыне, тоже Данииле. У библейского Даниила было безупречное поведение, он проявлял уважение к власти, и если действия властей противоречили Божьим заповедям, Даниил повиновался Богу, а не людям. В тот момент свидетельство пророка придало мне силы.

Когда кубинцы поняли, что мы не просто туристы, меня и Мэла усадили в разные машины и повезли в маленький аэропорт, где мы увидели наш искореженный самолет, доставленный сюда на грузовике. Когда остатки самолета были сгружены на бетонные плиты, мы вновь убедились в том, как велика Божья милость. В то время, как служащие осматривали самолет и его содержимое, я сел на бетон, опершись о стальную балку, и попытался заснуть, но комары не давали мне покоя. Во влажном и прохладном воздухе их было несметное множество, а атаки просто безжалостны.

Пожалев меня, старый охранник позволил мне сесть в коляску его полицейского мотоцикла. Он был невысокого роста, с загорелым лицом и ушами, торчащими из-под военной фуражки. Простоватый мужчина с широкой и глупой усмешкой, он часто тер

залитые кровью глаза своими грубыми пальцами, чтобы разогнать сон.

- Ты слышал когда-нибудь, что существует Бог и что Он любит тебя? - тихо спросил я.

Он замахал рукой, как будто хотел отогнать эти слова от себя, и пробормотал:

- Наукой доказано, что человек произошел от обезьяны.

- Но разве вы никогда не всматривались в лица своих детей и не удивлялись тому чуду, что они похожи на Вас, что миллионы клеток приняли участие в формировании носа и глаз, которые напоминают ваши?

- А... дети... это от секса!

Он поворчал, взглянул украдкой на других охранников и приложил палец к губам, давая понять, что нужно молчать. „Он не хочет быть дружелюбным со мной в присутствии других, - подумал я. - Но я буду за него молиться.“

Мэл тем временем объяснял назначение уцелевшего оборудования, разложенного на бетонной плите вокруг разбитого фюзеляжа бескрылого «Чероки». Много любопытных из службы безопасности и деревенского вида охранников столпилось вокруг него, пока несколько других служащих рассматривали бумаги, находившиеся на борту самолета.

- Это аварийный передатчик, - произнес Мэл.

Люди толпились вокруг подозрительно выглядящих коробок и свертков с выражениями уважения, страха и восхищения на лицах. Я присоединился к Мэлу, когда он уже рассказывал зевакам анекдоты.

- Вы видите, - улыбнулся Мэл, - у нас только одно уцелевшее радио. Если бы мы сделали вынужденную посадку в океане, Тому пришлось бы плыть вместе со мной.

Я перевел сказанное на испанский.

„Какую опасность могут представлять эти люди? - раздумывал я, не теряя надежды покинуть остров. - Мы можем уйти отсюда, как туристы“.

Пока солнце медленно поднималось, у меня была возможность наблюдать за грузовиками, полными пожилых людей и молодых женщин. Машины с грохотом направлялись к полям сахарного тростника. Было воскресное утро. „Те ли это „добровольцы“, о которых я слышал, что их изгоняют из церквей и принуждают к работе?“

Мне и Мэлу разрешили отдохнуть несколько часов. Потом нам

показали то место, где мы ударились о землю. Около дюжины школьников с любопытством прошли мимо нас. Я приложил пальцы к кудрявой головке одного маленького мальчика и поинтересовался, слышал ли он когда-либо об Иисусе как Спасителе. Он не ответил.

Возвращаясь в отель, чтобы поесть, я впервые столкнулся с коммунистической реальностью. Едва мы сели за стол, кто-то принес нам меню. Слева был список из нескольких блюд, отпечатанный на старой, желтой, запятнанной бумаге. Еда была сварена, в основном, из риса. С правой стороны папки был помещен новый, без пятен, листок, на котором значились курица, отбивные котлеты и рыба. Очевидно, он был помещен сюда специально для нас. Один из конвоиров, довольный, что можно заказать отбивные, в нашем присутствии съел их с таким чувством, как будто Рождество и День Благодарения были объединены вместе. Позже мы узнали, что для простых людей мясо было малодоступно. Протесты и демонстрации, пока мы находились на Кубе, возникали по всему острову.

После обеда нас поместили в маленький «Альфа Ромео». Конвоир сел между Мэлом и мной. Автомобиль мчался по кривым улочкам небольшого городка Манзанилло. Все, что у меня осталось в памяти об этом городке, так это витрина с одним висящим там платьем и несколькими пластиковыми яблоками. Хотя при аварии самолета я потерял свои очки, но все же не мог не заметить бедность, царившую вокруг.

Водитель гнал маленькую машину на предельной скорости и вскоре мы, преодолев около восьмидесяти миль, приблизились к Холгуину. Мне послышалось, что в разговоре между охранниками прозвучало слово „самолет“. Мы действительно подкатили к аэропорту. Через предупредительно открытые ворота нас повели к трапу пассажирского реактивного самолета ЯК-40, выпущенного в России, но принадлежавшего кубинской авиакомпании. Мы поднялись на борт самолета - каждый в сопровождении представителей службы безопасности. Пристегнув ремень, я оглянулся назад, где сидел Мэл, и полшутя сказал:

- Все это выглядит так, как будто у нас свой собственный реактивный самолет.

Вскоре другие пассажиры поднялись в салон самолета, с любопытством глядя на нас. Мы задержали их рейс более чем на два часа. Мне показалось странным, что ни один человек не возмущался. При тоталитарной системе в присутствии полиции никто не смел показы-

вать свой гнев. Могу себе представить, что сказали бы пассажиры на борту американского самолета тому, кто задержал бы их рейс на такой длительный срок! Свобода слова гарантирует право на возмущение.

Когда мы летели в Гавану, одна молодая пара оказалась сидящей напротив меня. Видно было, что они очень любят друг друга. Он шептал ей что-то на ухо, обнимая за шею и смеясь над собственной шуткой. Тогда я почувствовал обиду, почти физическую боль от того, что моя любимая жена была дома одна и не догадывалась о случившемся со мной. Я прислонил голову к окну. Я молился за Офелию и детей. В поле зрения появилась территория Гаваны. Без очков я не мог рассмотреть город. Тем не менее мои мысли вновь обратились к нашим религиозным брошюрам. „Какое чудесное место, чтобы сбросить литературу,“ - подумал я.

Мы вышли из самолета последними. Холодная реальность сложившейся ситуации поразила нас, когда на нас надели наручники и повезли в штаб-квартиру службы безопасности. Миновав большие ворота, высокие стены, увенчанные колючей проволокой, мы въехали на территорию бывшего католического монастыря Вилла Мариста. Его превратили в тюрьму службы внутренней безопасности - политической полиции. В изменении предназначения этого здания я почувствовал физическое проявление духовной войны сатаны против церкви. Я вдруг вспомнил, как читал дьявольские стихи черной магии Карла Маркса, которые он написал, будучи студентом университета. Кельи в здании, в котором я сейчас находился, первоначально использовались для молитвы. Сейчас их использовали для мучения человеческих душ.

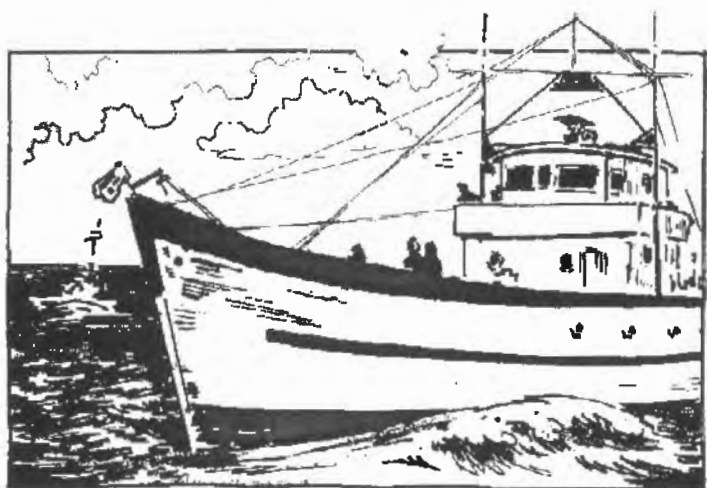
Нас раздели, тщательно осмотрели и отправили на второй этаж для получения желтой спецодежды без рукавов - бывшей униформы вооруженных сил диктатора Батисты. Меня бросили в камеру №44, Мэла в камеру №60.

Мне хотелось одного - уснуть. Я лег на тонкий бугорчатый матрас, который покрывал полку, прикрепленную к стене цепями. Вертелся в разные стороны, но сон не приходил ко мне. Тело еще не привыкло к жесткой постели. Вскоре я осознал, что Богу угодно, чтобы я оставался на Кубе. Наша необычная авария согласно Его плану не была несчастным случаем. Но почему? Что может быть хорошего от гибели в коммунистической тюрьме? Что случилось с брошюрами, которые мы сбросили?

Затем мои мысли перенеслись к счастливым временам, к малень-

кому островку в Карибском море, находящемуся так далеко от моей темной одинокой камеры...

ХЛЕБ НАСУЩНЫЙ НАД БУРНЫМ МОРЕМ

Большой Кайман - живописный маленький островок раскачивающихся пальм и белых пляжей, окруженных кристально чистой водой. Воспоминание о его населении с присущей ему теплотой семейных взаимоотношений, спокойными, улыбающимися лицами людей придало мне теплоты, когда я лежал на откидной кровати в камере 44.

Я вспомнил свою маленькую квартиру, которая стала складом полиэтиленовых сумок, соломинок для содовой воды, жевательной резинки и началом моих тайных приключений.

Несколько христиан, включая моего знакомого учителя по имени Арт Манчестер и студентов, вовлеченных в это мероприятие, встречались со мной по субботам, чтобы упаковывать религиозные брошюры по методу сборочного конвейера. Мы паковали литературу вместе с соломинками для содовой воды и жевательной резинкой в полиэтиленовые пакеты и герметично закрывали их. Жевательная резинка привлекала внимание детей и взрослых на пляже и соблазняла открыть пакет, а затем извлечь оттуда литературу. Соломинки позволяли удерживать пакет на плаву.

В одной из стран христиане даже охраняли пляж, чтобы уберечь литературу от пропажи. „Не будут ли напрасными наши сбросы проповедей в прибрежных кубинских водах?“ - размышлял я.

К зиме 1972 года мы были готовы получить ответы.

Мы уложили 50000 пакетов в большие полиэтиленовые сумки для переправки их на борту судна в гавань Джорджтаун. Ночь была ясной, и лунный свет весело играл в воде, когда мы поднимали якорь.

Казалось, что низкие белоснежные административные здания удалялись, когда мы скользили по спокойному морю до тех пор, пока остров не стал напоминать блин размером в пятидолларовую монету.

Наблюдая эту сцену с крыши рулевой рубки, я доел большой сэндвич с салями и сыром и прилег, чтобы посмотреть на звезды. Это было мое первое путешествие в море. „Неплохо, совсем неплохо,“ - подумал я, вслушиваясь в постоянный гул двигателей. Внизу трое христиан все еще ели и смеялись, разговаривая с членами экипажа.

Капитан Альфред Итон взял курс параллельно Кубе. Мы находились в нейтральных водах на расстоянии двенадцати миль от берега. Однако нам было ясно, что мы не достигнем зоны выброса литературы до завтрашнего дня. Все, казалось, идет чудесно. Я уже почти спал под покровом теплой карибской ночи, когда наше судно закачало в бурной воде. Легкий ветер пролетел надо мной со скоростью двадцать пять футов. Внизу началась беготня, я узнал, что мы вошли в зону сильного северо-западного ветра, сезонного шторма. В течение тридцати минут все мы ощутили на себе морскую болезнь. Через несколько часов к нам присоединилась вся команда.

Всю ночь длился шторм. То возвышаясь на гребне бурных волн, то с треском падая вниз, мы двигались к цели. Все койки были заняты страдающими от шторма людьми. Я лежал на деревянной лавке, прикрепленной к стене рядом с камбузным столиком. Каждые десять минут меня подташнивало.

Через некоторое время Арт, покачиваясь, зашел на камбуз.

- Капитан интересуется, не хотите ли вы вернуться назад, - сказал он, держась за столик. - Он говорит, что, возможно, такая погода сохранится до конца нашего путешествия. Он хочет знать, что вы намерены делать.

Медленно, стараясь перейти в положение сидя, я взглянул на него. Большие сомнения начали одолевать меня. „Это безумие! Неужели я такой неудачник в этой столь необходимой миссии? Вероятно, ничего не получится. Но мы уже на полпути к месту назначения и я уже на полпути к моей мечте“. Отнюдь не пытаюсь казаться героем, я, качая головой, пытался произнести „нет“ между приступами рвоты.

К утру шторм стих, и мы приблизились к месту операции. Мы решили составить линию из пакетов длиной около пятидесяти миль и сбросить больше литературы в конечном пункте. Я сел впереди и начал выбрасывать пакеты в море, молясь, чтобы Бог благословил нас в нашем труде.

Арт и Боб Джонсон прошли вперед, выполняя то же самое. Мы легко раскрывали ящики и большие полиэтиленовые сумки. Тысячи пакетов вываливались наружу, взмывая на гребнях волн и оставляя белый след позади нас.

Ветер, который доставил нам неприятную ночь, теперь быстро гнал выброшенный груз. Палуба была скользкой. Мы, пошатываясь, часто падали из-за сильных волн, пытаясь завершить начатую операцию.

К сожалению, мы не могли видеть Кубу. Был облачный день, и судно находилось в двенадцати милях от берега. Но по приборам, имеющимся у нас, мы знали наше местоположение. Бедный Фредерик Притчард, третий брат, помогающий нам, во время путешествия не мог подняться с постели. Я искренне сочувствовал ему. Выполнение задачи, мы тоже улеглись на следующие тридцать шесть часов, поднимаясь время от времени, чтобы выпить немного воды.

На обратном пути нефтяной танкер в кубинских водах заметил нас и повернул по направлению к нам, как будто пытаясь таранить наше судно. Однако, проходя очень близко от нас, он, очевидно, усомнился в том, что мы иностранное, а не кубинское судно. Мы же опасались, что у него были враждебные намерения, так как он не поднял флаг и отказался связаться с нами по радио. Массивный нос корабля, разрезая волны, подошел на расстояние менее ста ярдов. Наш капитан зарядил свою винтовку, как последнюю надежду, хотя ее применение было бесполезно против этой горы металла. Но оказалось, что это было лишь проявление простого любопытства. Танкер прошел мимо нас. А мы испытывали трепет, увидев снова Джорджтаун.

Несколько месяцев спустя тридцать шесть кубинских беженцев в маленькой рыбацкой лодке попросили убежища на Большом Каймане. Хотя кубинские военные самолеты искали их, выпуская ночью сигнальные ракеты, они благополучно добрались до острова. Я подъехал к пляжному домику, который любезно предоставило правительство острова Большой Кайман. Тубал Каин, учитель испанского языка в высшей школе, и мой переводчик шагали вместе со мной по белому песку к маленькому деревянному домику. Уставшие беженцы сидели - кто на койке, кто за карточным столом.

- Да благословит вас Бог! - приветствовал я их через Тубала. Вы не возражаете, если я задам вам несколько вопросов?

Они кивнули и пригласили нас сесть.

- Я интересуюсь жизнью христиан на Кубе. Вы можете мне что-нибудь рассказать об этом?

Высокая, худая, темноволосая девушка Лусиа Рейес подошла к столу:

- Мы пытались создать в нашей церкви молодежную службу, но власти всегда мешали нам, - сказала она.

- Что вы имеете в виду? Они бросали камни в здание? - уточнил я.

- Нет, но всякий раз, когда мы начинали службу, большой грузовик подкатывал к зданию. Военные стояли на ступеньках, спрашивая, кто хочет добровольно резать тростник. Вскоре мы убедились, что именно время нашего богослужения было тем единственным моментом, когда нас призывали стать добровольцами. „Каждый должен откликнуться на наш призыв, - говорили они. - Иначе вы не патриоты.“

Полный мужчина невысокого роста вышел вперед. Слова гнева лились из его уст потоком, как будто он сдерживал их в течение многих лет.

- Я попробовал вкус свободы религии на Кубе! Свобода коммунистического правительства во главе с Кастро заключается в закрытии в моем городе всех церквей!

Доктор Энрике Алварез тоже, казалось, наконец-то мог высказать накопившееся на душе.

- Единственная религия - это Фидель Кастро. Фидель! Фидель!

- Сейчас невозможно достать Библию, - добавил другой беженец. - Все гибнет: книги, церкви. Все гибнет.

- Послушайте, - сказал я с надеждой. - Несколько месяцев тому назад мы совершили путешествие на рыболовецком судне. Мы приехали сюда...

Я нарисовал схематическую карту на листке бумаги.

- Вы когда-либо видели книги в полиэтиленовых пакетах?

Я обвел взглядом темную комнату и этих несчастных людей, надеясь, по крайней мере, на улыбку или кивок в знак согласия. Но нет. Они ничего не видели. Это было за семь лет до того, как я услышал первое „да“.

На Пасху 1973 года я полетел в Сан-Хосе, Коста-Рика, с несколькими студентами колледжа, в котором я преподавал. В то время я не говорил ни слова по-испански, однако поехал в качестве сопровождающего группы. Как-то ночью, во время христианской службы, далеко в горах, я встретил Офелию. После службы я дал свой адрес тем из ее сестер, которые хотели переписываться со мной.

Офелия стояла безмолвно у кухонной стены и улыбалась. Что-то перевернулось у меня внутри.

На следующее утро, уверенный в том, что здесь достаточно учителей для сопровождения студентов, я поехал на первом же автобусе из Сан Хосе обратно в горы. Мы с Офелией сумели понять друг друга, ведь для этого существует множество языков! Сидя на большой веранде под теплым солнцем, мы взяли наши Библии и начали „общаться“ друг с другом. Первые несколько дней мы провели над псалмами и притчами. Мы брали повсюду с собой Библию. Сострадание, нежность и чистота Духа Иисуса в ней свидетельствовали о присутствии Иисуса во мне.

В конце этой чудесной недели, когда Божий Дух подтвердил чувства, родившиеся в наших сердцах, мы прочли отрывки прекрасных любовных стихотворений в Книге Песни Песней Соломона. Это было восхитительно! Ее отец, настоящий христианин, вышел к нам на крыльцо. Я был немного смущен и прекратил чтение. Офелия искренне засмеялась и начала поддразнивать:

- Не останавливайся, продолжай читать!

Я посетил место, где она работала швеей, и сел рядом с ее машинкой, не обращая внимания на хихиканье подружек. Я был счастлив.

Спустя неделю я неохотно вернулся на Большой Кайман.

В течение семи месяцев мы написали друг другу более сотни писем. Когда я узнал, что подружка Офелии была вынуждена переводить ей мои любовные послания, то моментально перешел на испанский. Могу себе представить, как вся маленькая долина, в которой жила ее семья, наслаждалась изучением романтических выражений, посылаемых каждый день влюбленным американцем.

Миссионеры говорили, что мы с Офелией очень подходим друг другу. Воодушевленные ими и Господом Богом, мы планировали пожениться в декабре 1973 года.

Однажды она посетила Большой Кайман со своей сестрой и пробыла здесь несколько недель, а я в свою очередь посетил ее дом.

Я вспоминаю утро, когда я шел от ее дома вниз вдоль реки и далее через мостик к христианскому дому престарелых „Приют доброго самаритянина“, куда обычно отправлялись на работу ее отец и мать. У меня как раз было намерение просить руки их дочери. Нервничая, я повторял слова, которые собирался произнести. На своем практически несуществующем испанском я пытался объяснить, что их дочери

будет, очевидно, тяжело покинуть Коста-Рику и переехать на крошечный островок, находящийся далеко от ее семьи. Сейчас, возвращаясь мысленно к тому дню, я с уверенностью могу сказать, что отец Офелии знал, с какой целью я направлялся в то утро к нему. Вероятно, вся долина знала об этом!

У нас состоялся короткий разговор (всего несколько минут!) у дерева в саду. С нашим ограниченным словарным запасом это был действительно короткий разговор. Франсиско, или Панчо, как его называли, был преданным слугой Бога. Я чувствовал удовлетворение от общения с ним. И если бы он даже отказал мне, то, вероятно, благодаря его добросердечности, это не стало бы для меня сильным ударом. После того, как я на плохом испанском выразил свои намерения, он тихо улыбнулся и сказал:

- Хотя Офелия окажется далеко от нас, я знаю, что она будет в руках Господа Бога.

Он говорил еще что-то, но в то время я мог понять только это. Я пожал его крепкую руку, благодаря Господа за встречу с этим прекрасным человеком.

Несколько лет тому назад Панчо помог нескольким христианам-меннонитам построить этот уединенный дом. Раньше он был одним из самых богатых мужчин в долине, но из-за пристрастия к спиртному и небрежной траты денег потерял все. Кто-то из христиан дал ему Библию. Он решил прочитать ее от корки до корки перед тем, как уверовать в своего Спасителя. После обращения к Богу он принес очень многое к стопам Иисуса и до сих пор оказывает помощь людям в роли пастора. Сегодня Панчо иллюстрирует известную мысль: „Богатый человек редко удовлетворен, но удовлетворенный человек всегда богат“.

Летом 1973 года я решил осуществить еще одно путешествие на судне и подготовить к сбросу 100000 пакетов. Это не было время поиска плодов. Казалось, Бог говорил: „Сохраните посеянные семена“. Но, тем не менее, в горячие дни июня и июля я снова с несколькими верующими студентами - Роем, Станом, Кимом, Рейнолдсами - готовил пакеты. Зная о том, что течение океана претерпевает сезонные изменения, я планировал возвратиться к тому же самому месту, но по несколько измененной схеме. Когда приблизился назначенный день, я узнал, что судно не готово. Что предпринять? Продолжая герметично закрывать пакеты, я молился о предстоящем путешествии.

Однако Бог послал меня к пилоту-христианину Карлтону Боденну, который согласился пролететь над Кубой, минуя установленный воздушный коридор на Багамы. Половину груза мне следовало выбросить на юго-восточном побережье и вторую половину - при пересечении северо-восточного побережья.

Ранним воскресным утром 12 августа Карлтон и я взлетели с Большого Каймана на двухмоторном самолете Бичкрафт Д-18. Десять мест было освобождено, чтобы разместить груз. Сорок огромных полиэтиленовых сумок, в которых находилось около 70000 листовок, запечатанных в полиэтиленовые пакеты, заполнили пассажирский отсек фюзеляжа. Мы оставили около 30000 листовок, планируя распространить их позже. Когда Карлтон вырубивал к началу взлетной полосы, я пробирался между сумками к грузовому люку. Голос диспетчера затрещал в наушниках: „На Багамах ясная погода. Набирайте высоту и придерживайтесь 7000 метров“.

Карлтон медленно отжал дроссель, и рев двигателей заполнил кабину. Я подтянулся к рычагу на люке и сильно его дернул, затем потянул панель внутрь и положил ее на сумки. Ветер рвал мою рубашку, когда я наблюдал за коровами и пальмами, быстро проносившимися мимо нас. Мы взлетели и начали набирать высоту. Согласно кубинским правилам воздушного сообщения, было необходимо предварительное разрешение на этот полет. Они знали, что мы приближаемся.

- Буэрос, это Бич Найнер Семь Найнер Ноль Зулу, - вызывал Карлтон Гавану.

Ответа не последовало. Он взглянул на радио и проверил частоту. Да, 126.9.

- Буэрос, это Найнер Семь Найнер Ноль Зулу ...

Ответа все еще не было. Он сделал крутой вираж как раз в то время, когда мы ожидали разрешения на пересечение воздушного пространства. В течение десяти минут он пытался напрасно связаться с Гаваной. Что произошло? Знали ли они, что мы кружимся в воздухе? Приближаются ли они сейчас к нам? Я видел горизонт и море. Все, что я мог видеть, так это яркое голубое небо и зелено-бирюзовое Карибское море, усеянное маленькими коралловыми рифами на южном побережье. В конце концов слабый голос гаванского диспетчера сказал по радио:

- Найнер Ноль Зулу, переходите на радиосигнал Симонс, так требуется.

Мы выровняли самолет, двигаясь вперед по направлению к острову, находящемуся на расстоянии двадцати пяти миль.

Я начал выбрасывать религиозную литературу в открытый люк. Тонкие полиэтиленовые мешки легко разрывались при скорости ветра 140 миль в час. Кроме того, я тоже слегка разрывал их. Половина груза была выброшена еще до нашего приближения к побережью. Присоединившись к Карлтону в кабине самолета, я потуже затянул ремень и расслабился. Дым сахарных заводов и зеленая сельская местность провинции Камагуэй были под нами. Карлтон время от времени связывался с кубинским диспетчером, сообщая ему о нашем местонахождении.

Внезапно мы услышали сильный шум. Оглянувшись назад, я увидел, что грузовой люк открылся и повис под фюзеляжем. Один из двух удерживающих тросов был нарушен. Можете вообразить себе эту картину: мы летим чудесным воскресным утром с открытой дверью, а тысяча брошюр парит над городами и пастбищами. Оставшиеся в салоне большие пластиковые мешки надулись и бечевки вдруг лопнули. Тысячи брошюр освободились и начали парить в воздухе, летая, как снег, по всей кабине. Если бы я не был в кабине пилота в это время, то уже парил бы в небе без парашюта.

Когда Карлтон увидел выражение удивления на моем лице, он, повернувшись в кресле, осмотрел кормовую часть самолета и только покачал головой.

- Я пойду в корму, Карлтон. Может быть, удастся что-нибудь сделать, - предложил я.

- Нет, подожди! Давай вначале выясним, что происходит на другом побережье.

Карлтон спокойно заговорил с Гаваной.

- Гавана, Найнер Ноль Зулу, держим курс на Андрос как было условлено. Переходим на радиосигнал Алегре.

Конечно, наземная аппаратура слежения и обнаружения, доставленная из СССР, зафиксировала наш самолет. Хотя полиэтилен, возможно, нельзя выявить на радаре, мы предполагали, что здесь могут быть установлены оптические камеры, используемые для определения запуска ракет. Мы же запустили свои собственные „ракеты.“ Обнаружат ли они их?

Как только мы приблизились к северо-восточному побережью рядом с Морон и были готовы выбросить оставшиеся двадцать мешков, серый силуэт быстро пронесся слева и сделал вираж впереди нас.

- О! Посмотри на это! - указал я рукой Карлтону, который не мог не видеть русский МИГ.

Второй истребитель находился в ста ярдах позади нас, справа, и, наблюдая за нами, повторял траекторию нашего полета.

Хотя мы и знали, что ситуация была опасной, но в сердцах теплился покой. Я поражался своему спокойствию. Это не был покой безразличия, а покой, который, казалось, говорил: „Расслабься, все находится под контролем.“

Я хотел покинуть кабину пилота, чтобы перейти в салон и уничтожить кое-какие бумаги в своем портфеле.

- Нет, подожди, Том, - посоветовал Карлтон. - Мы можем вырваться. Давай посмотрим, что они делают.

- Он снова приближается! - крикнул я.

В это время гудящий реактивный самолет подошел слева так близко, что я увидел белый шлем пилота. Он повторил свой маневр несколько раз, каждый раз проходя все медленнее.

- Карлтон, он пытается заглянуть внутрь! - пронзительно крикнул я. - Как ты думаешь, он может что-нибудь увидеть?

Карлтон держался намеченного курса и не слышал меня. Пилот МИГа тоже мог видеть поврежденный люк.

Каким-то чудом пакеты улеглись на полу, как стая белых птиц. Если бы они продолжали выпадать из люка, когда мимо пролетал МИГ, мы были бы разоблачены.

Свисающий трос, очевидно, убедил пилота в том, что у нас произошла авария. Во время этого сурового испытания мы ни разу не связались ни с ним, ни с землей по радио. Возможно, он уже сообщил об увиденном на землю.

Самолет накренился влево и внезапно исчез, а мы продолжали полет по назначенному курсу. Я забрался в кабину и, снимая очки, высунул голову в окно. Второй МИГ тоже исчез. Они ушли! Слава Богу, мы свободны! Я быстро выбросил оставшиеся материалы.

Когда Карлтон уменьшил скорость полета, я прислонился к дверному проему, чтобы закрыть люк, но сильный поток воздуха чуть было не увлек меня вниз. Я отпрянул назад. Понимая, что будет невозможно приземлиться со свисающей дверью, я уперся ногой в стенку рядом с дверным проемом, а лбом в низкий потолок, надеясь на еще одну попытку закрыть люк.

Когда я лежал на своих нарах в камере 44, то пытался воспроизвести внешность Карлтона. Это был спокойный, сильный муж-

чина, который никогда не жаловался и никогда не грубил.

Он пропал на следующий год, будучи вторым пилотом, во время чартерного рейса на Флориду.

Я часто вспоминал наш совместный полет над Карибским морем и в мыслях воспроизводил до мельчайшей подробности его напряжение буквально за несколько минут до нашего с Мэлом приземления на шоссе.

Мэл! Что произошло с ним? Я почти забыл о нем. Почему нас держали отдельно? Увижу ли я его снова?

Мое тело ныло от жестких нар, и я пытался найти более удобное положение. Казалось, что сон был так далеко... как тот крошечный островок, который когда-то был моим домом. Медленно мой мозг перешел к более приятным воспоминаниям, когда я был пленен милым, тихим костариканским ангелом. Я уснул...

В ШКОЛЕ ДУХА

Был декабрь. Приближался день нашей свадьбы. За несколько дней до церемонии я полетел из Большого Каймана в Сан Хосе и взял такси, чтобы добраться до дома Офелии. Большая деревянная дверь распахнулась, и я поцеловал ее мать, затем нежно и трепетно - мою Офелию. Практически всегда во время моего уходаживания нас сопровождала одна из ее сестер. Но так как нам было в то время по двадцать лет, я не возражал.

Однажды Офелия и я пошли вместе с ее тетей и двумя маленькими детьми в горы, чтобы сорвать красных яблок и взглянуть на плантации кофе. Держась за руки, мы пробирались сквозь ряды высоких растений с шуршащими листьями. Утренняя роса все еще блестела на траве и воздух благоухал от аромата цветов. Мы остановились у маленькой поляны рядом с высоким деревом. Все еще из-за незнания языка нам с трудом удавалось общение. Тетя Офелии увела детей вперед.

Офелия прислонилась к дереву и улыбнулась. Я посмотрел в ее темные карие глаза, на длинные волосы, нежно спадающие по плечам.

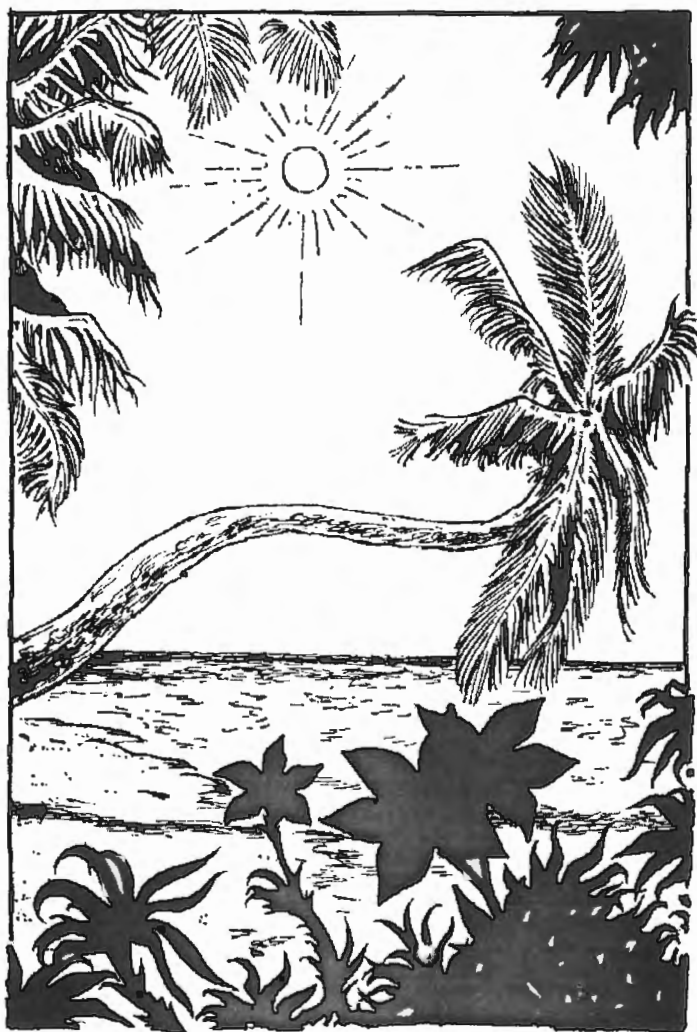
- Ты очень красивая, - сказал я ей и мои губы потянулись к ее губам.

Она засмеялась. Я наклонился, чтобы поцеловать ее.

- Томас, Томас,- прошептала она тихо.

Я взял обе ее руки и мы прикоснулись носами. Тетя и дети возвращались с изрядным шумом, предупреждая нас о своем приближении. На следующее утро я пошел в горы один и вырезал наши инициалы на дереве при помощи мачете - длинного ножа, используемого в Латинской Америке для рубки сахарного тростника. Между нашими инициалами я вырезал крест Иисуса.

За ночь до нашей свадьбы у нас было восхитительное торжест-

во. По здешнему обычаю к нам в дом сошлись все родственники и соседи. Миссионеры Хэри и Джин Начтигаял любезно переводили мне все, о чем говорили вокруг. Женщины и девушки находились внутри дома, в то время как мужчины и парни стояли снаружи на большой веранде. Четыре или пять музыкантов пели перед закрытой дверью, обращаясь к женщинам - они символизировали любовь жениха к невесте. Песни звучали всю ночь и на своем ломаном испанском я пытался петь вместе со всеми. Мягкие огни, пальцы над струнами гитары, улыбки, смех и шутки сделали этот вечер восхитительным. Но самое приятное событие ожидало меня за закрытой дверью.

Со скрипом распахнулось маленькое окошко в двери. Я напрягся, чтобы увидеть Офелию, но огни в гостиной погасли. Все, что я мог увидеть, так это шесть или семь чьих-то любопытных носов, наблюдавших за концертом из темноты. Когда я ее увижу? Наконец, этот миг настал. Дверь распахнулась, и моя улыбающаяся Офелия встретила меня. Мы поцеловались. Все собравшиеся приветствовали нас. Ничто не могло быть так романтично.

Наша церемония бракосочетания состоялась в Латиноамериканской семинарии, в одной из самых старых и наиболее почитаемых семинарий Центральной Америки.

Мой брат во Христе, Алсон Эбанке, играл на гитаре, сопровождая меня, когда я пел Офелии. Более чем 250 гостей пришли на церемонию и позже состоялся большой банкет, непременно с курицей и рисом. Офелия выглядела немного уставшей после свадьбы. Позже я узнал, что она сама сшила себе свадебное платье, а также платья подружек невесты в течение последних недель перед церемонией. На следующий день мы улетали на мой остров, увозя с собой двуязычный Новый Завет. Мы читали его вместе и Бог дал нам терпение и любовь, чтобы мы с Его Словом в руках начали пополнять свой словарный запас.

На Рождество мы вместе с Офелией полетели на DC-3 со Стивом и Руби Смес на Кайман-Брак. Самолет остановился на романтическом Малом Каймане, используя травяную взлетно-посадочную полосу. У этого островка прекрасные тихие места с белыми и розовыми пляжами.

Мы поднялись на отвесные скалы Кайман-Брака, обошли пещеры, медленно спустились вниз на главную дорогу и встретились с самой красивой достопримечательностью острова - с его людьми. Мы остановились в двух комнатах крошечной церкви в Коттон Три Бей. В то

воскресенье Руби играл на пианино, Стив и я разговаривали, а Офелия (еще не говорившая по-английски) улыбалась и Святой Дух позволил нам разделить ее любовь без слов.

Приступив к служению на Большом Каймане, я решил продолжить распространение литературы на Кубе до тех пор, пока не получу известие с острова. В такие отдаленные места какая-либо весточка могла долететь лишь посредством почты и часто с опозданием. В 1974 году я был готов доставить мешки с литературой, оставшиеся от двух последних путешествий, с экипажем коммерческого корабля. Это было сделано при помощи опытного агента, занимавшегося перевозкой груза. Он мог выбросить пакеты в море вдоль международного судоходного маршрута, пересекая кубинскую береговую линию. Он рассказал мне позже, что кубинский торпедный катер следовал за ними на некотором расстоянии от места выброса литературы. Но книги остались неповрежденными.

Два побега любви произрастали одновременно в моей жизни. Первый - преподавание в христианской школе, а второй - изучение борьбы и побед церкви в коммунистических странах. Что я должен предпринять? Куда направит меня Бог? Я был сильно обеспокоен тем, что официальные христианские публикации и международные церковные конференции не раскрывали всей правды. И дело было не в том, что им не удалось скрыть преследования, существующего в этих странах, а в том, что они объявили, что подобных преследований не существует.

Когда пасторы, живущие на Кубе или в Советском Союзе, приезжали с официальным визитом в страны свободного мира, они говорили о полной свободе вероисповедания в их странах. Нередко, насколько мне известно, они брали с собой семьи. Почему? Пребывая за границей вместе со своей семьей, они получали возможность уклониться от взятого обязательства и рассказать правду.

Изгнанным из страны Солженицыну и баптистскому пастору Георгию Винсу приходилось не раз сдерживаться в своих высказываниях до тех пор, пока их семьи не оказывались в безопасности за пределами Советского Союза.

Некоторых из приезжающих пасторов ориентируют на то, чтобы дезинформировать нас. Во время тюремного заключения Винса я столкнулся с Михаилом Бычковым, который был тогда руководителем советских баптистов и посетил большой город Среднего запада. Я спросил его перед телевизионными камерами:

- Почему вы заявили, что Винс был заключен в тюрьму за „уклонение от уплаты подоходного налога“, а разве отец Винса, пастор, умерший в советской тюрьме, тоже был лишен свободы за неуплату налога?

Он не ответил на этот вопрос, как и на многие другие, заданные присутствующими.

- Почему у меня конфисковали собственную Библию в московском аэропорту?- спросила пожилая женщина.

- Библии должны быть официально заявлены, - был жесткий ответ.

Встала юная девушка и спросила:

- Почему был заключен в тюрьму Нижале Садуните в Литве за печатание религиозной газеты?

Ответа не последовало.

Из пятнадцати вопросов, заданных Бычкову, он умело отклонил десять.

Мужчина со славянским акцентом, сидевший в зале, встал и начал кричать:

- Ложь! Ложь! Вы не говорите всей правды!

Бычков спокойно встал и вышел, а я в это время увидел, как несколько человек потащили возмущившегося мужчину вниз по проходу к двери.

Вспоминая этот случай, я очень хотел сделать что-нибудь конструктивное, чтобы разоблачить весь этот обман. Но оставалось так мало времени. Мое влияние в школе и церкви Каймана росло, я проявлял постоянный интерес к Кубе. События развивались: в нашем доме ожидался новый жилец!

В июле 1975 года во время летнего визита к моим родителям в Даллас родилась Дороти Элизабет Уайт. Родители Офелии также находились здесь. Я был уверен, что моя жена родит мальчика и, вероятно, чувствовал бы себя более привычно в этом случае. Но я был буквально сражен прекрасным крошечным существом, когда увидел Дороти в детской комнате. Я сел на пол в холле с моим братом Джимом и мы часами наблюдали за ней. Я не променял бы ее на десять мальчиков.

Вскоре мы уже летели в самолете с драгоценным свертком, возвращаясь в наше маленькое карибское бунгало, где начинался пятый год моего преподавания. В очередной раз я с воодушевлением готовился к урокам, писал сценарии пьес, подбирал церковные гимны

и псалмы, продолжал подготовку к работе на Кубе. Но у Бога были другие планы. За день до начала учебного года я сильно ослаб и побледнел. В больнице врач обнаружил сильное внутреннее кровотечение. С тех пор я уже не распоряжался своим телом и был вынужден лечь в постель. Я был просто сломлен, однако слишком слаб для операции. Но Бог милостиво щадил меня и кровотечение вскоре приостановилось. Следующие несколько дней мне довелось провести в постели. Узнав о случившемся, прилетела моя мать, проявлявшая как всегда огромную заботу обо мне.

Осенью 1975 года я с грустью покинул Кайман, чтобы отдохнуть в доме родителей Офелии. Когда я вспоминаю это прекрасное время, передо мной предстают горные пейзажи в раннее туманное утро, коровы, бредущие вниз по улице, а также веселая семья Офелии, поющая, даже во время работы, небольшие музыкальные произведения, восхваляющие Бога.

Однажды я отважился пойти в семинарию, где нас венчали. Но что за потрясение! Длинная доска объявлений была покрыта красной бумагой. Бумажные солдатики с пулеметами были прикреплены кнопками к доске. Над ними был лозунг: „Мы вместе с нашими никарагуанскими братьями“. Подойдя к лозунгу, я написал поперек бумаги цитату из Матфея 26:52: „Все, взявшие меч, мечом погибнут“. Школа финансировалась Всемирным Советом Церквей.

Обстоятельства быстро менялись. В условиях национально-освободительного движения, охватившего Латинскую Америку, духовная концепция Евангелия уступила первенство социальным проблемам. Многие оказались в заблуждении. Один профессор семинарии позже убеждал меня, что в результате своей деятельности на благо народа, аргентинский революционер Че Гевара и индийский лидер Махатма Ганди ближе к Иисусу, чем большинство христиан! Ни этот профессор, ни люди, направляемые им, не понимали, что настоящая социальная справедливость и свобода являются результатом духовного перерождения. Без связи с Богом через Иисуса Христа все человеческие попытки, направленные на социальное улучшение, обречены на провал. Почему? Потому что вся наша борьба - это не социальная битва, это титаническая „духовная война между Богом и силами сатаны.

Чувствуя, что Бог направляет меня к личному участию в борьбе, отвечая на его призыв, я решил полностью посвятить себя активному выполнению этого долга.

Продав большинство наших свадебных подарков, мы полетели в

Глендейл, штат Калифорния, чтобы поработать с христианскими миссиями в коммунистическом мире. Здесь я должен был встретиться с христианами из Кубы, Восточной Европы и СССР, с теми, кто до сих пор словно пребывает в печи, постепенно выходя из огня. То, о чем я читал и что изучал, подтвердили мои собеседники. Я узнал многое от этих тихих людей, неизвестных героев, которых никогда не покажут по телевизору, их не услышат по радио, о них никогда не напишут книг.

Подобный визит осуществил Василий Раскол и его семья, приехавшие из Румынии. Офелия улетела с Дороти на три недели в Коста-Рику, чтобы навестить свою семью, и я, не любящий проводить время на кухне, питался по-холостячки консервами. Приятная румынская семья приехала в Калифорнию как раз вовремя.

Они говорили немного по-английски, но я к тому времени уже привык к подобным языковым препятствиям, и мне не составляло труда общаться с ними.

Главу семьи Василия - мужчину с печальными темными глазами и улыбкой, всегда озарявшей его лицо, недавно выпустили из румынской тюрьмы после двухгодичного заключения, хотя ему дали четыре года за распространение Библии среди других христиан. Елена постоянно боролась за его освобождение. Василий страдал варикозным расширением вен и показал мне большой шрам, идущий вниз по ноге. Швы разошлись на второй день после операции в тюремном госпитале. Охрана только потешалась над его криками о помощи. Проблемы с ногами усугубились тем, что камера была слишком маленькой для прогулок.

Его двенадцатилетний сын Дориан и шестилетняя дочь Кристина были необычными детьми. Коммунистическое государство запрещает распространение христианской литературы. Поэтому Дориан должен был стоять на углу улицы, наблюдая за милицией, в то время, как Кристина бегала из дома в дом, проталкивая христианские брошюры под двери. Это напоминало мне первых христиан, молившихся в римских катакомбах. Они обращались к Цезарю, самопровозглашенному Богу, по гражданским вопросам, но помнили слова пророка Исаи об Иисусе: „Владычество на раменах (плечах) Его“. Об этой тихой прекрасной семье можно было бы поведать много интересного.

Это истории, о которых никогда не напишут в книгах, но они поражают с силой Книги Деяний. То, что апостолы страдали, было нормальным для христианства. Сегодня западные христиане живут под

специальным зонтиком защиты, благословением данным нам Богом для осуществления его целей.

Следующим „апостолом“, посетившим мой дом, был баптистский пастор Давид Классен, страдавший десять лет в советских трудовых лагерях. Когда он был в лагере и молился, портрет Ленина висел напротив него.

- Послушай! - подтрунивали над ним,- ты молишься Ленину!

Однажды в лагере, находившемся на севере России, охранник спустил собаку на Классена. Давид молился, когда злой доберман бросился к нему. Внезапно собака повернулась и прыгнула на охранника. Остальные охранники подбежали к нему, чтобы помочь бедному и испугавшемуся стражу.

В одном из трудовых лагерей Болгарии христиан поместили в яму с собаками. Собаки занервничали, начали скулить и царапать о грязную стену, пытаясь убежать... как львы в Книге пророка Даниила. Подобные истории довольно часто встречаются среди тех, кто терпел за веру, находясь в тюрьмах.

Преподобный Ассен Симеонов, бывший представитель Болгарии во Всемирном Совете Церквей, также останавливался в моем доме. Он рассказал о совещании Всемирного Совета в Кении, когда советские делегаты призвали представителей коммунистического блока проголосовать „единогласно“ по всем вопросам. Его поразили такие политические игры и закулисные интриги. Симеонов покинул Всемирный Совет и в лесу вблизи Софии открыл семинарию для молодых христиан, стремящихся служить Богу.

Симеонов рассказал мне, что как и в других коммунистических странах, в болгарской семинарии преподавали сухие интеллектуалы, лишённые духовности, которые акцентировали внимание только на взаимных точках соприкосновения во взглядах между Марксом и Иисусом. Другой пастор посетил подобную семинарию в Румынии. Тайно получая ключ от сочувствующего человека, он мог прятаться в библиотеке и ночью читать о великих святых и церковных отцах из книг, которые хранились в закрытых шкафах специального хранилища.

С 1975 по 1978 гг. я мог встречаться со многими такими людьми. Их простые истории публиковались временами в ежемесячном информационном бюллетене миссии, частично в журнальных или газетных статьях. Но детали, подробные человеческие грани становились для меня живыми реалиями при общении. Эти люди ели со мной и молились за меня. Это не были короткие туристические встречи, направленные на то, чтобы создать тщательно подготовленное впечат-

ление; мы жили вместе, как братья, в течение длительного времени.

И последняя история. Однажды, когда Василий Раскол со своей женой Еленой распространяли Библии среди христиан, - Библии, отпечатанные нашей миссией в Европе, - в Бухаресте был сильный снегопад. Они должны были встретить христианского миссионера, чтобы получить двадцать восемь мешков с Библиями, а машинам запрещалось в тот день ездить по улицам. К месту встречи они направились вместе с братом Василия в большом пустом городском автобусе. Пробиваясь сквозь глубокие белые сугробы, они, наконец, остановились позади ожидающей их машины, блокируя улицу. После непродолжительных объятий и поцелуев с миссионером, началась быстрая передача книг. Двадцать мешков ценного груза были загружены в автобус.

Внезапно Василий увидел позади свет полицейской машины. Он и Елена быстро вскочили в автобус и легли на пол. Машина принадлежала службе безопасности - специальной политической полиции, напоминающей советский Комитет государственной безопасности или кубинскую полицию G-2. Офицер остановил свой автомобиль позади автобуса и медленно двинулся к двум машинам. Его высокие черные сапоги утапывали хрустящий снег.

Брат Василия быстро поднял капот автобуса и притворился, что ремонтирует мотор. Все тихо молились. Полицейский молча дернул дверку машины миссионера и заглянул внутрь. Не увидев ничего подозрительного, он резко повернулся и побрел обратно к патрульной машине.

- Спасибо тебе, Господи Иисусе, - прошептала Елена, наблюдая за ним из окна.

Существует много историй о Божьей защите во времена опасности - даже в Америке. 2 июля 1976 года я ехал по автостраде Лос-Анджелеса и вдруг без всяких причин сильно закашлялся. Из горла пошла кровь. Я пытался быстрее доехать до перекрестка, но не успел. В глазах потемнело, закружилась голова, я успел лишь прошептать: „Иисусе!“ и лишился чувств. Машина попала в аварию, но я отделался лишь маленьким порезом на щеке. Медики быстро отправили меня в калифорнийскую больницу, где доктор прослушал мое сердце. Пригласив молодого практиканта в реанимационную, он сказал ему:

- Послушай сердце этого парня. Я хочу, чтобы ты разбирался в этом.

Он подождал пока студент обследует меня при помощи стетоскопа.

- Ты слышишь свист? Это происходит от того, что сердце не получает достаточно крови.

Студент всё прикладывал к моей груди холодный инструмент, но, казалось, ничего не слышал.

Впоследствии хирурги сочли мнение врача ошибочным, включая заключение о таком типе рака, который, по предварительному заключению, редко заканчивается летальным исходом. Но они не смогли найти первичную опухоль. Лежа в постели после операции, я чувствовал себя умиротворенным. Тяжелые шторы на окнах были слегка приоткрыты, чтобы в тихую комнату мог проникнуть луч света. Он был прекрасным и золотистым.

Когда моя голова покоилась на подушке, я услышал музыку. Вначале раздалось сопрано на кристально чистых высоких нотах, которое словно отдавалось эхом в огромном соборе. Вскоре альт, тенор и могучий глубокий бас присоединились к пению. Очаровательные звуки один за другим проникали, как солнечный луч, в мою комнату, наполняя ее прекрасным песнопением. Очарованный, я не хотел, чтобы оно прекращалось. Спустя пятнадцать минут пение ослабло, но радость, охватившая меня, осталась.

Позже я рассказал матери, которая была, как обычно, рядом в трудные минуты жизни, о пении. Она плакала, веря в то, что я был на грани смерти.

- Мама, я не умру,- успокаивал я ее.- Я не могу ходить в церковь, поэтому Бог подарил мне такой великолепный момент.

В течение нескольких последующих лет, читая религиозные и политические публикации со всего мира, я пополнил свои знания очень ценными сведениями. Впоследствии, анализируя различные заявления и статьи, я смог сформировать свои взгляды и убеждения по многим вопросам. Одно из самых сильных доказательств широко распространенного в мире преследования за веру исходило, на мой взгляд, из советских газет.

Снова и снова я мог прочесть об арестах протестантов и православных, об обвинениях в "опиуме", который они распространяют. Я прочитал стенограммы судебных разбирательств, которые были пародией на справедливость. В официальных религиозных публикациях Запада я встретил заявления лидеров церкви, что этих преследований не существовало или что речь идет всего-навсего о мелких нарушениях верующими этических норм, а то, что осуждены христиане, как уверяли коммунистические власти, оказалось чистой случайностью.

В результате такого анализа я начал осознавать, насколько ценной была для меня строфа из Библии, которая гласит: „Учись, чтобы проявить себя“. Я не был уже «Фомой неверующим» в сфере духовности, а стал предусмотрительным, скептическим и прилежным Томасом. Я был в “учебке для новобранцев”, учась борьбе с хитро-сплетениями официальной лжи. Я должен был изучить, как распознать ужасные уловки сатаны, которые он практикует ежедневно на невежественном человечестве. Мне пришло в голову, что представители Запада по-настоящему хотят верить в самое лучшее, что есть в человеке. Это восхитительная черта, но когда она переходит в крайность, то становится полным невежеством.

И снова я сосредоточил свое внимание на Кубе. Мы не получили ни единого подтверждения тому, что наши попытки по распространению христианской литературы увенчались успехом, поэтому я предположил, что они были безрезультатными. Так как половину испаноязычной части нашей общины составляли кубинцы, я был очень обеспокоен этой проблемой. Нашим пастором был Хуан Оронеца, священник, который за веру отсидел семь лет в тюрьме Фиделя Кастро. Осведомленный об отсутствии такой литературы на Кубе, я припомнил тот полет, который сопровождался непредвиденными обстоятельствами, связанными с выбросом пакетов через поврежденный люк «Бичкрафта». Интригующая мысль вспыхнула в моей голове. Почему бы снова не повторить то же самое, только ночью?

Я попросил отпечатать более 100000 христианских брошюр. Я убедился, что ламинированная обложка брошюр надежно защищает их от каких-либо внешних воздействий. Книжка могла сотни раз переходить из рук в руки, не теряя своего внешнего вида. Дома я дал одну брошюру нашему сыну Даниилу для самого жесткого испытания. Он был в том возрасте, когда начинают жевать, поэтому можно было предположить, что книжице достанется от его крепких зубов. Однако после целой недели дерганий и кусаний на брошюре появилось лишь несколько сгибов и вмятин. Материал оказался безупречно прочным.

Однажды ночью Офелия и я поехали на пляж в Санта Монику, прихватив с собой пустой пятигаллоновый бензиновый бак. Мы наполнили его морской водой для эксперимента. Я не хотел применять пресную воду, она должна была быть настоящей!

Взяв покрытую пластиком брошюру, я вначале порвал ее на части, затем намочил в нашей кухонной раковине. Милая Офелия ничего не сказала о песке, соленой воде, пахнущей, как дизельное

топливо, и бумаге, которые заполнили ее безупречно чистую кухню. На следующее утро разорванные кусочки обложки плавали на поверхности, не впитывая воду.

Во время этих испытаний знакомый пилот, баптистский пастор, взял пять коробок евангельских брошюр и сбросил их над нейтральными водами в том месте, которое по нашим расчетам должно было быть благоприятным. Все еще мы не имели ни единого сообщения с Кубы. В конце концов, еще не зная точно, когда и с кем полечу, я начал планировать ночной полет над Кубой. Мой пилот, Джон Лессинг, принес ко мне домой морские карты и мы подолгу просиживали с ним вместе, подсчитывая количество необходимого топлива, расстояние, груз. Молясь, я жил этим планом, ел и спал с ним. Просыпаясь в два или три часа ночи, я шел в столовую, где на столе была разложена большая аэронавигационная карта. Я молился за расстояние, время, заправку топлива, даже за то, чтобы нормально открылся люк самолета, которого у нас еще не было. Казалось, что я всю жизнь готовился к этому событию.

В декабре, после упорной подготовки, мы были готовы в путь. Но так как у Джона отсутствовал необходимый для пересечения Кубы класс управления самолетом, он нашел другого пилота, который должен был полететь вместе с нами. Это была Линда Джексон.

МАННА НЕБЕСНАЯ С ВЫСОТЫ 10000 ФУТОВ

В соответствии с требованиями мы сообщили в Гавану номер самолета, фамилии пилотов и дату пересечения воздушного пространства Кубы. 7 декабря мы совершили четырнадцатичасовой перелет из Форта Лаудердейла, штата Флорида, вдоль Багамских островов, затем с юга Кубы до Джорджтауна, Большой Кайман. Наш желто-зеленый одномоторный «Чероки -6» был прекрасным грузоносителем.

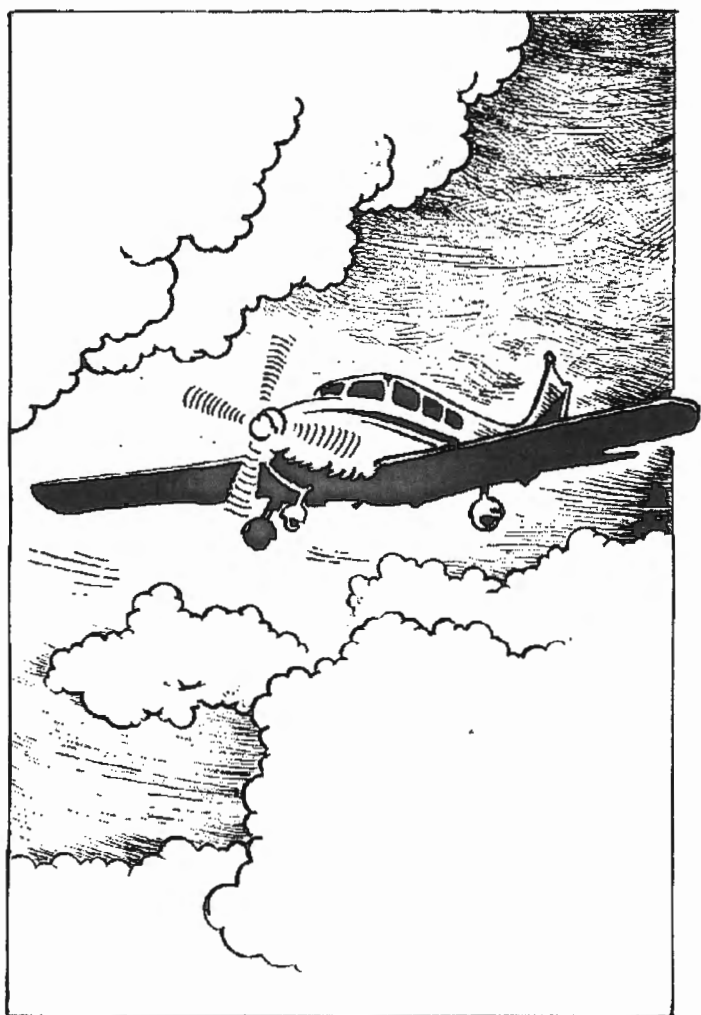
Приземлившись в тот вечер в Джорджтауне, я убедился, что не имею времени, чтобы поприветствовать друзей. У нас была всего лишь сорокапятиминутная остановка, чтобы заправиться перед тем, как взять курс на Кубу. Наш самолет не осматривали, так как мы летели транзитом. Я побежал к диспетчерской вышке, чтобы увидеть свою знакомую Джери Андриус. Работать с женщиной-диспетчером и женщиной-пилотом было для меня непривычным. Не зная наших намерений, Джери по радио Кингстона (Ямайка) прояснила трассу нашего полета, а они, в свою очередь, связались с Гаваной. Все было в порядке. Нам дали разрешение на перелет.

Когда мы вырулили на взлетную полосу, я начал готовить коробки, уложенные за креслами. Джон и Линда провели предстартовую подготовку, и мы взлетели в назначенное время. Едва самолет поднялся на заданную высоту, мы услышали по радио голос Джери: «...трасса свободна, как запрашивал аэропорт Холивуд - Форт Лаудердейл. Придерживайтесь 9000 футов».

- Роджер, Джорджтаун,- подтвердила Линда.

Наша первая контрольная точка радиомаяка находилась, как нарочно, в заливе Пигс, на Пляж-Хирон, где состоялось вторжение Фиделя Кастро в шестидесятые годы. Первые тридцать минут полета проходили по плану. Линда в последний раз спокойно разговаривала с Джери:

- Докладываю: прошли Атуви, высота 9000.

Информация с земли под нами не поступала. Был облачный вечер, и пилоты вынуждены были положиться исключительно на приборы. Заканчивая передачу, Джери сказала:

- Свяжись по радио с Боуэрос на частоте 126.9.

Мы были на расстоянии одного часа полета от радиомаяка Хирон, когда Линда заметила, что необходимо каждые несколько минут смотреть на магнитный компас и перенастраивать гирокомпас. Происходившее не было нормальным. Она бросила нервный взгляд на Джона.

- Отклонение от курса - 30 градусов, - пожаловалась она.

Не было времени для обсуждения навигационных проблем. Джон нажал тумблер автоматического радиопеленгатора. Он был настроен на радиомаяк Хирона, который должен был направить нас к побережью. Сигнал был очень слабым. Тем временем сильный встречный ветер сталкивал нас с курса. Пока добрались к Хирону, опоздание достигло пятнадцати минут. Линда была в бешенстве. Увидев вспышку в облаках, Джон занервничал. Он боялся, что это мог быть отблеск истребителя МИГ.

Мы пересекли залив Пигс, направляясь прямо к противоположному радиомаяку на северном побережье в Верадеро. „Второе вторжение, - подумал я, - но иное по своей природе“. Как только мы приблизились к месту, где я должен был начинать сбрасывание литературы, меня вдруг осенило, что сегодня - день начала битвы в бухте Пёрл-Харбор. Я молился, чтобы послания любви, которые мы сбрасываем, имели бы эффект духовных бомб для воодушевления христиан и чтобы они посеяли зерно сомнения в сознании марксистов.

С этой целью мы взяли специально подобранную проповедническую брошюру. Написанная бывшим атеистом, а ныне христианским пастором, она просто указывала на то, что если следовать за Марксом и Лениным, то все закончится смертью, ибо в их доктрине не существует веры в жизнь после смерти. Из содержания следовало, что ни марксизм, ни капитализм не предлагают внутренней надежды, которую дает Иисус Христос. Только посредством принятия жертвы Иисуса душа может найти любовь, мир и покой.

Чтобы принести эффект, литература должна быть понятной. С точки зрения марксистов, она должна быть убедительной. Иисус сказал в Евангелии от Матфея 13: 18,19: „Вы же выслушайте значение притчи о сеятеле: ко всякому, слушающему слово о Царствии и не

разумеющему, приходит лукавый и похищает посеянное в сердце его: вот что означает посеянное при дороге“.

Наша литература использовала концепцию „божеств“ Маркса и Ленина, чтобы представить единого истинного Бога - Иисуса. Так в свое время Павел в обращении к афинянам использовал изображение неизвестного бога, чтобы представить им Иисуса Христа. Что касается убежденных марксистов-коммунистов, то мы обнаружили, что брошюра „По следам Маркса и Ленина“ и другие простенькие буклеты наподобие „Во что верят христиане“ (тоже посланная на Кубу) весьма эффективны и их не выбрасывают не глядя. Они открывают дверь и готовят почву. Перед Синедрионом Павел поднял спорный вопрос о существовании жизни после смерти для того, чтобы представить Христа. Таким образом, это та же самая проповедь, но в личной упаковке.

После четырех-пяти минут полета над сухопутем, я с шумом открыл заднюю дверь и поместил в щель кусок поролон. Приложив наушник к правому уху, я слушал метроном, отсчитывающий секунды. Я начал выбрасывать литературу в установленном ритме. Предпринимая это путешествие, мы не были уверены, был ли у кубинцев радар, способный обнаружить нас. Тем не менее, я сбрасывал груз медленно и последовательно, как рекомендовал христианский профессор физики доктор Лэри Джеймс, который разрабатывал подобную ситуацию в своих университетских лабораториях.

Я с радостью убедился, что хотя мы непосредственно не пролетали над городами, деревенская местность была более населенной, чем было обозначено на карте. Под крылом пронеслись огни маленьких домов, уличные фонари, были видны и другие признаки цивилизации. Наши маленькие „боеприпасы любви“ разлетались в темноте, кружась во тьме, как снег, и медленно опускаясь на землю.

Линда спокойно поддерживала связь с диспетчером Гаваны, преодолевая шум двигателя. Мы прошли северный радиомаяк точно по курсу, и я сбросил наиболее тяжелый груз в зоне провинции Матансас. Внизу прожектор направлял свой острый луч во тьму, пронизывая тысячи брошюр, падающих вниз.

Мы сообщили об окончании связи с Гаваной и включили частоту радицентра Майами. Когда самолет покидал пределы Кубы, я подумал о следующем утре, когда литература будет найдена на земле, и вспомнил отрывок из Исхода 16: 14,15 о манне, которая накормила евреев в пустыне. „Роса поднялась, и вот, на поверхности пустыни нечто мелкое, круповидное, мелкое, как иней на земле. И увидели

сыны Израилевы, и говорили другу другу: что это? Ибо не знали, что это. И Моисей сказал им: это хлеб, который Господь дал вам в пищу”.

Я молился, чтобы Его духовный хлеб был съеден. К этому моменту мы распространили много брошюр, но еще больше их все еще лежало в моем гараже в Глендейле. Хотя мы насытили воздушный коридор Хирона, воздушный коридор Майя все еще был нетронутым. Я пролетал этот коридор над провинцией Камагуэй с Карлтоном в 1973 году. Так как хиронское путешествие прошло удачно, мы надеялись, что оставшаяся литература может быть сброшена в больших количествах над Майя.

Джон не мог продолжить это дело, потому что его имя было зарегистрировано в предрейсовой радиограмме, хранившейся в Гаване с момента полета в Хирон. Мы не хотели рисковать. Молясь и надеясь найти другого пилота, способного помочь мне, я начал сам учиться пилотированию.

Первые несколько недель были для Офелии нелегкими. Она тяжело пережила мое пребывание в больнице, мои опасные полеты над Кубой, и сейчас была вынуждена терпеть мои новые приключения в кажущемся хрупком учебном самолете, который напоминал ей игрушку. По сравнению с коммерческим транспортным самолетом, я думаю, он действительно был таким! Испуганная, она стояла рядом с самолетиком и раскачивала его за хвост.

- Когда ты разобьешься в этой штуке, я уеду в Коста-Рику! - бушевала она.

- О, не унывай, Офи, эти штуки безопасны. Разве ты не знаешь, что наш самолет начинен самыми новыми приборами?

Я открыл дверь учебного самолета, чтобы она смогла в этом убедиться, но на нее это не произвело никакого впечатления.

Опасаясь за мою безопасность и желая спокойствия нашим детям, она однажды, перед началом занятий, выбросила мои документы для поступления в школу пилотов. Не зная, где их искать, я вывернул мусор на кухонный пол. Удивленная увиденным, маленькая Дороти стояла у двери и своим приятным голосом всё спрашивала, что это я сделал. Продолжая разбрасывать мусор и бормоча что-то успокаивающее, я решил срочно поехать в Глендейлский колледж, чтобы записаться на занятия. Ночью, когда я вертелся в постели от бессонницы, то обнаружил, что лицо Офелии влажно от слез. Ни одно из моих утешений не могло успокоить ее.

Через несколько недель она оказалась перед фактом, что ее

муж должен стать пилотом. Но у Бога были другие планы. Хотя мои теоретические занятия и десять часов практики прошли гладко, меня не покидало чувство, что все закончится неудачей. Я мог бы, вероятно, в конце концов сдать все экзамены, но, зная, что при столкновении с трудностями или непредвиденными обстоятельствами я не умею мгновенно принимать сложные технические решения, и, не желая подрывать свой имидж, я начал подумывать о целесообразности дальнейших занятий.

Однажды в нашей гостиной я почувствовал вдруг тошноту и быстро направился к кухонной раковине. В течение нескольких секунд она наполнилась ярко-красной кровью. Ослабев, я с трудом дошел до спальни.

- Офелия... должен... пойти в больницу. Раковина заполнена кровью, - я говорил спокойно.

Пришел сосед, чтобы побыть с детьми. Офелия села за руль нашего «Фольксвагена», и мы быстро помчались в маленькую больницу рядом с нашим домом.

- Том, может быть, если бы ты не делал так много вещей... если бы ты только остановился, - бормотала она, обгоняя медленно движущийся грузовик.

Ее нерешительное замечание нарушило длительное молчание между нами. Я ехал в машине, прислонив голову к окну, с закрытыми глазами.

- Да,- вздохнул я.- Уроки пилотирования я должен буду... оставить.

В окружной больнице я снова лежал на реанимационном столе. Офелия села на маленькую табуретку рядом со мной, сложила руки и внимательно наблюдала, как любезный мужчина в белом халате засовывал трубочки в мой нос и горло. Он говорил со славянским акцентом.

- Вы откуда? Из Восточной Европы? - выдавливал я слова. - Жена моего брата с Украины.

- Я из России, - улыбнулся он и начал вводить иглу в мою вену...

- Как же вам удалось выехать?

- Я был на медицинской конференции в Канаде. Жена и дети остались дома. Она все еще там... Моя прекрасная жена. У нее белокурые волосы.

Я почувствовал большую жалость к нему. Мне было тяжело, но моя жена, по крайней мере, сидела рядом со мной. А он был одинок.

Доктор оставил меня на несколько дней для обследования. Кровотечение остановилось, затем опять возобновилось. Снова реанимационная. Гастроскопическая трубка была в моем горле, но крови было слишком много, чтобы что-либо увидеть. Внезапно большой фонтан крови хлынул из моего рта, температура тела начала падать, ноги сильно дрожали.

- Срочно девять ампул крови! - резко скомандовал доктор.

Двое других врачей пытались начать переливание, похлывая по венам, чтобы найти одну, которая не была бы в частичном состоянии коллапса.

- Где кровь? - пронзительно закричал доктор. - Мне нужна она сейчас!

Зашла медсестра, чтобы укутать теплым одеялом мои ноги. Она переключивала их своими нежными руками. Я услышал голос: „Все будет в порядке, дорогой“. Другая медсестра держала мою руку... Меня снова начало тошнить.

- О, Боже! - Молился я тихо. - Я никто... но если Ты только дашь мне выжить для Дороти и Даниэля... Они такие маленькие... Не позволяй им вырасти без меня... Пожалуйста, Господи.

Я почувствовал, что меня вывезли из палаты в холл, затем в лифт и подняли наверх. Слово „операционная“ пролетело мимо моих ушей, затем все потемнело.

Позже, окруженный усиленной заботой, я лежал в покое, чувствуя, что мама и Офелия были рядом. Она шепнула мне на ухо: „Я позабочусь о детях“.

Вторично был поставлен диагноз - рак, на этот раз желудка. Это была маленькая опухоль, которую удалил хирург. Чувствуя себя, как вытасченный на берег кит, я снова лежал под простынями с трубками, шнурами и кабелями, прикрепившими меня к монитору.

Мой брат Джим прилетел из Далласа с моим другим братом из Нью-Йорка, и у нас было несколько встреч в больничной комнате. Джордж Гарсиа и почтенный Лэри Свейн также навестили меня, мы вместе молились. Я провел в больнице несколько недель.

Мне так хотелось увидеть своих детей! Однажды ночью Офелия тайно провела их на мой этаж. Казалось, что медсестры не возражали. Трубка была временно подсоединена к моему желудку, конец ее на один фут выходил из моего носа. С крошкой Даниэлем на коленях, женой и Дороти возле меня, я провел несколько блаженных минут в комнате посещения. Даниэлю понравилась трубка. Я махал ею перед ним, он

хватал ее и начинал жевать. Офелия приходила на помощь.

У меня было достаточно времени, чтобы молиться и думать о будущем. Учебники пилотирования и Библия лежали возле кровати. Я обратился к Псалму 139: 9,10 „Возьму ли крылья зари и переселюсь на край моря: и там рука Твоя поведет меня, и удержит меня десница Твоя“.

- О Боже, что я делаю? - молился я. - Для меня физически невозможно продолжать эту работу.

Затем мне на ум пришла еще одна строка из Библии: „Все могу в укрепляющем меня (Иисусе) Христе“(Филиппийцам 4: 13).

Однажды вечером я наблюдал за мужчиной, который мыл шваброй пол. Внешне он напоминал латиноамериканца. Когда он размахивал в холле шваброй из стороны в сторону, я заговорил с ним по-испански, рассказывая ему что-то о Кубе. Он оказался кубинцем.

Возбужденный, он позвал пожилую женщину, чтобы та встрети-лась со мной. Их глаза светились от слез, они были очень благодарны, что американец из Калифорнии обеспокоен их островом, находящимся так далеко.

Мы попрощались, и я поплелся по холлу в тапочках и халате, насвистывая: „Возлюблю Тебя, Господи, крепость моя“. Уже была поздняя ночь. Я не мог петь, потому что брюшные мышцы все еще не зажили, но, к счастью, мог насвистывать. Любовь к кубинцам неожиданно пришла ко мне. Любовь к людям, изголодавшимся по любви - Божьей любви. Я остановился у палаты, повернулся к стене и заплакал.

- О дорогой Бог, дай мне еще одну поездку.

Слезы катились по моему лицу. Я знал, что не смогу оставить задуманное. Он тоже знал это. Если мы открываемся Ему, Он будет нашим всегда. Он вызывает в наших сердцах радостное желание и получает удовольствие от его осуществления. Несколько недель спустя я написал Мэлу Бейли, христианину, бывшему армейскому капитану и испытателю вертолетов. Он также был опытным специалистом в области самолетов. Мы предварительно договорились, что совершим перелет по коридору Майя в День памяти.

Мэл начал искать самолет на Восточном побережье, так как он родом из Вирджинии, а я занимался вопросами литературы. Так как мое тело было все еще слабым после операции, я начал серьезную программу по восстановлению сил - витамины, здоровая пища и легкие упражнения. Тем временем я для удобства

упаковал литературу в пятифунтовые связки, пользуясь посудомоечными перчатками Офелии, чтобы связать узлы как можно прочнее.

Три раза в день я брал в каждую руку по пятифунтовой связке и поднимал их сотни раз, чтобы, готовясь к очередному полету, лучше развить мускулатуру. Мне предстояло бросать литературу левой рукой. За двадцать минут я должен был успеть сбросить семнадцать коробок с пятифунтовыми пакетами, разрезав веревки на каждом из них. Три месяца прошло от начала подготовки до дня перелета, и я был уверен в Божьей помощи.

Накануне вылета я покинул Калифорнию для того, чтобы присоединиться к Мэлу на Восточном побережье, Офелия помогла мне погрузить багаж. „Это будет наш самый длинный и самый опасный полет“, - подумал я. Хотя мы легально зарегистрировались на Кубе, нам предстояло пролететь на одномоторном самолете ночью над водой сотни миль.

Утром, в день отъезда во Флориду, я стоял у кровати Даниэля. Ему было немного больше годика. Я положил руку на этот маленький комочек, спящий под покрывалом, и помолился: „О Иисусе, он Твой. Позаботься о нем, Боже“. Я прошел на цыпочках в спальню Дороти и помолился за нее, пока она спала. Я поцеловал у двери Офелию. Мы оба с трудом сдерживали слезы.

- Бог благословит тебя, Офелия, - сказал я спокойно.

- Да благословит тебя Бог тоже, дорогой,- улыбнулась она. - Я буду молиться за тебя.

Я освободил ее из своих объятий и зашагал навстречу неизвестности.

Хотя переживания о Кубе тяготили мое сердце, я испытывал страдания от разлуки с Офелией и детьми. Если бы не слова Иисуса (Матф. 10: 37-39), я не принял бы решение и не совершил бы последний полет. Иисус сказал: „Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто не берет креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня. Сберегший душу свою потеряет ее; а потерявший душу свою ради Меня сбережет ее“.

Я очень люблю свою семью. Но в свете Божьем, поглощающем жертвенную любовь, как мог я не поставить Его первым? Его любовь оберегала меня и мою семью, она также толкала меня, двигала меня, поднимала меня, чтобы я совершил этот полет.

Я был, вероятно, единственным пассажиром национальной авиалинии, у кого было семнадцать лишних мест багажа. Я встретился с Мэлом вечером в Орландо, и мы провели ночь с Рональдо и Барбарой Стэнсфилд. В тот вечер в их доме, проверив последние детали полета, мы помолились и обменялись Словом Божьим.

Семья Стэнсфилда - это прекрасное ядро веры в Иисуса Христа. Их жилище - не просто дом, а церковь, что создавало для нас определенный комфорт.

Наступило прекрасное утро 26 мая. Когда мы с Мэлом поднялись на нашем «Чероки-6» над аэропортом Орландо Интернэшнл, небо было чистым. Наше настроение было созвучно голосу диспетчера, который радостно приветствовал нас.

- Какой прекрасный день у нас на Бимини! Счастливого дня, Восемь Ноль Джулизт!

Мы пролетели над Бимини, крошечным островком на Багамах, затем направились в Нассау, Багамы, где приземлились перед началом нашего перелета над Кубой в Залив Монтего, Ямайка.

В Нассау мы получили сообщение о том, что погода ухудшается. Шторм проходил по территории, над которой мы должны были лететь. Точное направление перемещения воздушной массы не было известно. Шторм был не особенно сильным, но мог доставить нам неприятности. Мы с Мэлом переглянулись, не сказав друг другу ни слова, а телетайп продолжал отстукивать сообщение о погоде. Синоптические карты и телетайпные сообщения свидетельствовали об угрожающей ситуации. Но насколько велика была угроза? Без паники мы продолжили подготовку полета. Если бы мы не полетели, у нас ушли бы дни на то, чтобы получить новое разрешение Кубы. Могли бы возникнуть новые осложнения. Мэл купил майку с надписью: „На Багамах лучше всего“. Если сравнить это с маршрутом нашего полета, то на Багамах, конечно, было лучше.

Когда мы покидали взлетно- посадочную полосу в Нассау, был теплый вечер 26 мая. Мэл начал медленно набирать высоту, и пока мы достигли 10000 футов, я успел открыть семнадцать коробок с литературой.

Как только мы приблизились к побережью Кубы, наступила ночь, а нам предстоял важный перелет по воздушному коридору Майя...

Сильный звон стали нарушил мои обрывочные воспоминания. Я присел на кровать. Послышался лязг металлического засова и дверь

моей камеры открылась. Меня повели вниз в маленькую комнату для допросов. На каждом углу я должен был останавливаться лицом к стене, чтобы не видеть лицо другого заключенного. Мой конвоир постучал, я вошел в небольшую комнату и сел напротив стола.

За столом сидел мужчина, с которым я провел много часов - капитан Антонио Сантос Салазар (возможно, это его настоящее имя). Он выглядел очень официально в зеленой униформе с серебряными звездами. Сидел он спокойно, сложив руки на животе и улыбаясь, довольный, как кот, который наконец-то поймал мышку. Я был тогда очень уставшим, поэтому очень мало помню из того первого нашего разговора, за исключением того, что этот кот жаждал, наконец, схватить меня.

Когда меня вернули в камеру 44, я лег на кровать и долго ворочался с боку на бок, пытаюсь заснуть.

Вдруг мне показалось, что что-то прикоснулось к моей голове. Приподнявшись, чтобы сбросить предполагаемого паука или паутину, я увидел какую-то веревку, свисавшую с цепи, удерживающей кровать. Здесь, в крошечном мраке камеры, я нашел распятие, сплетенное из человеческих волос.

- Здесь был до меня брат во Христе; - осенило меня. - Слава Богу!

Таинственное, а теперь ставшее реальностью чувство братства в Иисусе было установлено. Я был не один! Бог заботился об этом. Другие прошли точно такой путь, который предстояло пройти мне. Это было не просто ободрение и поддержка. Это была сильная духовная связь между Богом, мной и этим другим верующим.

Несколько часов спустя, после недолгого сна, я проснулся, так как принесли кусочек твердого белого хлеба и так называемое „молоко“. Случайно мы узнали, что это молоко поставляется в виде порошка из Китая и на нем стоит знак „только для животных“. Мы подозревали, что туда иногда добавляли наркотики.

Как только свет стал проникать в окно, я приступил к исследованию своей находки. Окно состояло из двух щелей в бетонной стене и не позволяло что-нибудь увидеть изнутри и снаружи. Я заметил, что слово „милагро“ (так по-испански значит „чудо“) было вырезано на бетоне в нижней щели. Я подумал: „Какое чудо сможет освободить меня отсюда?“ Я был благодарен Богу за то, что остался жив.

В камере было четверо нар. На деревянной полке, которая

находилась напротив моей, было вырезано слово Dios - Бог.

- О, Господи,- сказал я вслух. - Ты все предусматриваешь.

Вскоре после этой находки я был снова вызван на допрос. Мэла по-прежнему я не видел. Я вошел в небольшую комнату Сантоса. Он улыбался, потирая руки.

- Так, Томас, - начал он,- я считаю, что твоя миссия на сей раз провалилась. Да, провалилась! В прошлом году под Матансасом тебе удалось выскользнуть, но теперь ты в наших руках.

- Капитан, хотя мы и попали в аварию, миссия не провалилась,- возразил я, посмотрев ему прямо в глаза. - Как вы знаете, вся литература была распространена. Меня действительно не интересует, что вы сделаете со мной... собираетесь ли убить меня...

Он засмеялся, покачал головой и прошипел:

- Нет.

Затем более мягким голосом продолжал:

- Ваши люди из ЦРУ всегда говорят о таблетках с ядом и подобных вещах, но все это слишком банально... Ты не собираешься умирать, а мы не собираемся убивать тебя.

Сантос держал в руке одну из наших религиозных брошюр. Я был рад, потому что это было послание, написанное специально для него, марксиста.

- Можешь не сомневаться в том, что мы найдем всю эту литературу, - сказал он серьезно. - Наши люди добровольно возвращают ее в полицию. Они находят ее на крышах, на улицах, повсюду ...

(Позже я узнал, что это была ложь. Литература поступала по назначению).

- Даже если вы уничтожите всю литературу, за исключением брошюры, которую вы сейчас держите, тогда свою миссию я не буду считать напрасной, - сказал я ему многозначительно. - Тот факт, что вы читаете ее, очень важен для меня. Если однажды вы сами позволите Богу проникнуть в ваше сердце, тогда мой полет будет чего-то стоить.

Он задумался над моими словами и снова взглянул на брошюру. Затем, прячась за свою марксистскую терминологию, назвал ее диверсионной.

- Капитан, - обратился я к нему. - Позвольте мне задать вам вопрос.

- Пожалуйста! - хитро улыбнулся он, наклонившись вперед, в

надежде выудить из нашего разговора какую-либо интересующую его информацию.

- Человеческий мир состоит из различных народов, не правда ли? - начал я. - Эти народы живут в различных странах или провинциях.

Он нахмурил брови и кивнул в знак согласия.

- Страны имеют города. В каждом городе есть улицы, дома, где живут семьи. Таким образом, основной ячейкой общества является семья, не правда ли?

Он поднял руку в знак протеста.

- Нет. Мы строим коммунизм не для отдельной семьи, а для всего народа.

- Капитан Сантос, вы ссоритесь со своей женой?

Удивленный этим вопросом, он расслабился, заулыбался и откинулся назад, сидя на красном стуле.

- Да, у нас есть расхождение во мнениях.

- Как можете вы,- продолжал я, - говорить о всеобщем мире, когда его нет даже в вашем доме? Мир должен существовать, прежде всего, в вашем собственном сердце.

- Нет, нет - стал возражать он.

- Иисус может изменить общество, так как он приносит любовь и мир в сердце каждого, в каждую семью, в каждый дом. Он дает мне большой покой даже сейчас, когда я сижу здесь напротив вас.

Осознание того, что я не мог в этих условиях оставаться свободным, находясь в тюрьме, но могу что-то делать, на что у меня раньше, к сожалению, не хватало времени, подбадривало меня. Я мог учиться, как радоваться Богу и Его присутствию.

ТРЕТИЙ ШАГ КОТА

В первые дни пребывания в тюрьме я часто расхаживал взад и вперед по десятифутовой камере. Из личного опыта друзей-христиан, которые были лишены свободы за веру в Христа в Румынии, Болгарии и СССР за последние два года, я понимал, что моя камера для четверых заключенных была просто огромной. Совершая свои пять шагов, я повторял имена библейских персонажей, перебирая в памяти обстоятельства, связанные с этими именами.

- Даниил... два, три, четыре, пять. Рахав... два, три, четыре, пять. Павел... два, три, четыре, пять.

Я вспомнил Василия Раскола, чья камера была настолько маленькой, что у него развилось варикозное расширение вен; Сабину Вурмбранд, которая ела траву и теряла сознание от слабости; ее мужа Ричарда, который больше года лежал на полу в камере смертников.

Каждое воскресенье со двора доносились голоса марширующих охранников, выкрикивающих политические здравицы - у них была своя „церковная служба“. Я убедился, что те, кто говорит, будто коммунистический режим не является религией, никогда не жил при нем. Я до сих пор удивляюсь, что наши библейские школы и семинарии учат свидетельствовать буддистам и индуистам, но только не марксистам, которые сегодня составляют одну из самых больших „церквей“. Я говорю о тщательно подготовленной доктрине атеистического диалектического материализма, которая „верующих“ ставит выше жен, детей, даже их собственных жизней. И это ли не „религия?“

Дни проходили. Сантос, улыбаясь, говорил:

- Помни, ты не должен разговаривать, и свет в твоей камере будет гореть весь день и всю ночь. Сколько же ты выдержишь? Год? Нет, это не займет много времени. Мы покончим с тобой раньше.

Я лежал на нарах, обдумывая его слова, и услышал, как кто-

то насвистывал „Знамя, усыпанное звездами“. Я вскочил и приложил ухо к петле стальной двери. Возможно, это был кубинец, а может быть здесь были еще американцы? Я насвистел несколько тактов из гимна ВМС США и стал ждать. Несколько секунд спустя пронеслась по коридору вторая половина гимна! И так, я был здесь не один. Но, к сожалению, даже старая поговорка: „Один в поле не воин“ не могла нам помочь.

Я напомнил капитану Сантосу о международных законах, запрещающих заключать людей без суда, но он только рассмеялся и сказал:

- Мы не собираемся подчиняться международным законам. - Вы что, забыли где вы находитесь? Это - Куба.

Позже я встретил американца Лестера Перри, которого держали здесь десять лет без суда. Когда, наконец, Лестер оказался в суде, его приговорили к десяти годам лишения свободы. На следующей неделе, когда стало известно, что он уже отбыл свой срок, ему добавили еще год заключения.

Под конец первой недели капитан загадочно пообещал мне кое-что показать. На следующее утро, вынимая из своего кармана маленький коричневый конверт с крупным почерком, он ухмыльнулся.

- Я нашел кое-что твое. Помнишь, я обещал тебе сюрприз?

Он медленно открыл конверт и бросил распятие на стол. Затем с триумфальной улыбкой откинулся назад, чтобы посмотреть на мою реакцию. Мне было его жаль, потому что он не понимал, что это распятие не содержало в себе какой-то силы. Сила была в самом Иисусе, ежечасно живущем в нас в качестве Святого Духа.

- Это распятие всего лишь символ, - пытался объяснить я. - Кроме того, его сделал не я, а брат во Христе. Но я сделал другое и оно висит там, где вы взяли это.

Реакция капитана Сантоса на сказанное поразила меня. Он вскочил со стула, как будто это было катапультируемое кресло, и помчался в мою камеру. Найдя другое маленькое распятие, он резко выдернул его, пронзительно крича:

- Соединенные Штаты заплатят за это!

В его сознание вошел механизм страха и ненависти, тщательно запрограммированный Марксом и Лениным. Голос Маркса - защитника трудящихся масс, который едва ли проработал день в своей жизни, но жил за счет других, призывал к отмене религии, относясь к ней, как к „опиуму для народа“. Но этот кричащий, с тусклыми глазами капитан, стоя напротив меня и сжимая маленькое распятие в своей руке,

демонстрировал, что же на самом деле было идеологическим опиумом. Я заметил, что из камеры он прихватил миску с моей едой.

Его разочарование становилось все более и более очевидным. Позже, во время нашего разговора, я рассказал ему, что Бога интересует каждая наша потребность и как Он может помочь даже при необычных обстоятельствах тем, кто любит Его, упомянув Илью-пророка, который был накормлен воронами. Капитан поворчал, но ничего не сказал. Проводив меня к камере той ночью, Сантос начал кричать, обращаясь к охранникам:

- Вы заодно с ЦРУ!

Мне показалось, что эта надуманная версия больше придавала храбрости ему, чем запугивала других. На следующее утро в комнате для допросов он наклонился вперед, сидя на стуле, и с ухмылкой прошептал:

- Ну, маленькие птички покормили тебя прошлой ночью?

- Нет, - ответил я спокойно, - но Бог дал мне поесть мясо, о котором Вы ничего не знаете.

Казалось, что мои слова заинтриговали его, и он с иронией посмотрел на меня. Я рассказал ему о празднике любви и радости, которые Бог принес в мою камеру. Я думаю, он был действительно разочарован, что никакого чуда не произошло. Он был похож на печального Ирода. Спустя неделю, устав от наших „духовных“ разговоров, Сантос, внимательно изучая мое лицо, попытался продолжить беседу:

- Ты знаешь, - язвительно заметил он, - что-то мне не нравится твой внешний вид.

- Послушайте, капитан,- прервал я его,- вероятно, мной изучен более полный курс психологии, чем вами. И вам не удастся одурачить меня своими разговорами насчет болезни, - сказал я с презрением.

Закинув руки назад, он приподнялся и пошел с важным видом по направлению ко мне. Было задето его самолюбие, и он был вне себя от ярости. Затем он нажал белую кнопку рядом со своим столом и дверь в задней стене распахнулась. Вошел небольшого роста мускулистый майор и начал стучать кулаком по покрытому мрамором столу.

- Ты не смеешь говорить подобным образом... Этот Иисус Христос... вся эта религия..., - кричал он. - Ты знаешь где ты находишься? Это тебе не обыкновенная полиция! Это - служба безопасности!

Он остановился, достал из своего кармана какой-то предмет и бросил его на стол. Я удивленно отметил, что это был морской пакет из числа сброшенных мною в 1973 году.

- Тысячи подобных пакетов достигли наших пляжей! - закричал майор.

- Почему литература в этом пакете такая же, как и та, которую вы сбросили с самолета?

Я не знал, что ответить ему. Приблизившись к пакету, я заметил на нем несколько крупинок белого песка. Майор продолжал кричать, пытаясь запугать меня, показывая, как много они знали, но я ничего не слышал. Моя душа ликовала.

Разгневанный майор Альварес все кричал и кричал. А для меня было ясно, что многие люди, благодаря нам, смогли получить христианскую литературу. Хотя я не был уверен, что когда-либо снова увижу близких мне людей, но все же был рад узнать, что хлеб, Божий хлеб вернулся ко мне снова через воды океана. Майор все еще продолжал. Очевидно, увидев выражение удовольствия на моем лице, он открыл заднюю дверь и, показав жестом в сторону открытой двери, спросил:

- Не хочешь ли сыграть в бейсбол? В другой комнате у меня есть бита и несколько перчаток. Сыграем?

Он тяжело дышал, его глаза налились кровью. Я покачал головой.

По пути в камеру капитан Сантос снова обвинял меня в том, что я на самом деле являюсь агентом ЦРУ.

Бог все еще использовал некоторые обстоятельства, чтобы придать мне силу. Я мог, например, слушать пение птиц. Какая музыка! Я вспомнил, что Бог, который наблюдает за воробьями, наблюдает и за мной.

Однажды я заметил маленькую белую морскую раковину, вставленную в розовую мраморную поверхность стола капитана Сантоса. В течение двух или трех дней я безмолвно сидел перед Сантосом, изучая ее, в то время как он верно шел через свой идеологический розарий, украшенный язвительными замечаниями и угрозами. Совершенная Божья архитектура была чудесной и обворожительной. Как счастлив, наверное, Он был, создавая такое произведение искусства!

Однажды днем, видя, что я невнимателен, капитан прекратил свои заклинания и спросил:

- Что ты так пристально разглядываешь?

- Морскую раковину.

Капитан наклонился вперед, чтобы посмотреть, затем поднял удивленно брови. Сидя на краю жесткого деревянного стула, я спокойно разговаривал с ним.

- Я поражен этой прекрасной вещью. Внутренние изгибы ее так совершенны! Какое изумительное произведение искусства! Бог всегда был тонко чувствующим архитектором.

Капитан что-то проворчал.

- Возможно, - продолжал я, - Бог больше понимает и любит прекрасное, чем мы. И, вероятно, может сделать красивой душу каждого из нас.

Сантос молча пожал плечами. На следующий день я обнаружил, что раковина капитана исчезла, но Создатель морской раковины все еще присутствовал здесь. Я ощущал это. И хотя я не был перво-классным участником идеологических дебатов и не был специалистом богословия, Святой Дух мог использовать меня иногда для Своей славы.

Капитан опирался в беседах на свою собственную интуицию, подкрепляемую материалистической психологией, я же был движим Создателем. Мои ответы не были столь блестящими, но они исходили из моего любящего сердца.

Антонио Сантос слабел. Он попытался испробовать очередной метод. В течение последующих нескольких дней он начал использовать имена моих детей, чтобы причинить мне боль. Я никогда не называл ему их, но, очевидно, о моей семье успели навести справки.

- Интересно, как там сегодня Даниэль? Как Дороти? - внезапно спросил он.

Затем ухмыльнувшись, он откинулся на спинку стула, ожидая, какую реакцию произведут на меня его слова. Заметив, вероятно, боль, которая отразилась на моем лице, он расплылся в улыбке. „Мои дети, - думал я,- в руках Бога. Я увижу их однажды только на небесах“.

Его новая стрела проникла прямо в мое сердце.

- Но ты, - продолжал Сантос,- в наших руках. Ты не увидишь их снова. А как они будут выглядеть спустя годы, если вырастут сами, без отца?

Он сделал паузу, а затем продолжил:

- Ты думаешь они не скучают за тобой?

Я не могу описать боль, причиненную мне тогда. Мне тяжело вспоминать об этом. Это был самый плохой день в моей жизни.

Я слышал, что в других коммунистических тюрьмах, в Румынии например, детей помещали в камеру, находящуюся рядом с заключенным, и били до тех пор, пока они не начинали плакать и кричать.

Отчаявшемуся заключенному говорили, что это его дети. Следя за тем, как Сантос безжалостно использует имена моих детей, я убедился, что он способен и на это. Майор Альварес вошел снова. Очевидно, на служащих тюрьмы оказывали давление сверху, чтобы они быстрее продвигались с процессом допросов. Я до сих пор не знал, были ли наши семьи осведомлены о том, что мы живы. Снова крича, майор приказал мне прекратить говорить об Иисусе и начать исповедь о ЦРУ. Но в гневе он косвенно передал мне немало информации.

- Ты думаешь, это Китай? Ты думаешь, мы можем пересажать весь город Манзанилло?

В душе я улынулся, понимая, что Манзанилло, о котором шла речь, стал благодаря нам „большим препятствием на дороге к коммунизму“. Вероятно, это было самое сильное потрясение для них.

Я надеялся, что мы не будем так долго оставаться в неведении, что наши семьи узнают наконец-то о нашем местонахождении.

Однажды во время очередного допроса в кабинет зашел начальник тюрьмы. Он пустил сигаретный дым мне в лицо и пристально посмотрел на меня.

- Мы устали играть с тобой, - предупредил он холодно. - Если ты считаешь, что твоя религия сильна, ты ошибаешься. Наша религия в три раза сильнее твоей.

После очередного раунда вопросов он вышел, неудовлетворенный. Оставшись наедине со мной, капитан вдруг загадочно спросил:

- В каких климатических условиях ты жил?

- За последние восемь-десять лет я жил в теплых регионах мира.

Он улыбнулся и показал жестом охраннику, чтобы тот сопроводил меня обратно в камеру 44.

На этот раз моя койка была прикована цепью к стене. Разместившись на полу, я опустил голову и запел церковный гимн.

- Прекрати петь! - прокричал охранник, находившийся за стеной. Я продолжал петь.

- Прекрати!

Тогда я начал насвистывать мотив гимна „Господь - моя крепость.“

- Если это церковная мелодия, ты не должен ее насвистывать, - бушевал он.

Около полуночи дверь открылась и пятеро крупных мужчин

зашли в мою камеру. Один из них накинул мне на голову черный чехол и завязал его вокруг шеи.

„Неужели будут бить?“ - пронеслось у меня в голове.

В ужасе я прижал руки к груди и пронзительно закричал:

- Я буду говорить! Я буду говорить!

Меня вывели из здания и бросили на пол машины. Двое или трое мужчин сели сзади, придавливая меня ногами к полу. Наручники врезались в мои запястья. Водитель старался убедить меня, что мы направляемся в другую тюрьму, хотя на самом деле машина двигалась вокруг лагеря. Спустя несколько месяцев я узнал, прислушиваясь к звукам за окном, что меня в действительности привезли обратно в то же самое здание. На этот раз конвоиры доставили меня в изолированную секцию на первом этаже, где полиция применяет более изощренные методы допросов.

Воздух не проникал внутрь чехла, и мне совершенно нечем было дышать, к тому же проволока или веревка сжимала шею. Машина остановилась и мне пришлось прыгать и ползти по траве, чтобы пробраться к входу. Я услышал сильный скрип двери, открывающейся в помещение. Меня поразил сильный шум в этом здании. Еще некоторое время я сидел на корточках, прыгал и ползал, а затем, наконец, меня доставили в камеру. С меня сняли чехол и оставили в черной, как смоль, холодной комнате.

Почувствовав сильное облегчение от того, что меня не избили, я стоял изумленный, напрасно пытаюсь что-либо разглядеть. Затем, когда мои эмоции улеглись, я почувствовал холод, который шел от двери.

Спотыкаясь, я подошел к ней, поднял руку и почувствовал, как сильный поток холодного воздуха проникает в камеру из входного отверстия около трех футов в длину и пяти дюймов в ширину. Моя тонкая хлопчатобумажная спецодежда не могла защитить меня от холода. Потирая руки, я начал изучать камеру и нашел койку со сломанными пружинами и омерзительным матрасом, а также старый деревянный стул, прибитый гвоздями к полу.

- Ну, что ж, неплохо,- пробормотал я. - По крайней мере, я жив.

Я был удивлен, что охранники до сих пор не оставили ни одной отметины на моем теле. Но, вероятно, у них были на этот счет свои планы.

Я лег, но при таком холоде сон был невозможен. Осознавая свою физическую слабость и страдая от отсутствия сна, я размышлял о том, как долго смогу оставаться в живых в этих казематах. Самая

драгоценная вещь, в которой я нуждался и которую не имел, был сон. В то же самое время мама молилась в Техасе, чтобы Бог дал мне сон. Как обычно, Святой Дух знает нашу сокровенную потребность. В тот день - 7 июня 1979 года- Бог также говорил с моей Офелией и она сделала в своем дневнике важную запись:

„Сегодня у меня нет достаточно красивых слов, чтобы поблагодарить Бога за его доброту к моему мужу. В эти моменты Бог демонстрирует мне свою силу, и я знаю, что Он помогает моему мужу в испытании, которое он сейчас претерпевает. Слава Господу, я знаю, что Он собирается вернуть мне моего мужа живым и невредимым. Да благословенно будет имя Господне.

Какое счастье, что Бог есть в каждом из нас и действует в нашем сердце таким образом, что мы в трудную минуту можем уповать на Него и иметь надежду на то, что Он в трудную минуту не оставит нас. Аллилуйя“.

Снова и снова вера Офелии пересекала море и достигала меня. Снова и снова меня тащили на допросы и вынуждали ползти и прыгать с чехлом на голове. Я отчетливо представлял рядом с собой великую руку Бога. Я видел себя стоящим в центре этой защищающей и оберегающей ладони. Затем я вспомнил обещание из Иоанна 10:28: “И Я даю им жизнь вечную, и не погибнут вовек, и никто не похитит их из руки Моей“. Я находился в Божьих любящих руках, и мне было безразлично, что они делали со мной.

Когда с меня сняли чехол, я увидел в маленькой комнате капитана, сидящего за столом.

- Сегодня тепло, не так ли? - язвительно заметил он, снимая свой военный пиджак, чтобы начать допрос.

- На кого ты работаешь?

- Я работаю на Иисуса.

- Это правда? И сколько же денег платит тебе этот Иисус за осуществление таких путешествий?

- Я предпринимаю свои полеты бесплатно. Моя плата - это любовь и благословение, которое Бог дает мне за послушание.

Большинство вопросов было сконцентрировано на деньгах, ЦРУ и революции. Казалось, круг его компетенции этим ограничивался. После трех или четырех дней холодного непродолжительного сна я был слишком уставшим, чтобы следить за ходом его речи и сидел напротив с опущенной головой и блуждающими мыслями. Святой Дух подарил мне чувство жалости и сострадания к человеку, который находился в

тюрьме больше, чем я. Я перестал отвечать на его вопросы и посмотрел ему прямо в глаза. О, Боже, помоги Антонио. Пробейся, Иисус, он так одинок, потому что никогда не чувствовал теплоты твоей любви.

Я продолжал молиться, сидя напротив него. Его вопросы стали менее частыми, пока он окончательно не умолк.

- О чем ты думаешь? - спросил он.

- Я молюсь за Вас.

Его рот приоткрылся, он пробежал рукой по волосам, затем начал искать сигарету. В первый раз я увидел, что он курит. Я продолжал сидеть неподвижно, как он требовал, смотря на него и молясь.

Капитан нервно оглядел комнату и начал барабанить пальцами по столешнице. На следующем допросе я был удивлен, увидев на нем солнцезащитные очки. Очевидно, он не хотел, чтобы я видел его глаза. Но Богу не нужен зрительный контакт. Ему нужно сердце. Я продолжал молиться.

Сантос послал за Альваресом. Майор был его последней надеждой. Тот ворвался в комнату, красный, как обычно, и сердитый.

- Ты думаешь, что мы играем здесь с тобой?! - закричал он, стуча по столу кулаком. - Ты скоро узнаешь, где раки зимуют!

Временами я слышал, как кричали люди за стальной дверью, но было очень трудно разобрать большинство звуков из-за сильного рева вентилятора и компрессора, которые охлаждали эту часть здания.

Меня бросили в другую камеру, затем чехол сняли и через долю секунды тяжелая дверь захлопнулась. Я был вначале очень обеспокоен моим новым окружением, но затем успокоился, думая, что нахожусь в той же камере, что и прежде. Придерживаясь за стенку, я обнаружил в темноте, что здесь не было ни кровати, ни стула.

В первый момент, когда мое тело застыло от напряжения, я почувствовал, что вентилятор над дверью был полностью открыт и воздух проникал с такой ужасной скоростью, что волосы прямо сдувало с головы. Чтобы согреться, я пытался двигаться в этой крошечной тьме, вытягивая вперед руки и нащупывая стенку. Она была очень холодной. К ней было неприятно притрагиваться. Кроме того, такая „прогулка“, несколько не согревая, только приближала меня к входному отверстию, из которого струился холодный воздух. Я свернулся калачиком в углу комнаты.

- О Боже, помоги мне! - воскликнул я в отчаянии. Он и так

помогал мне, но только не таким образом, как мне того хотелось. Я засунул штанины моего арестантского костюма в носки, чтобы воздух не раздувал их, затем спрятал руки внутрь безрукавки и натянул верх спецодежды до самого носа. Так я мог согреть тело теплым дыханием.

Это дало мне какое-то облегчение, но затем усталость и медленная, но постоянная потеря теплоты тела заставили меня качаться. Я не мог долго сидеть на полу, а также прислоняться к стене. Легче было стоять, касаясь лбом стенки.

Часы проходили, мои ступни и ноги немели. Когда ступни ног опухли, я попытался сесть на корточки, слегка касаясь стенки. Прошел еще один день. Мэл страдал на верхнем этаже от жары. Волдыри и сыпь, усугубленные потом, покрыли его тело. Я был весь покрыт грязью, быстро терял вес от холода и недосыпания. У меня не было стула в течение девяти дней. Мой внутренний голос говорил мне: „Оставь все. Это будет так легко. Только сними всю свою одежду и ляг в центре пола. На это уйдет всего несколько минут. Ты уснешь и будешь чувствовать себя хорошо. Ты будешь с Богом! Вперед!“ Снова и снова приходили ко мне такие мысли. „О, Боже, приди и возьми меня“, - причитал я. - Я хочу умереть. Я хочу умереть. Я хочу быть с Тобой, Иисус!“

Мой дух все еще оставался в Нем, но мое тело и душа агонизировали. Я молился, чтобы компрессор, нагнетающий холодный воздух, сломался. Я подумал было о признании в причастности к ЦРУ, которого они добивались. Если это поможет мне выбраться из холодного ада, то стоит разыграть с ними такую шутку.

- Я хочу видеть капитана. Я готов говорить, - пронзительно закричал я, стуча в стальную дверь.

Примчался конвоир, и через час меня доставили с завязанными глазами в комнату для допросов.

Казалось, Сантос был удовлетворен. Он сидел за своим столом с желтым блокнотом и ручкой, готовый писать в любую минуту.

Должно быть, это было поздно ночью, потому что он был заспанным.

- Вы хотите моего признания в причастности к ЦРУ? - спросил я с притворной сдержанностью.- Действительно, я веду переписку с ЦРУ.

- Ты имеешь в виду, что получаешь почту непосредственно от них?

- Да, раз в год я получаю в письме чек на три миллиона долларов.

Я потер руки, чтобы немного согреться, зная, что шутка не продлится долго.

- Как выглядит конверт? Есть ли на нем адрес отправителя? Сантос казался несчастным.

- Я не помню адрес, - пожал я плечами. - В углу просто написано: „Центральное Разведывательное Управление“.

Внезапно сообразив, он в ярости швырнул ручку.

- Ты поднял меня с кровати, чтобы сказать об этом?

- Вы хотели моего признания о сотрудничестве с ЦРУ и я сделал его, - сказал я.

Он нажал на кнопку и на этот раз помог конвоиру надеть на меня чехол. Меня снова возвратили в камеру. Как только дверь за мной захлопнулась, я застонал: “Нет, нет, нет” и вернулся в мой „тропический“ угол, который был, может быть, на один градус теплее.

Не знаю почему, но я вдруг вспомнил о пении. Божья рука направляла и учила меня. Так как степень наказания становилась все более суровой, то возрастала и напряженность духовной войны. Сатана все сильнее пытался тянуть меня вниз, а Бог нежно поднимал наверх. Псалом 3:4 говорит: „Ты, Господи, щит предо мною, слава моя, и Ты возносишь голову мою“. Бог мой, Ты, будучи милостивым, сострадательным и любящим, лишь хотел доказать мне, что готов прийти на помощь каждому, кто только призовет Тебя.

Я начал снова петь великий церковный гимн „Господь - моя крепость.“ Я пропел „Иисус любит меня“ и все христианские песни, которые мог вспомнить. Я уже больше не думал о холоде, все мысли мои были только об Иисусе. Моя голова едва касалась стены, глаза были закрыты. Я насвистывал, пел, даже имитировал звуки трубы, восхваляя Господа. Я думаю, что поднялся на самый высокий уровень борьбы против врагов, восхваляя их, хотя и не могу вспомнить все места в Писании, подтверждающие мою мысль. В Псалме 21 говорится: „Ты, Святой, (Господь), живешь среди славословий Израиля“. Я не знаю, каким образом это достигается, но это действительно так. Могущественный Избавитель, Мессия и Спаситель был со мной. Он держал мое трясущееся тело в Своих руках. Что бы ни случилось, Иисус оставался со мной.

Гипотермия, постепенное снижение температуры тела, вызвали у меня чувство страха и отчаяния. Однако Библия говорит, что „Бог дал

нам духа не боязни, но силы, любви и целомудрия"(2 Тим. 1:7)

Охранник открыл маленькую оконную створку в двери и с любопытством заглянул внутрь.

- Чем ты занят? - спросил он.
- Я пою об Иисусе.
- Почему?
- Потому что я люблю Его, - ответил я.

Он захлопнул створку и ушел. Я продолжал петь.

Спустя несколько минут он снова вернулся и, открыв окошко, сказал:

- Если ты любишь Иисуса, не пой!

Затем он ушел, прежде чем я успел ответить. Мне было жаль его.

Через некоторое время он, очевидно, привел майора, который, стоя за дверью, прокричал мне угрожающе:

- Подумай, Томас, подумай!

Его голос был резким, как скрежет мускатного ореха. Меня не беспокоило его предупреждение. Я думал, что через три-четыре часа окошечко откроется и яркий луч света проберется по полу, разыскивая меня. В конце концов, примерно через двое суток меня вывели и поместили в прежнюю камеру, которая, хотя и была холодной, по сравнению с предыдущей показалась мне теплой. Убедившись в том, что я не был супершпионом, пытавшимся уничтожить их страну, меня снова повели по данному отрезку моего жизненного пути.

Я провел еще одну неделю в камере. Почти ежедневно меня расспрашивали относительно последних семи лет моей деятельности на Кубе. Так как я планировал осуществление полетов и очень узкий круг моих друзей-христиан был посвящен в эту работу, у них было мало шансов что-либо узнать. Они выискивали злонамеренные связи между мной и влиятельными правительственными лицами. Им нельзя было показать даже намека на чувство страха или агрессии, которые лишь еще больше взвинчивали их. Это еще раз давало возможность свидетельствовать о целостном, ясном, чистом Духе Христа, который работает в окружающем нас мире, выполняя великий обет Господа.

Могут ли сосуществовать любовь и надежда Иисуса с обвинением марксизма-ленинизма? В Деян. 19:26 Павел осуждает культ богини Артемиды. Он утверждал, что она не была богиней, потому что была создана человеческими руками, и проповедовал Христа как единственную альтернативу.

Коммунизм - это тоже материализм, культ вещей, сделанных человеческими руками. До тех пор, пока марксиста не разбудит Дух Бога, чтобы он увидел свое состояние и испытал тягу к живительной воде, он будет ненавидеть церковь как „деспотический“ институт. Существовала Благая весть для греков, для римлян и для евреев, но для всех был один и тот же Иисус Христос.

В течение времени, проведенного в “теплой” холодной камере, я посетил в молитвах все церкви, в которых был когда-либо. Я начал с Батон Руж, Луизиана, места моего рождения. Я путешествовал в Техас, Оклахому, Южную Каролину, Коста-Рику, Индиану, Калифорнию. Я не раз общался с верующими и восхвалял Господа вместе с ними. Я молился за них и за их пасторов. Я молился за своих родителей, за детей, Офелию и ее родителей в Коста-Рике. Я делал пять шагов к каждой стенке, вытягивая руки, чтобы не удариться. Шепотом я повторял каждое имя, обращаясь к Богу. Однажды, когда охранник открыл дверь, я заметил, что протоптал ровную дорожку на грязном полу.

Вскоре меня снова толкнули в машину. Я сильно ударился головой о край двери. Когда с меня стащили чехол, я увидел рядом двух конвоиров, наклонившихся надо мной и рассматривающих ушиб. Меня удивило такое внимание с их стороны, но позже я узнал, с чем это было связано.

ГАВАНСКИЙ ТУРИСТ

- Мы хотим, чтобы ты поговорил с нашими репортерами, - объявил капитан Сантос.- Нам вовсе не хочется держать тебя здесь, но вначале ты должен поговорить с нашими репортерами.

Я прекрасно понял не очень тонкий смысл его слов.

Я был бледен. Он решил подготовить меня к пресс-конференции. Меня побрили, дали зубную щетку, мыло и полотенце. На следующий день охранник жестом приказал следовать за ним. Он повел меня по узкому проходу на глиняную, выложенную черепицей лестницу, выходящую на улицу. Солнце! Я не видел солнца и неба почти месяц. Бетонная стена около десяти футов, увенчанная металлическими решетками, была моей клеткой, где я „загорал“, хотел я того или нет. (Позже я узнал, что Мэла тоже выводили на солнце, чтобы он не казался слишком бледным). Охранник закрыл дверь, я смотрел на небо, щурясь, пока мои глаза привыкали к свету. Вдруг я заметил несколько красных отметин на стене. Я все еще плохо видел без очков, но эти буквы были высотой более фута. Я прочитал по-испански: „Mi rey es Cristo“ („Мой царь - Христос“). Я вспоминаю, как был бесконечно счастлив, увидев эти слова. Другой верующий, который был здесь до меня, нацарапал это кусочком черепицы на зеленой бетонной стене.

- Слава Господу! - воскликнул я, поднимая руки к небесам.

Я не могу передать словами чувства, охватившего меня в тот момент. Слезы радости текли по моим щекам. Затем я обнаружил другие послания на стенах. Sin Cristo no podemos ser nada (Без Христа мы ничто). Viva Dios (Слава Богу!) и Jesus es la unica solucion habla de el con tu corazon (Иисус - единственно верный путь, впусти его в свое сердце). Здесь были послания любви и поддержки мне от живущей церкви.

На обратном пути в камеру я радовался тому, что Бог удивитель-

ным способом оставлял для меня надежду. В свои последующие прогулки, когда я замечал, что дождь смывал красные буквы, я брал кусочек черепицы с пола и наводил их вновь. Иногда я добавлял свои изречения: „Dios es amor“ (Бог - это любовь). В моем положении эти простые истины были могучим лекарством.

На следующем допросе капитан Сантос открыл большой коричневый конверт и разложил на столе разные христианские буклеты и журналы. Он презрительно нахмурился.

- Это фальшивые фотографии, - резко сказал он.

Указывая на фото Георгия Винса в арестантской форме, Сантос вдруг спросил:

- Как попадают в прессу такие фотографии?

- У христиан есть фотоаппараты. У многих из них,- добавил я твердо.

Он занервничал от такого заявления, опасаясь, очевидно, многочисленных шпионов. Мое же сердце, переполненное светом любви, ликовало. Вдруг в моей памяти всплыл отрывок из Евангелия от Матфея:

„Итак не бойтесь их: ибо нет ничего сокровенного, что не открылось бы, и тайного, что не было бы узнано. Что говорю вам в темноте, говорите при свете; и что на ухо слышите, проповедуйте на кровлях. И не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более того, кто может и душу и тело погубить в геенне“(Матф. 10:26-28).

Уже больше месяца я не видел Мэла. Неимоверная жара в его камере и тяжелые условия содержания способствовали тому, что у него развилась кожная инфекция, к тому же он, как и я, страдал дизентерией.

Наконец, мы увидели друг друга. Это было ночью, 3 июля, когда нас привезли в разных машинах на телевизионную студию в Гаване. Оказалось, что ему, как и мне, угрожали перед встречей с корреспондентами и предупредили о том, что наше будущее зависит от этой встречи. В действительности же присутствующие были агентами спецслужбы. По-видимому, готовилась передача о религиозной свободе на Кубе, хотя нам не только не довелось увидеть здесь ни одной церкви, но и поговорить с гражданами этой страны.

Сидя на мягких стульях в привычной для нас одежде, мы чувствовали себя так, словно очутились в другом мире. Нам даже принесли стаканы с холодной водой. Но как только начались вопросы,

мы поняли, что ложь или ненависть выглядят одинаково, будь то тюрьма или телевизионная студия.

Вопросы были предварительно записаны нашими следователями. Ответы на них репетировались со мной много раз, поэтому свободного обмена мнениями не было. Вопросы задавали снова и снова до двух часов ночи.

- Кто платил вам за организацию вашего полета? - спросил мужчина средних лет, сидевший за длинным столом справа от нас.

- Никто нам не платил, - ответил я.

- Финансировалась ли ваша поездка каким-либо департаментом Соединенных Штатов? - спросила молодая негритянка, сидевшая рядом с ним.

Яркие лампы продолжали гореть, камеры поворачивались в разные стороны. Сантос сидел сзади в штатской одежде, язвительно улыбаясь в ожидании правильных ответов.

- Но ведь вы могли получить денежные средства от неизвестной вам организации, - попытался пожилой мужчина.

Они все еще пытались как-то увязать нашу деятельность с ЦРУ. Мне очень хотелось бросить им вызов, но мое тело тосковало по свободе. Борьба была напряженной. Я отвечал как можно дипломатичнее, помня угрозы о ледяных ваннах и двадцати годах тюрьмы. Затем нам предложили чай, и беседа продолжилась. Тем не менее, они были недовольны нашими ответами. Встреча была прервана, и нас снова вернули в тюрьму.

В воскресенье, 8 июля, секретная служба организовала двухчасовую поездку по церквам Гаваны. Поездка под названием „Религиозная свобода“ была плохо спланирована, если не сказать хуже.

Первым местом нашего посещения был огромный католический собор рядом с океаном в западной части Гаваны. В глаза бросились решетки на окнах, на входной двери. Восьми- девятифутовые решетки закрывали проход к зданию, а перед входом в церковь в решетке не было ворот. Едва мы подъехали, открылись боковые ворота.

- Сейчас, должно быть, не время для мессы, - заметил капитан Сантос. Затем, обращаясь к смущенному водителю, он заметил:

- Полицейский конвоир Мэла утверждал, что собор открыт.

Затем машины повернули в сторону „правильной“ церкви. Шесть или семь человек были во дворе церкви и полицейский издал наблюдая, как они входят в здание церкви.

Позже Мэл сказал, что там было почти пусто. Мы увидели еще

две католические церкви, в каждой из которых было примерно по двадцать человек. Одна из них представляла собой исторический памятник, открытый для посещения туристов.

Потом нас повезли осмотреть баптистскую церковь. Мы проезжали мимо замечательных угловых зданий со скрепленными цепью воротами, витражными окнами и сводчатыми крышами. Были ли это церкви?

Наш автомобиль остановился. Надпись на стене здания, свидетельствующая о том, что это баптистская церковь, отсутствовала, за исключением имени миссионера - W. Sagej. И снова нам не разрешали выходить из машин. Я увидел только двух человек, входящих в здание. Но странное обстоятельство! Во время „службы“ женщина вошла в здание с несколькими тюками и поднялась вверх по лестнице. Мне стало ясно, что это был жилой дом! Специальная поездка была и в самом деле плохо организована агентами спецслужбы, но хорошо спланирована Богом для нашего прозрения. Капитан был сильно смущен.

Наши машины еще долго петляли по городу. Адвентистская церковь была закрыта. Это было естественно, так как служение у них проводилось по субботам. Металлические планки были приварены над окнами и большой замок висел на входной двери. Я благодарен Мэлу за его сверхострые глаза пилота. Без своих очков я бы не смог заметить этих тонких деталей. Нам сказали, что в Гаване есть много церквей пятидесятников, но мы так и не увидели ни одной из них.

Однажды у Фиделя Кастро, когда он пребывал на Ямайке, спросили, почему нет новых церквей на Кубе, и он ответил с выражением глубокой обеспокоенности на лице, что это связано с отсутствием бетона. Фактически, на Кубе очень много бетона, она является его основным экспортером в страны Карибского бассейна и Южной Америки.

9 июля, будучи снова в телевизионной студии, мы лишь признали, что посмотрели несколько церквей, однако пытались отвечать на вопросы дипломатично. Как только я хотел вставить реплику о вере, меня тут же резко прерывали. Временами я чувствовал себя зажатым в тиски. На протяжении нескольких лет мне приходилось читать о подобном давлении на христиан в коммунистических странах, но столкнуться с этим пришлось впервые.

Во время нашей телезаписи капитан Сантос и другие официальные лица поддерживали меня небольшими репликами, как: „Когда ты

попадешь домой..." или „Причеши волосы, твоя жена должна увидеть тебя красивым“, искусно строя тщетные иллюзии на скорое возвращение домой. Некоторое время я верил им. Вернувшись снова в тюрьму, я лег на койку и начал фантазировать, размышляя об освобождении или побеге. Я представлял себе то морских пехотинцев Соединенных Штатов, приземляющихся на крыше, то себя, плывущего через Гаванский порт, чтобы схватить трос, свисающий на одном из кораблей...

Наконец, я понял, что потерял много времени и энергии в бесплодных мечтаниях. Прося Господа Бога о прощении, я разработал порядок двухмильных прогулок в день по камере, пения и декламирования вслух библейских стихов.

Эти стихи благословляли и укрепляли меня. Декламируя "Все могу в укрепляющем меня (Иисусе) Христе" (Фил. 4:13), я вытягивал воображаемый меч и рубил им дверь. Я размахивал своим мечом Духа - могущественным Словом Божиим. О, как мне было жаль, что я не запомнил больше! „ В сердце моем сокрыл я слово Твое, чтобы не грешить пред Тобою,“ - писал Давид Псалмопевец. Нам в свободном мире необходимо хранить его по нескольким причинам: для укрепления нашего духа, когда мы не имеем под рукой Библии и для того времени, которое может прийти, когда мы не сможем иметь Библию. Как я сильно жаждал что-нибудь прочесть! Я прочитал все надписи на стенах. Некоторые принадлежали Уолтеру Кларку, американцу, которого я встретил позже в тюрьме. Он получил два года тюрьмы, когда его самолет из-за неполадок вошел в кубинское воздушное пространство. Его и Боба Беннета заставили приземлиться МИГи. Уолтер, который раньше находился в камере 37, написал слова любви, адресованные своей жене и детям, на двери и стенах камеры.

Однажды капитан Сантос, надеясь сделать из меня „христианина-марксиста“ (хотя подобного понятия не существует), дал мне книгу, написанную падре Камилло Торрес, колумбийским священником. Торрес рассматривал слова „люби ближнего своего,“ как социальную концепцию, только не состоявшуюся, как он думал, из-за отсутствия ответной реакции в государственной церкви. Это социальное евангелие, пусть даже тщательно замаскированное духовностью, заканчивается гибелью, если только не будет пропитано душеспасительной силой любви Иисуса Христа.

Сверхъестественная трансформация человеческого духа силой и милостью Бога должна быть центральной и доминирующей, в против-

ном случае все в окружающем нас мире принимает искаженные формы. Семена марксизма, посеянные в Торресе еще в университетские годы, все более произрастали в его сочинениях до самого конца его жизни. Отец Торрес умер после заявления о поддержке убийств и организации террористических банд в сельской местности. Змея окончательно подняла уродливую голову, показывая свое истинное „лицо“. Его учение не касалось простых экономических или социальных перемен, а было учением ненависти, угнетения и смерти.

Но какое сокровище нашел я в этой книге! Из-за своего слабого зрения я должен был рукой закрывать глаз, чтобы второй не переутомлялся так быстро. Придвигая страницы к тусклому желтому свету, я нашел отрывок из Послания к Римлянам 8:35-39: „Кто отлучит нас от любви Божией: скорбь, или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч? как написано: „За Тебя умерщвляют нас всякий день; считают нас за овец, обреченных на заклание. Но все сие преодолеваем силою Возлюбившего нас. Ибо я уверен, что ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем.“

Какое удовольствие я получил! Торрес использовал этот отрывок как призыв к физическому уничтожению. Но Святой Дух помог истолковать мне эти строки в их подлинном смысле. Это - всепобеждающая сила любви Христа при любых обстоятельствах.

Слабый физически, в потрепанной одежде, полностью изолированный от возможности общения с теми, кто любит меня, я чувствовал, как эти строки, словно волны, обдавали меня, ободряя. „Ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем,“ - эти слова были написаны Павлом в тюрьме.

Каждый день капитан охотно спрашивал, нравится ли мне эта книга. Он сам пошел в библиотеку, чтобы найти ее, все еще надеясь привлечь меня на свою сторону. Я сказал ему, что книга доставляет мне огромное удовольствие. Я прочитал ее сразу, затем перечитывал отрывок из „Послания к Римлянам“ семь или восемь раз в день. Я запомнил его наизусть, но даже потом я открывал книгу и касался страниц, восхищаясь тем богатым подарком, который Бог дал мне. Я начал осознавать, как жаждали Слова Божьего христиане в коммунистических странах и как даже маленькая строчка может помочь любому верующему или неверующему.

В ответ на многие официальные требования из Вашингтона, от членов Конгресса и других меня поместили в онкологическую больницу в Гаване на обследование. Тем самым капитан как бы продемонстрировал мне „бесплатное“ медицинское обслуживание на Кубе.

Позже я узнал, что любой предмет, купленный на Кубе, даже такие вещи, как пара тонких, плохо пошитых брюк, стоит приблизительно половину месячной зарплаты. Я начал понимать, что здесь ничего нет бесплатного. Эти бедные люди на самом деле за все должны платить. Даже низкосортные витамины равны стоимости дневной зарплаты.

Прибыв в больницу, я ожидал некоторое время в машине вместе с охранником, пока капитан готовил „манговый инцидент“, как называли его мы с Мэлом. Однажды я сказал Сантосу, что слышал о том, будто из-за экспортных поставок кубинцы никогда не насытятся своими собственными манго.

Наконец, капитан вернулся в машину. Положив руку на мое плечо, он медленно повел меня вдоль тротуара. На нас была обычная штатская одежда. Я подумал: „Почему мы идем так медленно?“ Внезапно женщина, которая только что покинула здание, направилась к нам. Она несла сетку, в которой лежало шесть или семь крупных спелых манго. „Это становится интересным, - подумал я. - Посмотрим, что будет дальше“.

Она прошла мимо и я отметил на мгновение, что в этом нет ничего особенного. Но затем капитан Сантос, „великий драматический актер“, не мог не устоять перед возможностью завоевать Оскара. Все еще держа руку на моем плече, он полуразвернул меня, указывая на сумку, которую несла женщина, и воскликнул: „О! Ты только посмотри на эти манго!“

„Прекрасно, капитан, - подумал я. - Однако вы слишком переусердствовали“.

Это были единственные манго, которые мы видели во время наших пропагандистских поездок в Гавану.

Позже, когда Мэлу и мне принесли в наши камеры еду, мы были удивлены, увидев фрукты. Манго! Даже охранники не могли скрыть удивления. А несколько позже, открыв стальную задвижку в двери, они спросили меня, понравились ли мне манго. То же самое произошло и с Мэлом. Таким образом мы узнали, что коммунисты были мастерами обмана, манипулируя то манго, то судьбами людей.

И не только фрукты - редкость на Кубе, но и десятки предметов первой необходимости строго нормированы. Продовольственные карто-

чки - это существующая реальность и мрачное напоминание о жалкой экономике. Многие видят причину кубинской бедности в объявленном Соединенными Штатами эмбарго. Но мы убедились в том, что как раз коммунистическая система обдирает людей. В шестидесятые годы Фидель, "экономический эксперт", потерял миллионы песо на губительных экспериментах.

Его план разведения кроликов привел к тому, что все импортированные кролики, не приспособленные к тропической жаре, погибли. Провалился и план откорма свиней. Завезенная с севера порода свиней, привыкшая жить в суровых погодных условиях, должна была содержаться в специально построенных бараках с кондиционированным воздухом. Кондиционеры сломались. Свиньи погибли.

Кастро распорядился, чтобы разбили кофейные плантации вокруг Гаваны после того, как ведущий английский эксперт заявил, что это невозможно. Все деревья погибли. Затем были другие грандиозные планы... Наконец, русские, видя как миллионы песо вылетели в трубу, разместили советских консультантов в каждом департаменте правительства. Я заметил, что печальная ситуация отражалась в политических карикатурах, которые таинственно появлялись на городских стенах. Например, изображение падающей на землю лошади рядом с тяжелой повозкой и надпись: „Не толкайте нас больше, мы уже почти на земле“.

Как ни странно, но страдание и боль, преобладающие в коммунистических странах, способствовали появлению большого количества анекдотов, которые вызывали у слушателей искренний смех. Вот один из них, точно отражающий экономику страны: „Решив усилить свою безопасность, Фидель нанял Шерлока Холмса, знаменитого детектива. Шерлок Холмс сопровождал Фиделя в его джипе в течение нескольких недель, не проронив ни слова.

- Послушай, Шерлок, - сказал Фидель. - Я знаю, что ты знаменит, но ты совсем не помогаешь мне.

Детектив, указав на десятый этаж жилого дома, с умным видом сказал:

- Вы видите мужчину в новой красной рубашке? У него нет нижнего белья.

Кастро немедленно послал за агентом спецслужбы, который, приставив изумленного мужчину к стене, приказал снять брюки. Действительно, нижнего белья на нем не оказалось.

- Прошу извинения, Шерлок, - сказал Фидель. - Все это правда.

Ты стоишь тех денег, которые я тебе плачу. Но скажи мне, как ты узнал? Это невероятно! Ты знаешь каждую деталь!

Шерлок улыбнулся.

- Все элементарно просто, мой дорогой Фидель. Согласно установленным у вас на Кубе нормам, ваши граждане могут получить только одну новую рубашку или одну пару нижнего белья в год. Я увидел, что на нем была новая рубашка, поэтому понял, что он не имеет нижнего белья“.

Настал период ожидания. На протяжении приблизительно двух месяцев мы сидели в отдельных камерах. Глаза и душа жаждут так много вещей, которые отсутствуют в данный момент, но реально существуют. Цвет. Когда мы, проезжая, увидели у обочины цветы, я, затаив дыхание, жадно всматривался в розовые и красные цвета, стараясь их запомнить как можно лучше, чтобы затем вспомнить еще раз.

Однажды я взобрался на дверь, переставляя пальцы ног по сварочным соединениям, и нашел несколько мертвых насекомых в маленьком желобочке над электрической лампой. Я поднес крошечные хрупкие радужные крыльца к свету, любуясь их прекрасными зелеными и розовыми переливами. Мое дыхание смахнуло крылышки с руки на пол. Я спустился вниз, присел на колени, чтобы разыскать их, но без очков и при слабом освещении это было невозможно.

Я думал о том, как долго еще будет продолжаться это суровое испытание и когда, наконец, я снова увижу Офелию и своих детей. Хотя я ощущал рядом присутствие Господа, ожидание казалось мне бесконечным.

ВНУТРЕННЯЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Жаркие дни и ночи лета проходили медленно. Шагая по камере вместо зарядки, я остановился и, хлопнув полотенцем о койку, вспомнил Илию, разделившего воду своей мантией (4 Цар. 2:8).

- Бог сделает для меня это однажды, - сказал я громко.

Уверенный, что придет время и Он однажды раздвинет эти стальные двери, я расслабился и бросил птицам за окном хлебные крошки. Птицы поддерживали меня своими хвалебными песнями. Маленькая коричневая птичка сунула свой оранжевый клюв через оконную щель, наклоняя головку в разные стороны, чтобы взглянуть на меня. Я вспомнил одну ночь в библейском колледже в Хьюстоне, Техас. Мой будильник не работал, и я попросил Бога помочь мне встать на следующее утро в шесть часов. Утром сильный звук разбудил меня. Встав с кровати, я увидел снаружи, на коричневом выступе, воробья, стучащего клювом в стекло. Было ровно шесть часов.

Хотя частые приступы ослабили состояние моего здоровья, я продолжал шагать по камере. Я четко знал, когда в очередной раз наступает воскресенье, потому что охранники каждый раз дружно скандировали: „Фидель, Че, Камило!“

Однажды после того, как нам раздали пищу, я попытался заговорить с ними.

- Почему ты говоришь об этом Боге? Фидель Кастро наш Бог, - сказал один из них.

Второй, который приносил еду каждый день, остановился напротив двери на несколько секунд.

- Да благословит тебя Господь, - сказал я ему.

В ответ он заулыбался и ничего не сказал.

Однажды, когда капитан Сантос был в моей камере, этот молодой охранник принес еду. Занятый допросом, я не мог ничего ему сказать. Несколько минут спустя он вернулся и заглянул внутрь.

- Эй! А где твое „Да благословит тебя Господь?“, -он улыбнулся. Ошеломленный капитан вихрем понесся к двери, но охранник скрылся.

Чтобы побороть скуку, я увеличил свои прогулки по камере до трех миль в день. Шагая взад и вперед, я перечислял вслух все имена, связанные с именем Иисуса, которые мог припомнить: „Эммануил (Бог с нами), Спаситель, Учитель, Царь, Господь, Скала...“ Для меня в той ситуации Иисус являлся, прежде всего, той Скалой, которая сильнее всего поддерживала мою душу и придавала мне сил. У меня не было имущества, семьи, не было уважения равных себе, но у меня была Скала, на которую я мог опереться. Ежедневно я учился зависеть от Него.

Тюрьма предварительного заключения, в которой я находился, относилась к ведомству Внутренней безопасности. В этом названии заключалась ирония, поскольку внутри моего сердца пускали свои ростки все новые семена веры. И вера моя росла благодаря Его милости и именно Он создавал внутри меня такую внутреннюю безопасность, которую я раньше никогда не ощущал.

Внизу, на первом этаже, капитан все еще старался разрушить эту мою безопасность. Его усилия, направленные на то, чтобы выбить у меня веру в Бога, были неизменны. Но чем больше я обращался к Богу и Его жертвенной любви, тем с большими трудностями сталкивался Сантос в своей технике допросов. Он мог издеваться надо мной чисто физически, но он не мог прикоснуться к могучему Краеугольному Камню - живущему внутри меня - Иисусу.

В камере у меня было достаточно времени, чтобы изобличить антирелигиозную философию, которая проникает во все сферы общества на Кубе. Почему, в частности, страдает здесь церковь? Не только потому, что марксистская религия угнетает ее, а потому, что она разъедает церковь изнутри, как раковая опухоль.

Поколения новых пасторов сегодня восхваляют Маркса, Ленина и Кастро как Мессию. В.И. Ленин говорил: „Мы должны вести борьбу с религией. Это является аксиомой для тех, кто следует философии материализма и, как следствие, - марксизма.“ То, что происходит на Кубе, подтверждает слова Солженицына, высказанные им в 1972 году: „Церковь, руководимая атеистами - спектакль, который человечество не знало на протяжении 2000 лет!“

Монсеньор Заччи, нунций Папы Римского на Кубе, сказал, что

католическая молодежь имеет право состоять в Коммунистической молодежной организации, потому что католики имеют право участвовать в политике. Некоторые священники в душе не согласны с ним.

Главой униатской семинарии в Матансасе является преподобный Серхио Арсе. Он отрастил бороду, чтобы быть похожим на Фиделя Кастро - на Кастро, сжигавшего Библию.

Арсе недавно заявил: „Маркс был атеистом умом, но не сердцем. Очень многие христиане являются атеистами умом, но не сердцем.“ На первый взгляд кажется, что в этих словах выражена поддержка доброго, мягкого Маркса, который хотел, чтобы бедным лучше жилось. Христианина он изображает как эгоистичного, прожорливого материалиста, любящего других только на словах. Большая часть наивного западного мира погружена в это ошибочное заблуждение, но предпочитают молчать. Но настоящий христианин любит и дает, помогает, и жертвует, следуя примеру Иисуса Христа. Но каков был пример Маркса? Мы знаем, что было в сердце Христа. А что же было в сердце Маркса? Был ли он действительно великодушным гуманным экономистом? Маркс-экономист был также Марксом-поэтом. Его поэзия и экономика переплелись. В своем стихотворении „Человеческая гордость“ он пишет о том, что могут его планы сделать в будущем для мира, и его поэтические предсказания сбылись в том, что марксистские страны терпят в настоящее время экономический крах.

Человеческая гордость

С презрением я брошу вызов
в лицо всему человечеству
и увижу гибель этого карликового гиганта,
чье падение не сдержит моего пыла.

Затем я буду странствовать богоподобный, победоносный
по развалинам мира,
и, придавая своим словам действенную силу,
я буду чувствовать себя, как Творец.

Почему Маркс сравнивает себя с Богом? Какое это имеет отношение к экономике? В своем стихотворении „Игрок“ он пишет:

Пары из ада сознание затмевают,
сводя меня с ума и выворачивая душу.
Видишь этот меч?
Князь тьмы его мне продал.

В своем стихотворении „Бледная девушка“ он отмечает:

Я поплатился небесами
И знаю это хорошо.
Моя душа, когда-то отданная Богу,
Потеряна в аду.

В письме от 31 марта 1854 года сын Маркса, Эдгар, обратился к своему отцу следующим образом: „Мой дорогой дьявол“. Действительно ли экономические теории Маркса, которые кажутся привлекательными для бедных всего мира, скрыты под маской „ангелов света“? Не открывают ли они крышку пандоровского ящика экономического, морального и духовного рабства? И разве не марксистские священники секретной полиции Антонио Сантос, майор Альварес и другие полностью соответствуют шаблону, созданному этой теорией: не благотворительные спасители, помогающие бедным, а порочные, атеистические угнетатели, открытые хулителю Бога, агрессивные разрушители христианской жизни и этики? Почему религиозное угнетение преобладает среди тех правительств, которые публично объявили себя марксистскими?

Гнет коммунизма очевиден не только в экономической и политической сферах, но и в самом духе кубинской жизни. Подозрение и страх стали оружием власти.

Зная о том, что разлука с семьей была для меня открытой раной, полицейские чиновники постоянно использовали родные имена, чтобы испытать меня и причинить мне боль. Их тактика стала невыносимой, скручивая и взбалтывая мою душу каждый день.

„О, Боже! Я не могу избавиться от этой... этой боли... Она слишком сильна. Помогите мне!“ - заплакал я как-то вечером. Я так ясно видел перед собой златокудрую головку Даниэля - смеющегося и весело брызгающегося в ванне. Я рисовал в своем воображении Дороти, хлопающую в ладоши и напевающую детские песенки, разученные в церкви. Затем в моей памяти предстала Офелия. Как страстно я стремился к ней!

Ворочаясь с боку на бок на своей твердой койке, я был потрясен

мыслью, вспыхнувшей в моем беспокойном сознании.

„Том... помни о сотнике!“

Я присел на краю койки. Голос был настолько четким, что я растерялся. „Какое это имеет отношение ко мне?“- подумал я. „Том, помни о сотнике. Подумай об этом“, - повторилась снова команда.

Я мысленно вернулся к Евангелию от Луки, главе седьмой, где повествуется о том, как Иисус был удивлен глубокой верой сотника. Римский солдат был первым человеком, который поверил, что Иисус мог разрешать проблемы в его доме, не находясь там физически. Как только я начал осознавать это, улыбка заиграла на моих губах.

„Тогда Ты, Иисус, можешь переместиться в образе Духа сейчас же из моей камеры в Гаване в мой дом в Глендейле, в Калифорнии. Ты сейчас можешь прикоснуться к моей жене и детям. Ты можешь быть с ними в этот самый момент. Слава Богу! Иди туда сейчас, Иисус“.

Это был простой урок... Глоток воды для несовершенного христианина, ожививший мою веру. Это было впечатляюще! Бог дал мне его в личной упаковке для решения моей проблемы. Чувство печали за мою семью вновь овладело мною, но уже никогда я не ощущал мучительного состояния агонии. Когда сатана пытался нанести мне удар, я размахивал своим мечом веры и громко говорил: „Помни сотника!“

Воодушевленный этой победой, я начал повторять библейские стихотворения, петь каждый день больше псалмов, гимнов и восхвалений Господу. Когда я приблизился к ногам Иисуса, то осознание своих слабостей и проблем возросло. Грехи, которые были как бы завуалированы в деловом, занятом самим собою мире, всплыли на поверхность во время моей молитвы и поста. Моя камера превратилась в место, где человек очищается от всего плохого, ненужного.

Я убедился, что Иисус, мой Бог - самый великий психиатр, который когда-либо жил. Он не просто решает проблемы, Он „растворяет“ их в Своей крови. Когда у меня возникали проблемы, я мысленно представлял себе золотой крест над ними. Это служило напоминанием, и моя слабость больше не оказывала влияния на меня. Я начинал чувствовать себя свободным, очищенным, кристально чистым, свежим.

Предсказание об Иисусе в Книге пророка Малахии 3:2 приобрело для меня новое значение: „...Он - как огонь, расплавляющий и как щелок очищающий“. Мой взгляд упал на кусочек мыла, лежащий недалеко от койки, и я улыбнулся. Свободен. Чист. Иисус омывал свое

дителя.

Как часто я торопился, не оставляя времени для „очищения“. По пути в церковь заезжал на станцию техобслуживания, торопясь помыть машину. Наконец, Иисус имел „слушателя поневоле“, и Он давал мне тщательное очищение сердца.

Я был вне себя от радости, узнав, что Он все еще заботился обо мне. Много ночей я вертелся на койке, молясь: „О, Боже, не покидай меня“. Я вспомнил, что веточка, не приносящая плодов, удаляется. Я мог бы принести больше плодов для Господа. Был ли я удален от Него сейчас? Его любящая, так необходимая мне в те дни и ночи поддержка ободряла меня. Он все еще любил. Он все еще заботился. Он даже очищал меня.

В декабре 1978 года я молился на домашнем молитвенном собрании с несколькими друзьями-христианами. Один, который знал о моей работе, предложил, чтобы группа помолилась за меня и мою миссионерскую работу. После собрания одна женщина рассказала мне о том, что открыл ей Господь: „Молясь за Вас, я увидела, как вы столкнулись на шоссе с объектом, который напоминает цистерну. Но не бойтесь, потому что ангелы сидели на Вас слева и справа. Ничто не сможет повредить Вам“.

Я поблагодарил ее, рассуждая про себя, что могло бы означать это предсказание. В Книге Деяний человек по имени Агав предсказывает Павлу таким же образом тюремное заключение. Но это было в дни апостолов, не так ли? Кроме того, я использовал самолет. Какой же объект мог напоминать цистерну?

Сидя в своей уединенной камере, я вспоминал предсказание той женщины, и вдруг мне пришло в голову, что самолет ударился о мусорный грузовик. С поломанными крыльями и фюзеляжем, разбитым о шоссе, самолет тоже был похож на цистерну. На наших телах не было царапин. „Ничто не сможет повредить Вам...“ Ангелы... Да, Бог не только заботился, Он очищал. Бог был позади меня и передо мной.

В конце августа, перед тем как перевести нас в центральную тюрьму, капитан Сантос попытался провести со мной задушевную беседу. Играя роль мудреца, он посоветовал мне оставаться вне политики и придерживаться „чистой религии“. Это развеселило меня. Я услышал те же самые слова, что и от глав церквей, религиозных чиновников и другого духовенства, критиковавшего контрабандную доставку Библии. И теперь подобное поучение исходило от капитана коммунистической страны, который обходился со мной холодно, жесто-

ко, как с ничтожеством. „Тебе не следует смешивать политику с религией. Ты должен проповедовать только Евангелие.“

Сантос согласился на встречу священников и пасторов различных вероисповеданий. В какой тип политики они были вовлечены? Придерживались ли они тех же взглядов, что и заключенный, нацарапавший на стене „Мой царь - Бог“? Вскоре я узнаю об этом. Мне предстояло встретиться с некоторыми из этих „политиков,“ моими братьями во Христе.

В ШКОЛЕ СТРАДАНИЙ

Вскоре Мэла и меня перевезли в другую тюрьму в советском фургоне, похожем на „черные Маруси“, которые я видел в фильмах о советских исправительно-трудовых лагерях. Была ночь. Сидя сзади, я весело болтал с Мэттом, другим американцем. Наш разговор переливался, как водопад, так как мы оба испытывали радость от встречи. Мы, должно быть, напоминали охранникам певчих птиц в клетке. Конвоиры сидели по другую сторону от нашей собственной железной клетки, сжимая автоматы АКМ советского производства. Почему нас перевозили в ночное время? Почему так много охраны? Мы не привыкли к такой „демонстрации силы“.

Это было только началом нашего знакомства со структурой здешней полиции. Нас конвоировала специальная охрана Министерства внутренних дел. Здесь существует также охрана Национальной революционной милиции, Национальной революционной полиции, Территориальной милиции и три армии Министерства Вооруженных Сил - все это создано для поддержания полного контроля над людьми.

Мы въехали через главные ворота тюрьмы Комбинадо дэль Эсте, расположенной к востоку от Гаваны. Хотя мы ничего не видели в дверной щели фургона, но могли слышать пчелиный гул голосов, как оказалось, семи тысяч человек. Нас троих доставили в какое-то здание и поместили во временную камеру. Камеры тюрьмы были переполнены. В нашей камере спали на бетонном полу двадцать восемь *launcheros*. Их приговорили к четырем годам заключения за попытку покинуть нелегальным путем Кубу на резиновых камерах, лодках и плотках.

Один из них рассказал мне, как его пятилетняя дочь сидела у него на коленях внутри резиновой камеры, когда он греб на протяжении сорока миль в открытом море по направлению к Кэй Вест. Кубинские пограничные катера не только покидали территориальные

воды Кубы, но и крейсировали вдоль границы Соединенных Штатов, разыскивая сбежавших соотечественников. Мэлу, Мэтту и мне предоставили одну койку. Они гордились, что мы были здесь.

Я взобрался на верхнюю койку и взглянул на присутствующих. Узнав о том, что я умею говорить по-испански, заключенные столпились вокруг меня, полные желаний поговорить. Худые, небритые, с темными впалыми глазами, недостающими зубами, в поношенной одежде - они были яркими представителями „тропического рая“. Что я мог им сказать?

- Как бы мне хотелось сбежать с вами! - воскликнул я. - Далеко ли отсюда до моря?

- Около трех миль на север, - сказал один из них.

- Неужели вы не знаете, что, совершив побег, вы всё равно не убежите от себя. С вами останутся ваши проблемы, ваши переживания и заботы. Я знаю Того, Кто дал мне настоящую свободу.

Я остановился, ожидая реакции на свои слова. Все пристально смотрели на меня.

- Иисус Христос! Он делает меня свободным, - продолжал я, удаляя все грязное и низменное, что может сбить меня с пути.

Я не увидел ни одного презрительного выражения на их лицах. Многие плакали. Они столпились вокруг койки, напоминая крошечных рыбок, всплывших на поверхность воды с открытыми ртами в поисках пищи. Некоторые из них были настоящими скелетами. Я спустился с кровати и встал рядом с ними. Для выразительности стуча рукой себе в грудь, я заявил:

- Я такой же свободный, находясь здесь с вами прямо сейчас, как если бы я был на Майами Бич. Свобода, которую дает Иисус, никогда не может быть отнята у вас.

Они зашумели.

- Ты знаешь Библию? - спросил один из них.

- Прочти нам несколько слов из Библии, - попросил другой.

Я чувствовал себя смущенным. Боже, почему я не запомнил из Библии более того, чем знал?

Я начал:

- „Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное. Блаженны плачущие, ибо они утешатся.“

Я научил их евангельским гимнам, которые Офелия выучила в Коста-Рике:

- „Иисуса имя сладко мне. Покой и радость в Нем душе!“

Они вначале пели робко, затем немного громче. Некоторые зааплодировали.

Много раз ко мне подходил молодой человек лет восемнадцати, самый худой из присутствующих. Он просил рассказать ему больше об Иисусе.

- Все, что у меня есть в голове,- сказал он, - это марксизм, диалектический материализм и атеизм.

Я процитировал ему по-испански двадцать третий псалом и другие строфы о Божьей любви, а потом стал объяснять ему и другим, как легко разговаривать с Богом:

- Бог присутствует с нами в этой комнате прямо сейчас. Вам не нужны специальные слова. Говорите с Ним, как будто бы со своим другом. Его Сын, Иисус, передает ваши слова прямо Ему. Он любит вас.

Его лицо было бы еще радостнее, если бы он был сыт. Я отдал ему свой завтрак, состоящий из какой-то жидкости, напоминающей молоко, которое не было большим пожертвованием с моей стороны, но было очень нужным для него.

Следующей ночью мы видели, как от астмы и истощения умирали в камере несколько человек. Их соседи по камере звали на помощь, однако это было бесполезно и позже тела умерших просто бесцеремонно выносили из камеры. А зачем было создавать суету, ведь согласно теории Маркса они были всего лишь материей?

Нам побрили головы, сняли отпечатки пальцев и выдали тюремную униформу. После трехмесячных допросов нас поместили в тюрьму. Ни адвоката, ни суда, ни писем. Я вспомнил, как рассмеялся капитан Сантос, когда я спросил у него о международном праве.

- Это Куба! Куба! Мы - это закон! И никакого международного права мы не признаем!

Перемещаясь из здания №3 в здание №1, мы покинули launcheros. Я встретился с ними снова при трагических обстоятельствах. Рядом с тюрьмой мы увидели завод, где изготавливаются стальные и бетонные формы для тюрем. Здесь работают заключенные по принципу вечного двигателя: чем больше рабов, чтобы строить, тем больше тюрем для рабов. Мы видели огромные новые тюремные комплексы, сооруженные на холмах вокруг нас. Длинный завод можно было увидеть слева от тюрьмы. Ежедневно утром и вечером длинные серые линии измученных мужчин выстраивались напротив здания №1 и тянулись к заводу,

словно огромная серая сороконожка. Их бесчисленные двигающиеся ноги имели почти гипнотическое единообразие. Мы вошли в международное крыло и встретили там американцев, французов, африканцев, голландцев, колумбийцев и англичан. Некоторые из них попали сюда за уголовные преступления, у других были отобраны лодки или самолеты, третьи находились здесь за выражение взглядов, не совпадающих с государственными.

Я был впервые поражен чистотой и приятным видом тюрьмы с ее наружными баскетбольными площадками, центром для посетителей и больницей. Возможно, у этой системы были еще, в конце концов, некие гуманные тенденции. Так было снаружи. Внутри же здание напоминало тараканий город. Сотни огромных крыс неистово пронеслись внутри здания и за его пределами.

Семьсот случаев венерических заболеваний были обнаружены у заключенных при осмотре. Врачи и сами заключенные рассказали мне об этой эпидемии. Всемирная организация здравоохранения сообщила, что на Кубе отмечено только тридцать шесть случаев заболеваний. Доверчивые чиновники из других стран приветствовали Фиделя и его выдающиеся медицинские достижения, но никто не спросил, откуда ВОЗ получила эти цифры или кто предоставил их? Министр здравоохранения, а также министр образования, министр культуры и главнокомандующий армией на Кубе - Фидель Кастро.

В течение следующих месяцев мы узнали, что Комбинато дель Эсте - это „показательная тюрьма.“ Всем иностранным делегациям, желающим ознакомиться с тюремной системой Кубы, предоставляется возможность подъехать в красивых круизных автобусах к этой тюрьме, где заключенные в специальной униформе играют во дворе в баскетбол. Всем политическим заключенным и другим, которые считаются неблагонадежными, отказано в больничных визитах или перемещениях по территории тюрьмы, когда автобусы медленно едут мимо, и все это ради успешного шоу. Когда делегации уезжают, исчезает и баскетбольное шоу.

Однажды один журналист оказался на нашем этаже, но нам не разрешили поговорить с ним. За несколько часов до его прибытия распылили резкую смесь, чтобы убить клопов. В одной из книг Солженицын рассказывает анекдот о подобном визите Элеоноры Рузвельт в образцовую советскую тюрьму. Обстоятельства и обман остались прежними.

Коммунисты убедились посредством тщательного изучения, что

большая часть Запада хочет верить в этот обман. Трудно верить в плохое и удобно принимать все хорошее. Поэтому они радостно приспособливаются к заботливо спланированной, искусно задуманной косметической маске. Утверждение: „Вы не можете дурачить всех людей все время“ применимо к постоянным жителям, но не к посетителям. С религиозными делегациями и экспертными группами, которые посещают Кубу, обходятся так же, как и в нашем „инциденте с манго“, только в более изощренном варианте.

В первый день встречи с американцами мы познакомились с Гленом Акамом. Самолет Глена разбился на Кубе два года тому назад. Я был очень взволнован, узнав, что у него есть некоторая христианская литература и с нетерпением начал ее читать, поднося близко к лицу. „Когда же у меня будут новые очки?“ - подумал я. Когда у кубинцев находили христианскую литературу, ее немедленно конфисковывали. Нам же, иностранцам, разрешалось немного почитать. Когда я с радостью и наслаждением прочитал все религиозные буклеты и брошюры, то понял, что значит отсутствие этой духовной пищи.

Мы узнали, что некоторые кубинские христиане и политические заключенные живут на четвертом этаже. Однажды утром я слышал, как они пели: тридцать или сорок сильных мужских голосов заполнили убогую тюремную атмосферу. Они пели о победе, о любви, о надежде, об Иисусе. Мне очень хотелось пойти на четвертый этаж, ведь мои братья были там. Моя семья. Я слышал, что среди верующих там был пастор.

На лестничной клетке Мэл и я услышали голос Эверетта Джексона, американца, который находился наверху вместе с другими заключенными.

- Эй, летчики, ребята здесь, наверху, очень хотят познакомиться с вами,- пронзительно закричал Эверетт, обращаясь к нам.

Мы удивились: откуда они знают, кто мы такие. Казалось, что они знают все о нашей литературе и наших полетах.

Здесь был лифт, доставлявший еду наверх, на этажи, и увозивший вниз отходы. Я зашел в него, пытаюсь не скользить по жирной грязи. Рабочие закрыли решетку, едва я присел на корточки, прячась за бочки. Лифт с грохотом и скрипом пополз вверх, чтобы остановиться на четвертом этаже.

- Это американец! - воскликнул один из рабочих, помогая мне выбраться наружу.

Всю работу выполняли заключенные.

- Стой здесь!

Пока он высматривал нет ли охраны, я прижался к стене.

- Но больше ты не должен так подниматься! - прошептал он.

- Почему? - спросил я.

- Трос дважды обрывался, тебя может убить! Когда придет время следующего визита, мы найдем способ, как доставить тебя.

Я оглянулся и посмотрел, как скрипящий лифт двигался вниз по длинной шахте.

- Вы не знаете, где находится камера пастора Ноубла? - спросил я.

Они заулыбались. Лара, Тони, Луис, Леон... Все они были вместе с Ноублом в тюрьме на протяжении почти двадцати лет. Да, они знали, где его найти.

Везде и всегда были надзиратели, но с помощью разных уловок заключенных, которые находились на определенных участках работы, я мог обычно перемещаться повсюду. Я молился, когда проходил мимо условных контрольных точек до тех пор, пока не встречал моего брата - мускулистого, небольшого роста, чернокожего, с улыбкой, как солнечный свет, преподобного Александра Ноубла. Его заключили в тюрьму за проповедование в Матансасе первородного греха. Коммунисты обиделись на него за эту проповедь, заявляя, что из ее содержания следует, что они тоже грешники.

Ноубл - необычный пастор. У него руки, как сталь, и толстые пальцы, но он может сшить рубашку из простыни со стежками такими изящными, что они практически незаметны. На его спине остались зарубцованные следы от пуль и обломков бетона. Когда он содержался в тюрьме La Sabana, у него был определенный круг единомышленников, с которыми они вместе молились. Однажды к ним ворвалась охрана. Даже после выстрела она продолжали молиться.

- Один из нас не выдержал и убежал, - рассказывал Ноубл, - но потом вернулся. Они били и били нас. - Он говорил с улыбкой, словно получал удовольствие от своих слов. Так я узнал, что спина Ноубла могла быть в рубцах, но душа - нет. Он отдавал половину своей еды пожилым и слабым заключенным.

- Почему вы нас называли „летчиками“? Как вы узнали о нашей литературе?- спросил я однажды у пастора.

- Мы читаем ваши брошюры, - объяснил он радостно. - В начале июня некоторые из них были переданы нам в тюрьму. Мы все прочитали их.

Первая неделя июня - это всего лишь несколько дней после аварии в Манзанилло. Литература была сброшена в провинции Камаргуэй, которая расположена на расстоянии более двухсот миль от тюрьмы.

Если литература тайно попала в тюрьму, которая находится так далеко, то ее получили в городах и селах, над которыми мы сбрасывали брошюры. Мы многое узнали. Мы были на Кубе, чтобы узнать об этом. Мы были в Божьей школе.

Ноубл научил меня многому, но не при помощи слов, а примером самопожертвования. Восемнадцатилетнее пребывание в тюрьме стало для него и других христиан богатой и вознаграждающей школой страданий. Апостол Павел говорит в Послании к Филиппийцам 3:10 об „участии в страданиях Его“.

Страдание, мука, боль и гнет среди братьев по вере - это курсы, которые никогда не преподаются в школах богословия. Бог сам ведет эти занятия, любезно приглашая нас посещать их и никогда не принуждая. Когда мы избегаем их, то теряем бесценное общение и получаем дешевую, удобную замену.

Американские официальные круги в Гаване узнали, что нас содержат в тюрьме Комбинадо дэль Эсте. Они обратились к кубинскому правительству с просьбой разрешить посещения.

В сентябре меня посетили родители. Мама привезла мне очки, даже не зная об этой моей нужде, но догадываясь об этом. И снова Святой Дух ускорил события. С Офелией и детьми все было прекрасно. Она была тихая, спокойная и полностью доверяла Богу. В течение месяца нас посещали различные представители Соединенных Штатов. Встречи продолжались не более двадцати минут каждая. Итак, люди узнали о нас. Более сотни официальных запросов было сделано о нас в Государственный Департамент США.

КОНТРРЕВОЛЮЦИОНЕР ОТ ХРИСТА

Наконец, 25 октября нас отправили в суд - пять месяцев спустя после аварии. Своеобразное представление о времени существует в юридической системе Кубы. По закону суд должен состояться не позже 180 дней пребывания заключенного в тюремной камере. Мы встретили здесь американцев и сотни кубинцев, которые ожидали дня суда в течение многих лет.

Нас поместили в тюремную машину, доставили в деловую часть Гаваны, а затем - в зал суда. Меня преследовала мысль, что, будучи в телевизионной студии, я испытал минутную слабость. Теперь настало новое испытание. Может ли христианин быть верующим и „чувствовать“ страх? Поль Турниер писал: „Опасная жизнь не освобождает от страха, а наоборот, если живешь, зная полностью все виды страха, то можно двигаться вперед, несмотря на страх“.

Смогу ли я пройти это испытание? Когда нас усадили на длинную скамью напротив зала суда, я почувствовал прилив сил. Не думая о последствиях, я решил говорить смело те слова, которые пошлет мне Бог.

Женщина-адвокат, которую мы не видели раньше, подошла к капитану Сантосу и поправила его галстук.

- Антонио! Как поживаешь? Ты прекрасно выглядишь! - радостно приветствовала она его.

За нашими спинами стоял конвоир, держа в руках советский автомат. Я не был слишком удивлен ситуацией. Многие мои друзья-христиане из Румынии, Болгарии и СССР описывали мне подобные суровые испытания.

Судебные процессы были спектаклем, предварительно спланированным органами госбезопасности.

Пятеро судей, одетых в черные мантии, вошли в зал. Мы сели и наш адвокат представила защиту. Затем нам были заданы традиционные вопросы: „ Сколько вам лет? Женаты ли? Есть ли у вас дети? Какая у вас профессия?“

Затем предоставили слово капитану Сантосу. Он вышел вперед и с торжествующим выражением на лице достал из карманов какие-то бумаги. Стоя напротив нас, он время от времени поворачивался, живо жестикулируя.

- Он причастен к проникновению в наше воздушное пространство на протяжении семи лет! - кричал Сантос, показывая рукой в мою сторону.

Ни разу не упоминая Христа или религию, он заявил, что мы летали, как „контрреволюционеры“.

- 1973 год... прибытие на катере... тысячи памфлетов...,- он высокопарно говорил и говорил без умолку. Конвоир, стоявший позади нас с автоматом, своими возгласами выражал удивление. Это было настоящее шоу для него, инсценировка, изображающая американцев, „угрожающих стабильности и безопасности государства“.

У меня было предчувствие, что Сантос был не участником, а дирижером судебного процесса, размахивающим идеологической дирижерской палочкой за своей спиной. Зал суда принадлежал ему. Судьи принадлежали ему. Он был в авангарде святой марксистской веры.

Сантос занял большую часть времени. Двое из пяти судей дремали. Казалось, что только один, сидящий в центре, действительно обращал внимание на происходившее. Теперь обвинитель хотел задать вопросы нам. Меня вызвали первым. Я подошел и встал напротив него вместе с переводчиком. Не обращая внимание на переводчика, большую часть отведенного мне времени я обменивался колкостями на испанском языке непосредственно с обвинителем.

- Литература, которую мы сбросили, не является попыткой свергнуть правительство, а знакомит с жизнью после смерти, - сказал я.

- Откуда вы знаете, что есть жизнь после смерти? - спросил он презрительно.

- Мы не можем ее видеть, но верим в нее; однажды мы все узнаем ответ.

Я посмотрел ему прямо в глаза, а затем добавил:

- И вы тоже!

Он поднял очки на лоб:

- Разве вам не понятно, что лишь вы, двое фанатиков в этом зале, верите в подобное?

- Нет, - парировал я. - В этом зале многие верят в это, как и мы.

С притворным удивлением он оглядел зал, разыскивая таковых.

- Святые и ангелы есть в этом зале, Бог здесь. Здесь много свидетелей, - настаивал я на своем.

Наш адвокат казалась нервной и печальной. Она теребила что-то в руке, опустив голову, не осмеливаясь поднять глаза. Мне было жаль ее.

- Кто такой святой? Я никогда не видел ни одного, - продолжал обвинитель с иронией, надеясь застать меня врасплох.

- Вы видите одного из них, - сказал я.

Он разинул рот и откинулся на спинку стула.

- Понимаете, - продолжал я, - когда человек верит в Иисуса Христа, Библия называет его святым.

Во время дискуссии я заметил, что он держит в руке одну из тех брошюр, которые мы обрасывали. Ни у кого из судей не было ни одного экземпляра такой литературы. Не было ее и у нашего адвоката. Все еще надеясь на то, что в этой надуманной церемонии найдется хотя бы островок справедливости, я попытался взглянуть на эту улику. У него в руках была ксерокопия нашей брошюры, Он мог только разглядеть картинку и прочесть заглавие, остальные же буквы были слишком мелкими. Их атеистические ухищрения были таковы, что они побоялись предоставить хотя бы одно доказательство нашего „преступления“ судебным чиновникам.

- Какое задание выполняли вы, будучи во Вьетнаме?- экзаменовал Мэла обвинитель.

- Я был летчиком-испытателем вертолета, - ответил он через переводчика.

- Но мы установили, что вы были летчиком-инструктором, обучали других идти в бой и убивать, - торжествуя продолжал Сантос.

Я поднялся со скамьи подсудимых.

- Это ложь. Его не обучали убивать! - закричал я сердито, но меня заставили замолчать.

Позже Мэл рассказал мне, что название „летчик-инструктор“ было ошибочно введено в компьютер Пентагона в Вашингтоне. Но он напрасно пытался уточнить это обстоятельство. „Каким образом комму-

нистический суд Гаваны мог узнать, что его фамилия была внесена в компьютер Пентагона с припиской „летчик-инструктор“? Эта мысль часто не давала мне покоя.

- Почему вы отправились в эту поездку? Вам много заплатили? - сердито требовал ответа Сантос.

- Бог послал меня в эту поездку, - спокойным голосом отвечал Мэл.

- Бог? - цинично улыбнулся обвинитель. Капитан Сантос снова разразился бранью в адрес Мэла. - Ты тоже фанатик!

В течение следующих нескольких минут обвинитель пронзительно кричал об агрессии во Вьетнаме и Чили, о ЦРУ. Перед тем, как мы покинули зал заседаний, нас спросили, знаем ли мы, за что нас судят.

Эд Беффел из Государственного Департамента США присутствовал здесь, делая какие-то записи в своем блокноте. Мы не знали о его присутствии и нам не позволили с ним встретиться. Позже он сказал Мэлу, что это событие напомнило ему мартышкин суд в том смысле, что это было судебное разбирательство, предметом которого были вера и различия в убеждениях.

Обвинитель первоначально требовал лишить нас свободы в соответствии с законом 1262 Кодекса социальной защиты 1974 г., который гласит: „ За осуществление устной или письменной пропаганды против социалистического порядка, международной солидарности или революционного государства обвиняемый лишается свободы на срок от трех до двенадцати лет“. Другими словами, если вы напишете или скажете что-нибудь, не соответствующее высказываниям Фиделя, то вам грозит тюрьма.

Согласно другому разделу Кодекса: „За распространение ложных сообщений или злонамеренных прогнозов, которые могут вызвать тревогу или недовольство у населения“, обвиняемый лишается свободы на срок от одного до четырех лет и от шести до пятнадцати лет, если это сообщение опубликовано в средствах массовой информации. В соответствии с их собственным законом, даже если они неправильно истолковывают предназначение нашей христианской литературы, мы можем получить максимум пятнадцать лет.

Нам дали по двадцать четыре года. В приговоре, который был передан нам в виде письменного уведомления в тюрьму, трибунал решил применить закон 425 от 1959 года, относящийся к контр-революционной деятельности. В соответствии с законом срок приговора колеблется от двадцати лет до высшей меры наказания. Таким

образом, нас приговорили к двадцати годам тюремного заключения за „контрреволюционную деятельность“ плюс четыре года за незаконный въезд. Хотя наш перелет был законным, ужасная авария на кубинском побережье не принималась во внимание.

Мы стояли в одном из кабинетов на первом этаже тюрьмы, рассматривая длинные листы многочисленных юридических документов, подшитых в нескольких папках.

„Два с половиной десятилетия тюрьмы! Будет ли Бог беречь меня так долго в столь прекрасной школе?“ - думал я.

Мы вернулись наверх и рассказали все нашим друзьям-христианам. Они обнимали нас и утешали, как могли.

Позже, на конференции в тюрьме с Вейном Смисом, главой секции интересов Соединенных Штатов на Кубе, мы услышали, что наши судебные дела обошли все правовые инстанции и сейчас переданы в Совет Министров. Он состоит из Фиделя Кастро, его брата Рауля и двух или трех их сторонников.

- Совет сообщил мне,- сказал Смис, - что вас задержали на Кубе при необычных обстоятельствах.

Это было неудивительно. Во время пребывания в тюрьме мы встретили многих, попавших сюда при тех же самых „обстоятельствах“. Необычное стало обычным. Законы на Кубе - это только часть коммунистического обмана и лжи. Решение секретной службы - вот где закон. Согласно новой кубинской Конституции 1976 г., судебный процесс должен был состояться в течение двадцати дней после нашего ареста. В соответствии с кубинскими международными соглашениями, заключенные, находящиеся в тюрьме, не могут быть подвергнуты унижительному обхождению. Размышляя над этим, я не могу забыть тот день, когда меня поместили в туалет с мешком на голове.

Некоторые доказывают, что кубинская Конституция гарантирует религиозную свободу. Если провести глубокое расследование, то можно найти много ловушек, доказывающих, что она постоянно нарушается. Например, в статье 61 Конституции сказано: „Ни одна из свобод, признанная необходимой для граждан, не может быть осуществлена вопреки тому, что отражено в Конституции вопреки цели социалистического государства или вопреки решению кубинского народа строить социализм и коммунизм.“

Статья 54 Конституции, которая упоминает религиозную свободу, начинается словами: „Социалистическое государство основывает свою деятельность и воспитывает людей в научном материалистическом

понимании Вселенной". Таким образом, моя дискуссия с обвинителем была бессмысленной.

Нас вернули в Комбинадо, чтобы мы наслаждались тюремной „устной библиотекой.“ Как в древности, так и среди малообразованных людей, когда печатная литература недоступна, богатой почвой для изучения служит человеческий опыт, свидетельства и память. Рудольфо Кампс, находящийся в тюрьме десять лет, рассказал мне о его возвращении на Кубу ночью на лодке с гоночным велосипедом на борту. Руди отправился в Гавану, чтобы забрать свою невесту. Он был арестован и провел многие годы в трудовых лагерях и тюрьмах.

Из лагеря Тако его послали вместе с другими заключенными на уборку сахарного тростника. Однажды большой бык случайно забрел в круг заключенных. Животное было моментально разрублено на куски, а сырое мясо спрятано под рубашками заключенных. Позже кости закопали, чтобы замести следы.

Мне рассказали также о бытовавшей на Кубе шутке, касающейся еды: Фидель Кастро послал однажды своего агента на Майами, чтобы тот посмотрел, как питаются американцы. Он остановился на неделю в дорогой гостинице.

- Вы были правы, командующий, - доложил он радостно по возвращении. - Ситуация там ужасная! Я зашел в их самый лучший ресторан и заказал маисовую кашу. Но ее не было. Тогда я попросил официанта принести мне русскую котлету. Ее тоже не оказалось.

- Хорошо, - сказал я. - Есть ли у вас в таком случае хотя бы гороховый суп?

- Извините, нет, - последовал ответ.

Рассердившись, я спросил ее раздраженно:

- Тогда что же у вас есть на обед?

Показывая мне меню, она указала на омара, бифштекс и курицу. Это было невероятно! Тогда я сказал ей:

- О! Вы люди, отставшие от жизни! Мы ели это на Кубе двадцать лет назад.

Большинство омаров и другие подобные деликатесы, выловленные советско-кубинскими рыболовецкими судами, проходят переработку в открытом море и никогда не достигают острова. Самые лучшие грейпфруты и большинство манго отправляются в Канаду.

Спокойный пожилой джентельмен с белоснежными волосами был представлен мне как Андрес Варгас Гомес. Это был внук Максимо Гомеса, героя национально-освободительной борьбы. Андрес читал кни-

гу Томаса Кемписа „Подобные Христу“. Писатель и адвокат, он находился в тюрьме более двадцати лет. Андресу было 65 лет, у него была только одна почка, астма и другие проблемы со здоровьем. Но, несмотря на все это, много раз, когда я был болен, он посылал мне несколько яиц, которые ему удавалось достать.

В течение семнадцати месяцев, проведенных с ним, я никогда не видел сердитого или злого выражения на его лице и никогда не слышал ненависти в его голосе. Он был нежным, чувствительным мужчиной, который жил в постоянном ожидании встречи с Христом. В одной из камер тюрьмы он проводил, когда это возможно, католическую службу. Ноубл проводил протестанские собрания.

Более тридцати или сорока мужчин, которые в состоянии втиснуться в комнату, посещали оба служения. Любовь к Христу и жажда духовной пищи в этом голодном окружении объединяли людей, несмотря на сильные конфессиональные различия.

По воскресеньям мне удавалось проникнуть на их собрания. Я обратил внимание, что в Евангелие от Иоанна 8:59 написано, как Иисус должен был скрываться в разгар преследований. Он проделывал это много раз, стремясь исполнить свое служение. Живущий в сердцах христиан всего мира, Он все еще помогает им скрываться, когда это необходимо.

Когда я помогал однажды Ноублу готовить „кафедру,“ один из конвоиров по имени Педро ворвался в камеру, разыскивая меня. Он заметил, как я прошел. Мужчины быстро поместили меня на верхнюю койку и чем-то накрыли. Среди шестидесяти пяти заключенных, многие из которых были пожилыми, больными и парализованными, я лежал, с головой закрытый одеялом.

- Где он? Где американец? - вскипел от злости Педро. - Я знаю, что он здесь.

Мужчины хотели что-то объяснить ему, стараясь перевести все в шутку.

Все заключенные были, как единое целое, одна семья. Педро стремительно вышел, не подозревая, что его рука покоилась на моей кровати, когда он оглядывал комнату. И снова Иисус смог спрятать меня и я был счастлив, что Он защитил меня таким удивительным способом.

Пастор терпеливо задрапировывал простынь, старательно расправляя и приглаживая ее. Его спокойные, терпеливые движения в эти минуты говорили мне больше, чем тысячи проповедей. Он был,

наконец, тайно посвящен в духовный сан священниками, приходящими „навестить“ других членов семьи. Они быстро собрались в большом зале для посещений, вне поля зрения охранников, и молились, держа руки над Ноублом. Это напоминало мне тайное посвящение Давида Самуилом в Первой книге Царств, глава 16. Мужчины стояли вокруг стен. Их сборники церковных гимнов были переписаны на бумаге от сигарет при помощи ручки двадцатилетней давности и самодельного чернила.

Прекрасные строки и письма были нежными произведениями искусства- любовными письмами к Богу. Это был почерк Ноубла. Он провел сотни часов, переписывая гимны и поэмы. Это все было впоследствии конфисковано. Но если слова исходят от вашего сердца, то ваши сокровища находятся в безопасном месте.

Пение началось, множество голосов изливали мощные волны любви и торжества. Поразительный звук переливался надо мной. Мои глаза наполнились слезами. Я стоял в кругу любви и сострадания. Это сообщество людей напоминало маленький огонек среди отвратительного мрака. На лицах этих мужчин и в их голосах чувствовались сила и непоколебимость. Все увиденное произвело на меня большое впечатление. Я увидел шрамы от мачете на их руках. У одних из них были проблемы с сердцем, другие были калеками. Они не располагали материальными богатствами. Однако они имели все.

Проповедовал Ноубл, одетый в специальную чистую белую рубашку, которую он сшил из простыни. Тихим, спокойным голосом, всегда сияющий улыбкой, он говорил об Иисусе - Князе мира, Иисусе Спасителе, Царе. Мужчины предложили помолиться, прося помощи своим семьям, своему острову. Некоторые из них просили помолиться об их нуждах. Они склонили головы и молились за свободный мир, за Америку, за Европу, за коммунистов.

Дельгадо и Прадо, оба с тяжелыми заболеваниями сердца, всегда стояли вместе. Маленький Прадо крепко обнимал меня всякий раз, когда мы встречались. Он улыбался и говорил:

- Скоро мы поедем вместе на Майами.

Как и многие из нас, он был заключен в тюрьму на двадцать лет. Когда-то они (Дельгадо и Прадо) получили благодарственные письма от самого Президента Трумэна за отличную службу в ВМС США. Однажды старший конвоир нашего этажа, лейтенант Калзада, был на дежурстве во время церковной службы. Как-то он хвастался, что убивал женщин и детей в Анголе, чтобы таким образом содейство-

вать революции. Застав нас врасплох во время служения, он потребовал, чтобы служба была немедленно прекращена. Один из христиан быстро вытянул кубинскую коммунистическую газету „Гранма“ и показал ему ее страницу. Многие рубрики этой газеты были рассчитаны на зарубежного читателя.

- Посмотри на это фото, - сказал верующий. - Здесь сказано, что существует свобода религий на Кубе. Так почему вы идете против того, что говорит партийная газета?

Религиозная статья была ответом на письмо адресата, проживающего на островах Карибского бассейна, который сомневался в существовании религиозной свободы на Кубе.

„Гранма“ - такой богатый источник измышлений и лжи, что в связи с этим появился анекдот: „Французский император Наполеон после печального поражения под Ватерлоо провел встречу с современными мировыми лидерами. Обратившись к Брежневу, он сказал:

- Если бы у меня была ваша могучая Красная Армия, я бы смог разбить англичан.

- Да, - ответил русский лидер. - Это действительно так.

Затем Наполеон обратился к президенту Картеру:

- Если бы у меня были ваши ракеты, победа под Ватерлоо была бы за мной.

Картер согласился.

Затем, обращаясь к Фиделю Кастро, Наполеон улыбнулся:

- Фидель, если бы мир читал только вашу газету „Гранма“, то он никогда бы не узнал, что я проиграл сражение под Ватерлоо“.

Газетная ложь заманила Калзада в ловушку. Он ушел, но вскоре вернулся и конфисковал все сборники песнопений и другие религиозные издания. Сотни часов переписывания вручную были потеряны зря. Но Бог ценит нашу любовь и усилия. Я смог присоединиться к Ноублу на несколько часов и помог ему переписать их слово в слово, строка за строкой, стихотворение за стихотворением. Старые гимны, которые я пел на протяжении многих лет, начали приобретать новый смысл. Их слова еще глубже запечатлелись в моем сердце.

Люди интересовались, сколько христиан на Кубе заключено в тюрьму. Только в одном крыле моего здания я знал одиннадцать верующих, принадлежавших к различным конфессиям, и около сорока заключенных, которые не отрицали Иисуса. В Комбинадо дель Эсте существовало двадцать четыре подобных крыла. Комбинадо вмещает семь тысяч заключенных или более того. На Кубе от сорока до

пятидесяти подобных учреждений, где содержится от 300000 до 450000 человек, что составляет пять процентов от общего населения. Из-за того, что осужденные за веру содержатся вместе с преступниками, невозможно точно узнать, сколько всего таких заключенных.

Мэл и я чувствовали себя среди кубинцев, как дома. Мэл испытывал некоторые затруднения из-за незнания испанского, но начал изучать язык с майором Монтеро Дуку, а Варгас Гомес помогал мне. Мэл и я могли говорить только на непродолжительных служениях. Мы ведь тоже начали организовывать наши собственные служения в международном крыле. Когда камеры открывались на пятнадцать минут, африканцы из Танзании и Заира, колумбиец, боливец, представитель Ямайки, несколько американцев и другие заключенные навещали нашу маленькую камеру, чтобы спеть, помолиться и услышать о Господе. Гленн Акам помогал переписывать гимны и читать Библию, Мэл часто делился своими свидетельствами, а потом мы обменивались мыслями. Цитаты из Библии являлись для нас спасительным средством, Святой Дух использовал их для нашего врачевания и придания нам силы.

Мы думали, что тюремные служащие не обращают особого внимания на то, что происходит, но однажды лейтенант Карлос, проходя мимо моей камеры, заглянул внутрь и сказал:

- Ну, Томас, до сих пор не расстанешься со своим Новым Заветом, а?

У Гленна вскоре конфисковали большую часть его религиозных брошюр, но разрешили нам сохранить наши Библии, тайно доставленные ранее. Отдельные листочки Библии были спрятаны между страницами газет в период ослабления бдительности нашей охраны. Кубинцам в этом не повезло, и они были лишены возможности читать Библию.

Одного христианина-боливиийца вызвали однажды на свидание с отцом - коммунистом, живущим в Никарагуа. Лейтенант Карлос сказал, увидев их:

- Если ты будешь и впредь посещать религиозные собрания, то проведешь здесь весь свой двенадцатилетний срок. Если же ты станешь революционером, мы разрешим тебе выйти из тюрьмы в течение года. Любая религия представляла для коммунистов политико-экономическую опасность. Ленин говорил: „Коммунизм без атеизма бессмыслен“. Экономика коммунистического государства зависит от массового, согласованного повиновения. Марксистский материализм - атеистический бог- направляет в нужное русло массы при

наличии одной цели - выполнения текущего экономического плана без вмешательства в поиски души. У них нет личности, а существует только огромное объединение людей под названием коллектив. Ленин знал, что сосуществование марксистского бога и Господа невозможно.

Молодой боливийский брат сражался вместе с Че Гевара, аргентинским мятежником. Затем его семья переехала на Кубу, где он поступил в университет и узнал о „подлинной революции“: специальных магазинах только для членов коммунистической партии и иностранных туристов, о двухпроцентной элитной иерархии полиции и чиновников, которые жили во много раз лучше, чем остальное население. Видя различие в жизненном уровне, он упомянул об этом на занятии. Теперь он узнал, что только среди заключенных существует равенство и во многих отношениях больше свободы. Здесь он мог говорить открыто. За пределами тюрьмы он этого не мог.

Когда наш боливийский брат не смог открыто посещать службу, он продолжал читать стихи из Библии, переписанные от руки. Я молился, чтобы Бог сделал его более сильным в этом конфликте. Как и во многих других подобных случаях, его семья стала враждебно относиться к нему. Иисус предсказал подобную ситуацию в Евангелии от Матфея 10:36 : „И враги человеку - домашние его.“

То же самое относилось и к Исидоро, кубинскому юноше по прозвищу „карлик“ - это из-за его маленького роста. Он, бывало, подбегал ко мне, обнимал и начинал повторять Божью молитву, которую пытался выучить по-английски.

- Эй, господин верующий,- обращался он ко мне. - Когда я выйду отсюда, я приду в вашу церковь.

У Исидоро были шрамы на спине от побоев автомобильным ремнем, учиненными охраной. Отец юноши, коммунист, никогда не навещал его.

Во время прогулки по большому бетонному внутреннему дворику (три часа в неделю) я встретил другого кубинского пастора - Педро де Армаса. Педро был пресвитером адвентистов седьмого дня в восточной Кубе. Пришло время их ежегодного съезда. Государство не хотело, чтобы Педро был главным проповедником, потому что его церковь росла, несмотря на запрет.

Были украдены счета с мебельной фабрики, где работал Педро, и его обвинили в растрате. Он был в ужасе от того, что его заключили в тюрьму на шесть месяцев в период работы съезда. Официально на Кубе не существует инакомыслящих, поэтому Педро

содержали в камере вместе с убийцами, ворами, сифилитиками и гомосексуалистами.

Прогуливаясь во внутреннем двореке, я выкрикивал ему слова ободрения, когда видел его в окне камеры. Этот седовласый шестидесятилетний мужчина с толстыми очками выглядел наружу всегда с улыбкой на лице и старался быстро сказать мне что-нибудь, прежде чем появлялся надсмотрщик. Преступники временами обращались с ним более жестоко, чем охрана.

После шести месяцев пребывания в тюрьме состоялся суд, и Педро был признан невиновным. Какая чудесная система справедливости! Конечно же, его освобождение совпало со временем окончания работы их съезда. Эти „совпадения“ случаются с людьми всех вероисповеданий, как с католиками, так и с протестантами. Когда религиозные группы и группы по правам человека изучают подобные случаи, кубинские правительственные чиновники заявляют им, что христиан в тюрьме нет. Ложь состоит в том, что всех просто помещают туда якобы за „гражданские нарушения“, которые никогда не расследуются. Вот другой тип „гражданского нарушения“: кубинские граждане должны отказаться от соблюдения святых дней, когда они совпадают с работой или патриотическими праздниками. Церемония торжества, посвященного победе у залива Пигс: *La Semana de Giron* длится ровно неделю и по закону превосходит празднование Пасхи - недели триумфального начала, смерти и воскресения Иисуса Христа.

Совпадение этих дат обеспечивает прямое преследование христиан с целью удержать их от чествования или воспоминаний о Господе.

Каковы „гражданские“ последствия этой духовной войны? Родители, которые принимают решение держать своих детей дома, чтобы соблюдать религиозные праздники, могут быть подвержены тюремному заключению от трех до девяти месяцев в соответствии с двумя отдельными пунктами статьи 247 (нарушение свободы вероисповедания) и статьей 365 (действия, направленные против нормального развития несовершеннолетних, в том числе побуждение их к отказу от получения образования). Статья 365 звучит безобидно, даже благотворно. Но этот и другие законы переплетаются, и власти, злоупотребляя ими, расставляют ловушки для верующих. Каждая в отдельности из этих статей, как их представляют иностранным туристам и религиозным наблюдателям, безобидна, но для христиан, живущих в этой стране, они составляют взрывоопасную смесь.

Я спрашивал у многих, каким образом церковь проводит евангелизацию и устанавливает контакты со многими людьми, коль существует так много форм изощенного преследования за веру? Тут я узнал кое-что о кубинских женщинах. В отличие от них мужчины на Кубе должны постоянно находиться на работе, либо иметь медицинскую справку об освобождении, иначе им не избежать тюрьмы за уклонение от своего „права“ работать. При этом некоторые женщины имеют больше свободы. Они - апостолы наших дней - ходят в другие провинции, чтобы навестить родственников и при этом не упускают возможности поговорить с ними о Боге.

На Кубе нет христианских книжных магазинов, христианского радио или телевизионных станций, нет фильмов или программ для детей, нет христианских туристических групп. В Деяниях святых апостолов 20:20 Павел упоминает, как он „учил всенародно и по домам“. Почему это было необходимо? Церковь при римских императорах испытала многое из того, что она терпит при коммунистическом режиме. Но зло распространено сегодня сильнее и шире.

В Евангелии от Матфея 10:21 говорится, что „восстанут дети на родителей и умертвят их“. На Кубе принято, что если женщины приходят к родственникам, чтобы засвидетельствовать о вере, дети при этом не присутствуют, если только родители до этого не проводили с ними беседы о Боге. Ребенка, носящего красный галстук юного пионера, учат докладывать о подозрительных встречах своему школьному учителю или члену КЗР (Комитет защиты революции), проживающему в каждом квартале.

Детей, которые принимают Христа и сообщают об этом в школе, отказываясь носить красный галстук, как правило, помещают в *ripito potestades*. Это государственные школы, где вдали от своих семей они изучают религию Маркса и Ленина вместо Божьего слова. Я не имею в виду период сталинизма. Речь идет о сегодняшних, восьмидесятих годах.

Ниже следует часть заявления, сделанного Первым Национальным Конгрессом по образованию и культуре в Гаване, 30 апреля 1971 года. В это время коммунисты были обеспокоены влиянием церкви на молодежь и на этом съезде они объявили политику „похищения детей“. Кажется, что эта политика в настоящее время вполне эффективна. Вот выдержка из заявления:

„...церковная новообращенческая деятельность среди детей и

церковная деятельность в спортивных организациях и социальных сферах подчеркивают тот факт, что наша работа неудовлетворительна и что огромные потенциальные ресурсы революции, которые могли бы быть использованы политическими, массовыми организациями и школами, не используются... следует придерживаться политики программирования сверхурочной работы, внимания к детям и молодежи, организации свободного времени и отдыха — это и будет конкретным решением этих проблем...”

Таким образом, церковь является проблемой. Государственные программы развлечений сейчас на Кубе в полном разгаре. Школьные пикники, спортивные события и загородные поездки - все перенесено на воскресенье. Действительно, в свободном обществе многие виды деятельности уводят слабых людей от прославления Господа. Но на Кубе - это обязательные школьные мероприятия, связанные с присутствием учителя, наличием списка учащихся и переключкой.

Если марксизм-ленинизм - это единственно правильная политико-экономическая система, почему тогда идет непрерывная агрессивная война против Бога? Это не система логики и закона, а пропитанная ненавистью фанатичная вера. В статье 54, § 3 кубинской Конституции сказано: „Противопоставление религиозных взглядов революционным убеждениям карается законом“.

Интересуясь отсутствием Библии и сборника христианских гимнов на Кубе, я спрашивал Ноубла и других заключенных об этой проблеме. Я также наводил справки об этом у кубинцев, посещавших тюрьмы. Информация, которую я собрал, напоминала истории, услышанные мной от румын, русских и болгар: „Мы пошли в типографию с заказом. Там сказали, что у них есть возможность выполнить такую работу, но мы должны получить на нее специальное разрешение. Мы ждали. Нам позвали и сказали, что, пожалуй, мы можем разместить заказ. Но печатники с грустью заметили, что теперь у них нет времени. Мы ждали. Когда же, наконец, у них появилось время, не стало бумаги - ее использовал кто-то другой.“ Все типографии управляются государством, коммунистической партией, служат только для избранных.

Множество бывших церковных школ сегодня преобразовано в коммунистические учебные центры, где преподается атеизм. Баптистской семинарии в Гаване - *Seminario Baptista Loma de Chaple* - разрешили по-прежнему функционировать. Здесь только семь студентов - это те, кто учится по рекомендации правительства.

Двух заключенных из Матансаса, которых держали здесь многие годы, перевели на наш этаж. Матансас находился рядом с маршрутом, который я предпринял с Джоном 7 декабря 1978 года. „Знали ли они что-либо о нас?“ - думал я. Идя в окружении четверых моих братьев-христиан на встречу с ними, я, издали увидев их, быстро пошел вперед. Мы встретились в конце коридора и обнялись.

Они рассказали мне о том, что на следующее утро после нашей операции по сбросу литературы, тысячи листовок были найдены пловцами, туристами и другими кубинцами на пляже Верадеро. Полиция направила несколько грузовиков рьяных молодых людей из внутренней службы безопасности, чтобы они обошли пляж и прилегающие поля и конфисковали весь материал. Это только привлекло больше внимания к необычному событию. И я был вновь рад услышать, что полиция подобрала несколько экземпляров литературы. Ведь они всегда читают найденные экземпляры, прежде чем передать остаток своему начальству.

Позже мы узнали, что нам не удалось охватить северный пляж, являвшийся нашей последней точкой, но мы оставили „хвост“, который был рассеян ветром по всему острову. Листовки были найдены и распространены среди кубинских фермеров. И снова прекрасное подтверждение! Школа Господа продолжала быть вознаграждающей и радостной, несмотря на физические трудности.

В течение этого месяца я начал получать сообщения из Камагуэй. Восемьдесят процентов семей, живших в зоне нашего сброса и посетивших тюрьму, либо имели экземпляр литературы в своих домах, либо знали, где ее можно найти. Работники ранчо обнаруживали ее на своих коровьих пастбищах. Крыши и улицы Сьего де Авила были покрыты нашим „тропическим снегопадом“. Кастро созвал специальный митинг в этом городе, пытаясь нейтрализовать результаты нашей деятельности. Несмотря ни на что, здесь также взорвались наши „ракеты любви“. Божье послание нанесло удар по террору в сердце коммунизма. Его Слово принесло надежду душам людей.

Мы с Мэлом радовались нашему успеху. Каждый мучительный момент нашего сурового испытания стоил этого.

КАРАУЛЬНЫЕ ВЫШКИ - НАШИ ЦЕРКОВНЫЕ ШПИЛИ

Атмосфера в тюрьме прямо зависела от политического климата за ее стенами, поэтому была нестабильной. Полиция в своих действиях основывается не на законе или инструкции, а на капризах и эмоциях Кастро.

Осенью 1979 года, когда мир узнал о присутствии советских войск на Кубе, для нас все виды связи с Соединенными Штатами были прерваны. Нам разрешили ежемесячные свидания с родственниками, но переписка была запрещена.

Нашу камеру №14 как-то ночью атаковали кубинские заключенные, в основном, гомосексуалисты. Вначале они обесточили камеру, затем бросили через решетки несколько стеклянных бутылок. А спустя некоторое время ворвались в дверь нашей камеры, пуская в ход стаканы и ножи, сделанные из столовых подносов. Быстрым движением Индио, кубинский политический заключенный, сильный и ловкий парень, переместил меня в темноте в безопасный угол камеры. Затем он поднял стол и бросил его в нападающих.

Ближе всех к двери стоял Мэл, но, к счастью, он не получил ни одной царапины. Столкнувшись с таким неожиданным сопротивлением, незваные гости бросились в темный коридор.

Во время этого события охрана не проявила никакого интереса к тому, что происходит, не попыталась помочь нам. Напротив, надзиратели исчезли из коридоров либо испугавшись опасности, либо кто-то приказал им не участвовать в этой стычке. Еще несколько недель между нами существовало состояние холодной войны. Многие заключенные вооружились ножами. Кубинцы из камеры №16 - политзаключенные - пришли нам на помощь. Они работали всю ночь, изготавливая оружие. Мы были вынуждены дверь нашей собственной камеры держать за-

крытой при помощи проволоки от вешалки, так как охрана не защищала нас.

Позже, в мае 1980 года, когда Кастро очистил тюрьмы и выдворил тысячи заключенных в Соединенные Штаты, никому из политических заключенных не разрешалось покидать страну. Вместо них были освобождены многие из нападавших на нас.

Смерть и наказание от рук охраны исходили так же часто, как и от заключенных. Однажды днем, в мае 1980 года, лейтенанты Калзада и Галон в присутствии других служащих тюрьмы зашли в бетонный внутренний дворик здания №2, чтобы „поговорить“ с восемнадцатью *launcheros*. В то время, как Кастро разрешил отпустить заключенных в Соединенные Штаты, никому из осужденных за попытку бежать с острова не разрешалось выезжать. Других, большей частью обычных преступников, заставляли покинуть страну под угрозой того, что они будут отбывать каждый день своего приговора за решеткой, если откажутся от этого. *Launcheros*, вполне справедливо полагая себя обманутыми, стремились обсудить этот вопрос. Калзада, Галон и другие пришли на „обсуждение“ со стальными тросами, ножами для рубки сахарного тростника, дубинками и поясами.

Они набросились на заключенных, размахивая своим орудием. Трое заключенных в результате столкновения погибли, несколько человек получили многочисленные травмы.

На этой же неделе американские заключенные слушали, как кубинское радио и телевидение ответило на выступление президента Джимми Картера, вице-президента Уолтера Мондейла и советника по национальной безопасности Збигнева Бжезинского непристойными высказываниями. Политическая карикатура Картера в коммунистической газете „Гранма“ изобразила его в пошлой позе. Многие другие карикатуры изображали американских чиновников среди мух и экскрементов.

Заключенные американцы выразили протест против этого, отказавшись от ужина. Через десять минут около шестидесяти конвоиров в противогазах вошли в сопровождении собак на этаж, держа дубинки, жезлы, штыки. Всех американцев отвели в камеры для наказаний, где они на протяжении пятнадцати дней спали в грязи на бетонном полу. Все убедились в том, что удар ножом или избиение могут стать реальностью.

В это время я находился в больнице на противоположной стороне улицы с Уолтером Кларком. Я смог посетить больницу, благодаря помощи знакомого заключенного - доктора Джорджа Торри-

енте, который некоторое время находился в служебном помещении больницы.

Я испытывал большую потерю веса, так как еда, которую мы получали, была очень скудной.

Рыба, которая поступала на наш этаж, выглядела так, как будто она была частью доисторического экспоната. Мы узнали, что она поступила на кухню из Советского Союза замороженной - это был улов 1971 года, т.е. девятилетней давности. Рис, доставленный из Китая, содержал так много мелких камешков, что его ели с большой опаской для здоровья. Из-за этого Гленну не повезло: он повредил себе не один зуб. Маисовая каша, гороховый суп и протухшая советская говядина были старыми, испорченными продуктами. Мы редко видели мясо и только за две недели до нашего освобождения стали получать его ежедневно.

В больнице я узнал о заключенном по имени Армандо Вальмадарес. Армандо - поэт, которого держали в тюрьме двадцать лет, из них семь лет - в инвалидной коляске. За весь период пребывания в заключении ему ни разу не разрешили увидеть свою жену Марту. Его любовь к Богу и человеку заразительны, его радость и интерес к жизни - невероятны. Хотя он страдал астмой, гипертонией и параличом, Армандо - это такой источник песен, шуток, историй и молитв, что многие из больничных служащих и даже охраны старались навещать его, хотя это было запрещено. Его фото находилось под стеклом на столе у начальника охраны, предостерегая каждого, что это опасный контрреволюционный агент. Опасный агент в инвалидной коляске.

Во время свидания с Армандо в больнице я должен был смотреть на него через два дополнительных ряда решеток, ведущих в отдельную комнату, где агенты тайной полиции содержали „злейшего“ преступника. Лечебное оборудование, подаренное заинтересованными организациями Запада для его лечения, было свалено в угол комнаты, словно куча ненужного хлама. Его поэзия о страдании, любви, Боге и человеческом духе делали его живой бомбой для правительства Кастро. Он не соответствовал типичной марксистской модели.

Я нашел родственную душу в Армандо, который проявил любовь к Богу, красоте, человеку и ненависть к атеистическому яду. Он рассказал мне о своем пребывании в огромной тюрьме на острове Пинос. Туристам сегодня показывают пять больших круглых зданий и рассказывают, что все они принадлежали Батиста. Однако при режиме

Кастро кубинцев здесь было больше, чем в любое другое время. Голод был невероятный. В гневе и отчаянии Армандо откусил голову змеи, которую нашел в сахарном тростнике.

У начальника тюрьмы был ручной поросенок, который бродил между пятью вышками, копаясь в земле в поисках еды. Однажды днем заключенные опустили ловушку через решетчатые окна третьего этажа и поросенок, визжа от удивления, был быстро поднят на сорок футов в воздух. Он был слишком велик, чтобы пройти через металлическую решетку, поэтому был зарезан за окном. Куски свинины втащили внутрь, приготовили и съели так быстро, что когда через пятнадцать минут прибыла охрана, от поросенка остался только запах.

Вскоре я узнал о смерти почтенного Альфреда Ромеро, кубинского пастора и выпускника Западноиндийского библейского института. Ромеро умер в своей камере от бруцеллеза после шести лет содержания под стражей в тюрьме Эль Принсипе в Гаване. Другого библейского проповедника Герардо Гонсалеса Альвареса его друзья-заключенные называли „братом по вере“. Будучи религиозным человеком, он был замучен 1 сентября 1975 года во время позорной резни в тюрьме Бониато. Позже Армандо тайно вывез его свидетельство за пределы Кубы. Здесь приводится его перевод, сделанный Армандо.

БРАТ ПО ВЕРЕ

В ту субботу тысячи заключенных, окруженные ружьями и штыками, прибывали из принудительных трудовых лагерей, образуя плотные ряды голодных, потных и усталых людей. Все они были грязные, некоторые босые и полураздетые. Их плечи были опущены, спины согнуты, как будто они несли на себе груз горечи и страданий.

Грязные улицы и дороги, которые вели в тюрьму на острове Пинос, а также те, что были внутри тюрьмы, окруженные высоким проволочным забором, заполнились длинными колоннами мужчин, только что закончивших изнурительное путешествие через кишящие москитами болота, каменоломни и цитрусовые плантации, политые их кровью. Более шести тысяч политических заключенных поместили в этот гигантский концентрационный лагерь. Некоторые из них уже зашли в здание, остальные заключенные, истощенные и утомленные, медленно двигались по направлению к нему. Были слышны окрики начальников секций, призывающих поторапливаться. Такие возгласы, жалобы и стоны были слышны ежедневно, из месяца в месяц, год за годом. Охрана била штыками и дубинками тех, кто возглавлял шествие и затем строй двигался немного быстрее. Заключенные блока №26 медленно продвигались вниз по дороге, шедшей параллельно нашему зданию. Они были совершенно обессилены, поэтому едва передвигали ногами.

Охрана требовала ускорить движение, угрожая штыками. Заключенные старались подчиниться, но охрана требовала двигаться еще быстрее и начала избивать отставших.

- Поторопитесь, сволочи! - кричали конвоиры, давая волю своей ярости и трусливому малодушию. Ножи для рубки сахарного тростника и штыки с хлопающим звуком опускались на спины заключенных. В строю ощущалось смятение и беспокойство. Охрана накинулась на

узников и стала бить их с яростью и жестокостью. Некоторые из заключенных, делая сверхчеловеческие усилия, уклонялись от побоев. Внезапно, когда одного из заключенных ударили по спине мачете, тот поднял руки и глаза к Богу и воскликнул: „Прости их, Господи, за то, что они не знают, что делают“.

Он воскликнул эти слова так, как будто спина, на которую снова и снова опускался мачете, распарывая кожу, была не его. Ясные глаза брата по вере заблестели, его руки потянулись к Богу, умоляя о прощении своим мученикам. В тот момент он представлял собой невероятного, сверхъестественного, удивительного человека. Шапка упала с его головы, обнажив седые волосы. Несколько человек, раньше встречавших узника, знали его настоящее имя. Он был безграничным источником веры, которую передавал своим друзьям-заключенным в самых трудных и безнадежных ситуациях.

„Верь, брат...“ - повторял он постоянно, оставляя на своем жизненном пути след оптимизма и покоя. Мы все называли Герардо просто „братом по вере“.

Будучи протестантским пастором, он посвятил свою жизнь проповеди Слова Божьего. Он сам был самой прекрасной проповедью. Когда он прибыл в крепость La Cabana, тысячи заключенных были собраны в узких камерах. Они спали на полу и под кроватями. Страх и смерть навещали их каждую ночь, так как казни совершались трижды в сутки. Мы никогда не знали, увидим ли снова соседа по камере, вызванного на коммунистический судебный процесс.

Выстрелы советских винтовок не раз обрывали жизни кубинцев, осмелившихся противостоять атеистической диктатуре рабства. И столетние рвы не раз дрожали от сильного возгласа: „Смерть коммунизму! Да здравствует Иисус Христос!“

В те страшные мгновения Герардо поднимал руки к невидимому Господу и восклицал: „О, Боже, прими его в Свои руки!“ И затем, когда мы слышали звуки молотков, забивающих гроб, брат по вере говорил нам, что этот заключенный имел привилегию по сравнению с остальными, так как Бог позвал его к Себе. Он многим помог встретить смерть смело и спокойно. Герардо, находясь среди заключенных, вновь и вновь укреплял их веру, успокаивая их души, даруя утешение и поддержку.

Каждый день, когда начинались каторжные работы, он ходил вокруг, разыскивая больных и немощных, которым он, хотели они того или нет, стирал их грязную одежду. Каждый мог видеть этого

высокого, седого мужчину с куском грубой ткани, привязанной к поясу вместо передника, и с горой одежды...

Он, бывало, поднимал нас с коек на богослужение.

- Вставайте, молокососы, Бог зовет вас, - призывал он.

Брату по вере мы никогда не могли сказать: „Нет!“ Если он находил кого-нибудь задумчивым или печальным, то говорил ему:

- Я хочу видеть тебя на службе сегодня днем...

И тот должен был идти. Его проповеди были какими-то особенными, потому что он обладал необычайным магнетизмом. С импровизированной кафедры, состоящей из нескольких старых ящиков, покрытых простыней с нарисованным на ней крестом, громкогласно произносил Герардо ежедневную проповедь. Неоднократно охрана разгоняла молящихся ударами прикладов, но это не могло запугать их.

Когда его забрали на каторжные работы в лагерь на остров Пинос, он организовал там чтение Библии и хоровые группы. Наличие Библии считалось чуть ли не подрывным актом. Мы не знаем каким образом, но наш брат по вере имел ее всегда при себе. Если какой-то изможденный или больной заключенный был не в состоянии разбивать кувалдой огромные каменные глыбы, он тут же появлялся рядом. Будучи худым и сильным, он обладал удивительной выносливостью, помогая товарищу и спасая его от избиения. Когда кто-нибудь из охраны подходил сзади и бил его прикладом, Герардо выпрямлялся, как пружина, смотрел конвоиру прямо в глаза и говорил любезно: „Пусть Господь простит тебя“. В здании находилось около тысячи заключенных. Все мы восхищались им и испытывали любовь к этому человеку, который не отрицал того, что был великим грешником.

Рабочие бригады начинали работу в пять утра. Мы должны были собираться в огромном центральном внутреннем дворе. Иногда некоторые опаздывали и, когда это случалось, подходили охранники и начинали избивать каждого из присутствующих. Поддержкой нам был брат по вере.

- Не отдавайте ноги дьяволу, братья... - говорил он медлительным заключенным.

Когда мы выстраивались в длинную очередь за „завтраком“ - горячей подслащенной водой с привкусом бензина, которую нам привозили в цистернах емкостью в пятьдесят пять галлонов, брат по вере часто цитировал истории из Библии или смешил нас своими оригинальными и очень личными толкованиями о грехе и поведении людей.

- Не забывайте, что я жил в грехе и знал искушение, - напоминал он нам. Его самой возвышенной целью было то, чтобы мы не испытывали ненависти друг ко другу. Почти все его проповеди содержали эту идею. Он находился в камере тюрьмы Бониато, обнесенной металлическими пластинами, но его голос, как будто выходящий из глубины пещеры, слышен был ежедневно в полдень, призывая к богослужению и молитве, которыми он никогда не пренебрегал ни на один день.

Ни один проповедник никогда не работал для Бога и людей при более неблагоприятных условиях. Голод и болезнь подорвали его здоровье. Он был почти скелетом, его волосы стали белее и глаза ярче, чем когда-либо прежде.

Расправляясь с заключенными за какой-нибудь проступок, охрана расстреливала первых попавшихся под руку. Однажды, открывая камеры и выгоняя арестованных ударами в спину, их согнали в конце коридора. Многие из них едва могли стоять и прислонялись к стенам. Все были худыми, измученными от голода и пыток. Началось жестокое избиение с повреждением рук и ребер, голов и лиц; калек тянули за ноги и швыряли на пол... Внезапно заключенный, костлявый, похожий на привидение, с поднятыми руками вклинился между охраной, которая избивала их, и пронзительно закричал, обращаясь к невидимому Богу:

- Прости их, Господи, за то, что они не знают, что творят!

Его глаза горели, как два пылающих огня, волосы были белы. Охрана остановилась на мгновение при виде столь неожиданной сцены.

- Прости их, Господи, за то, что они не знают, что творят ...

- Назад! - крикнул лейтенант охраны Рауль Перес де ла Роза.

Охрана отпрянула назад, и начальник вскинул АКМ. Первый выстрел достиг груди брата по вере; второй, разрывая его шею, почти отделил голову от туловища.

Прости их, брат, но они не знали, что творят.

Как можно физически уничтожить духовную силу? Коммунисты были сбиты с толку тем, что, несмотря на предпринятые ими репрессии, на замену пасторов, служивших Господу, пасторами, служившими властям, церковь до сих пор процветает. В Советском Союзе церковь растет во много раз быстрее, чем в Западной Европе. Так как атеистические умы духовно затемнены, они не могут понять того, что церковь состоит из „живых камней“. Апостол Петр говорил, что „и

сами, как живые камни, устройте из себя дом духовный". Мне довелось встретить многих из таких „камней“.

Церковь наша стоит на главном, краеугольном камне, имя которому Иисус. Я много раз пытался объяснить это капитану Сантосу, но духовная пища была чуждой таким, как он. Как я надеялся, что его сердце откроется навстречу Господу и он будет испытывать потребность в общении с Ним!

Однажды при помощи русского фотоаппарата, тайно доставленного в медицинском контейнере, я смог сфотографировать Армандо, а он меня. Охрана во главе с лейтенантом Кастилло ворвалась в нашу палату на следующий день и обнаружила две катушки чистой пленки в комнате Армандо. К счастью, они не знали, что существует еще третья катушка, так как я спрятал ее в надежном месте. Однажды я отправил из тюрьмы письмо, подписанное двенадцатью христианами, описывая жестокое преследование на Кубе.

Я также отправлял свои стихи. Писать их я пытался еще в молодости и сейчас, когда Бог начал возрождать во мне этот дар, я был счастлив. Одно из стихотворений называлось „Венок шипов“:

Колючая проволока - венок
шипов
окружает нас,
пронзая тело.

Караульные вышки - наши церковные
шпили
заставляют раны
кровоточить снова.

Мы выпиваем Его чашу
и чувствуем радость
среди собачьего лая и
звона стали.

Когда из этих могил,
живые,
мы видим мертвых снаружи -
слепых,

Наши молитвы расплавляют решетки
и сокрушают бетон.
И когда мы ощущаем слабость,
наша сила в Тебе, о Бог!

Я привязал веревочку к фотоаппарату и опустил его в вентиляционную трубу ванной комнаты охраны. Она была найдена два дня спустя.

Лечение в больнице было крайне плохим. В нашей палате я столкнулся с шестью различными заболеваниями, каждое из которых лечили только глюкозой. За два месяца пребывания здесь я видел доктора в течение пяти минут. Анализ, сделанный мне для определения предполагаемого рака желудка, был выполнен неправильно.

Уолтер Кларк, другой американец, находившийся в больнице, испытывал постоянную боль из-за перелома позвоночника. Не только власти отказались предоставить ему хорошее лечение, но и его жене отказали в просьбе принести на несколько месяцев подпорку для позвоночника. Уолтер не спал много ночей, находясь в состоянии агонии и будучи неспособным двигаться. Когда отношения между Соединенными Штатами и Кубой ухудшились, его лечение стало более бесчеловечным. Он слабел на глазах. Врач не являлся к нему. Он вынужден был находить какие-то пути, чтобы достать медикаменты от невыносимой боли. За несколько месяцев он потерял более чем пятьдесят фунтов веса.

Мы прозвали главного хирурга больницы „Доктор Дубинка“ после того, как он сломал от злости над головой заключенной медицинской сестры по имени Касавилла большую дубинку.

Внизу, в коридоре, во время медицинского осмотра нескольких кубинских политических заключенных, возникла ссора между двумя арестованными. Охрана, не вдаваясь в причины конфликта, стала избивать всех подряд. „Доктор Дубинка“ не отставал от них. Он бил дубинкой пациентов по головам.

Другой конвоир, по прозвищу „Горилла,“ сбил очки Наполеса, медбрата-добровольца, нанося ему удары в лицо. Сильно был избит Марио Чейнс, находящийся в тюрьме двадцать лет. Он был одним из первых революционеров, прибывших на лодке „Гранма“ с Фиделем Кастро, чтобы разбить Батисту.

Большинство из этих восьмидесяти трех победоносных „освободителей“ находятся в тюрьме, умерли либо сбежали на Майами.

Через какой-то промежуток времени фотографии, на которых Фидель изображен со своими друзьями, подправляются и переделываются, так как большинство его сторонников освобождаются от „революционных чар“. Таков коммунизм, тонкая ложь, бурлящая подспудно, затем стремительно выплескивающаяся наружу, как горячая лава, ломая политическую структуру и сметая всех и вся на своем пути, даже тех, кто был ее идеологическим вдохновителем.

Не многие из тех, кто попадает на Кубу, осознают степень тотального контроля, который осуществляется над этими людьми. Информационный вакуум и преграды, которые он создает, подтверждает только один пример. Находясь в больнице, я смог достать учебник по физике для кубинской средней школы. В нем была глава о Солнечной системе. Четыре страницы повествования и картинки Луны, но нигде не упоминается, что человеку уже удалось побывать на ее поверхности или что образцы Луны были доставлены на Землю. Книга не содержала фотографий, снятых американцами.

- Возможно, учебник просто устарел, - подумал я, заглядывая в начало книги. Там была дата - 1976. Текст гласил, что последние достижения в изучении Луны принадлежат Советскому Союзу. Куба была одной из двух стран мира, которая не показывала по телевизору, как нога американского астронавта впервые встала на поверхность Луны. Информационный голод, связанный с идеологическими причинами, распространен на все сферы общества, охватывая все: от науки до религии.

У некоторых из нас были спрятаны коротковолновые радиоприемники. Охрана нашла один из них, спрятанный внутри книги, из которой были вырезаны страницы. Власти знали, что у нас есть еще один, так как некоторые группы кубинцев и американцев всегда были гораздо лучше информированы о событиях в мире, чем тюремные служащие или шпионы среди заключенных.

Однажды я вместе с Хуаном Домингуесом слушал христианскую радиопередачу из Бонера и Кито. Много раз ее глушили. Позже мы легко нашли нужную нам частоту. Что за чудо слышать прекрасные четкие слова надежды и любви!

Пение, исходящее из этой маленькой коробки, было сущей радостью для нас. В качестве наушников мы использовали внутривенные трубки с резиновыми пробками. Так как батарейки слабели, мы тайно пронесли крошечный трансформатор.

Мэл и я однажды услышали передачу из Америки и узнали о

том, что наши жены должны приехать на Кубу. В другой радиопередаче упомянули о нашей аварии и заключении в тюрьму. Частоты заглушались советским оборудованием, размещенным на Кубе. Но мы упорно искали и находили эти радиопередачи.

Кубинские христиане и политзаключенные подавали нам сигналы, предупреждающие об опасности. Система работала слаженно. Однажды днем я стоял напротив Домингуеса, чтобы заслонить его, пока он слушал радиопередачу из Ки Уэста. Сообщения комментатора Сьюзен Грей были нашим самым большим источником информации, так как эта радиостанция была расположена рядом с Кубой и работала на длинных волнах. Хуан, свернувшись в углу калачиком, внимательно слушал. Внезапно я услышал шаги позади себя. Повернув слегка голову, я увидел, как приближается надзиратель. Он был в пяти ярдах. Нас, очевидно, не успели предупредить об опасности. Я похлопал Хуана по плечу двумя пальцами - это был условный знак. Хуан быстро засунул радио под рубашку, поднялся и направился в противоположную сторону. Чтобы отвлечь надзирателя, я тотчас обратился к нему с вопросом:

- Когда же нас, в конце концов, выведут на воздух? - спросил я бодро. - Хотя бы ненадолго.

Он только пожал плечами.

Повернув назад, чтобы следовать за Хуаном, я заметил, что шнур от наушника свисает позади него, как хвост. Но, к счастью, надзиратель этого не заметил. Мы снова были в безопасности.

Наконец, власти в попытке найти радиоприемник решили эвакуировать заключенных со всего крыла четвертого этажа здания номер один. Всех мужчин перевели в здание номер два и подвергли тщательному обыску. Ни у кого не оказалось приемника. Его оставили спрятанным где-то в здании номер один.

Защитники коммунистической веры потратили несколько месяцев, чтобы кувалдами разбить стены, разыскивая маленькую пластмассовую коробочку с проводками, воспламеняющую души людей. Мы сомневались, что им все же удастся обнаружить ее.

Мне приходилось прятать и полученные мной письма. Несколько месяцев я носил их при себе, подшив к белью. Если мне необходимо было временно покинуть этаж, я оставлял белье с Рафаэлем, который носил его, пока я отсутствовал.

Однажды днем у нас был обыск. Обычно через нашу систему оповещения мы узнавали об этом заранее. На этот раз нас застали

врасплах. Все двери камер были открыты почти одновременно и надзиратели ворвалась в камеры. В тот момент я писал, поэтому соскочил с койки и стремительно бросился к грязной дыре в полу, которая служила нам унитазом и находилась в задней части камеры. Я успел смыть все письма водой. Надзиратели ушли ни с чем. Лейтенант свирепствовал, но что он мог сделать? Бить меня было бесполезно. Пока охрана проверяла наши камеры, нас согнали в общую комнату, где я встретил Рафаэля.

- На тебе есть белье? - прошептал я.

- Нет, у меня не было времени надеть его. Они появились так быстро! - прошептал он.

У меня внутри все опустилось. Только накануне я пришел к белью письмо, завернутое в кусочек полиэтилена. В нем содержались новые способы переправки христианской литературы на Кубу. Если бы его обнаружили, я бы никогда не покинул это место. Мы с Гленом присели на ржавые пружины его кровати и молились. Мы молились с открытыми глазами для того, чтобы шпионы среди заключенных не узнали, что произошло.

- О, Господи, я думаю, что это Ты доставил меня на Кубу, - говорил я тихо. - Если Ты хочешь, чтобы я остался здесь, то я положусь на Твою волю, даже если они найдут письмо.

Я выглянул в коридор. Надзиратели выбросили из камер большую часть наших вещей, распарывая при малейшем подозрении матрацы.

- Где ты оставил белье? Оно надежно спрятано? - допытывался я у Рафаэля.

- Нет, оно лежит на кровати на видном месте, - тихо вздохнув, произнес он, охваченный паникой.

Я думал о фотографиях и письмах. Если бы к одежде только прикоснулись или подняли бы ее, то тайник был бы непременно обнаружен.

"О Боже, если даже они поднимут белье, не позволяй им найти мой тайник. Сделай их слепыми, Господи, даже если они прикоснутся к нему," - шептал я.

После двух долгих часов мы вернулись в наши камеры. Белья на месте не оказалось. Рафаэля трясло. Но затем он нашел его на полу в углу камеры. Тайник не был замечен. Бог, как всегда, хранил меня.

Теперь я с волнением ожидал приезда моих близких. Подобные

визиты для заключенных были единственной связью с другим миром, глотком свежего воздуха. Они имели большое значение для нас.

Наступил день свидания. Прозвучал вызов. Я зашагал вместе с другими американцами в кабинет лейтенанта Калзады, чтобы нас раздели и обыскали. Я мог видеть, как из кубинского крыла машут мне вслед заключенные, которым не разрешали свидания с родственниками. Охраннику, обыскивающему меня, дали прозвище „Сова“ за мешки под глазами. Большую часть времени он был пьян, так как ему, очевидно, работа была не по душе. Он был самым агрессивным среди охраны.

В этот день в моем тайнике было много писем, а также фото- пленка.

- Раздевайся! - грубо приказал „Сова“, когда подошла моя очередь.

Будучи одним из американцев, говорящим по-испански, я попытался отвлечь его разговором.

- Как поживаешь, Авель? - спросил я.

Он не говорил много, только ворчал в ответ.

- Трудно, наверное, работать в субботу, а? Когда у тебя выходной? (Как бы мне хотелось, чтобы у него был выходной!)

Казалось, что разговор по-испански немного смягчил лейтенанта. А я в это время молился. Слава Богу все обошлось благополучно. Мне удалось передать с Офелией все, что я хотел.

Во время наших кратких мгновений общения она показала мне крошечный пластиковый пакет багрового порошка, перевязанный резиновой лентой.

- Что это, дорогая? - спросил я, едва сдерживая любопытство.

Я извлек несколько псалмов и отрывков из Библии, написанных по-испански на маленькой желтой бумаге. Мы тихо пели вместе несколько минут „Жизнь в Иисусе“, затем прочитали отрывок из Евангелия от Матфея 10:37-39, тот же самый отрывок, который заставил меня выполнить эту миссию:

„Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня. Сберегший душу свою потеряет ее; а потерявший душу свою ради Меня сбережет ее.“

Эти отрывки имели особое значение для каждого из нас. В то время как я подыхал в тюрьме, Офелия также несла свой крест. Она, как и я, отдавала свою жизнь служению Господу. Хотя нас все еще разделяли тысячи миль и мое заключение, мы действительно искали жизнь, которой никогда не знали раньше.

Когда мы стояли на коленях одни в маленькой комнате для посетителей, пили сок, откусывая маленькие кусочки черствого хлеба, приятный покой наполнял наши сердца.

- Господи Иисусе, - заплакала Офелия тихо. - Мы знаем, что Ты трудишься здесь. Когда придет время доставить Тома домой, Господи, мы знаем, что Ты сможешь освободить его.

- О Боже, - присоединился я. - Спасибо Тебе за Твою работу и покровительство над моей женой и детьми. Держи их постоянно в Своих руках, дорогой Иисус. Ты делаешь такую чудесную работу. Когда эта школа закончится, пошли меня обратно к ним, Господи. Спасибо Тебе, мой Иисус.

Мы расстались без слез, с улыбками, благодарные Ему за ту радость, которую Он послал нам.

ВЕТЕР ВОКРУГ МИРА

Я буду всегда благодарен Господу за то, что Он послал сильный встречный ветер во время нашего последнего полета, за то, что Он разнес религиозную информацию прямо над Съего де Авила. Известный частично только Мэлу и мне, другой ветер сейчас дул по всему миру, приводя в движение сердца, чтобы молились за нас и объявляли во всеуслышание о нас. Это был ветер Святого Духа. У многих заинтересованных лиц сегодня создается ошибочное впечатление, что гласность относительно заключенных в коммунистической стране заставит власти обходиться с ними более жестко. Это не так. Наше освобождение - подтверждение этому. Сначала освободили из румынской тюрьмы Василия Раскола, затем под влиянием общественного мнения выпустили и выслали из Советского Союза Георгия Винса. После того, как Мерв Найт из Австралии ходатайствовал за нас, пять тысяч австралийцев написали об этом своему премьер-министру. Христианские миссии в Голландии, Германии, Швейцарии, Англии, Канаде, Южной Африке и в Индии побуждали верующих посылать свою любовь заключенным на Кубе через молитву, письма или телефонные звонки. Христиане всего мира предложили 175000 американских долларов, которые Кастро запросил в качестве выкупа за нас. После того, как Фиделя известили о вкладе в посредническом банке, он немедленно потребовал 300000 американских долларов. В этой „работоторговле“ важная роль принадлежит западногерманскому правительству, которое ежегодно тратит миллионы долларов на выкуп немецких потомков, живущих в Советском Союзе.

Мои родители и другие верующие молились, плакали, даже барабанили в дверь здания Конгресса. Джона Макларио, представителя христианской юридической защиты, чуть было не арестовали в Гаване только за то, что он упомянул о нашем судебном деле. За

четыре недели до объявления о нашем предполагаемом освобождении, „Майами Гералд“ опубликовала мой тюремный снимок и целых пять страниц комментария, который Мэл и я написали в прошлом году. Письмо было опубликовано в нескольких христианских и светских журналах. Оно было помещено даже в „Конгрейшнел Рекорд“ 17 августа 1980 года за семь недель до объявления о нашем освобождении.

Во время президентской борьбы Картер - Рейган Кастро, который ненавидел Рейгана, кричал и бушевал несколько раз по кубинскому телевидению, называя Рейгана „Адольфом Гитлером“. Многие из нас полагают, что это было важным фактором в нашем освобождении. Египетский фараон по слову Господа тоже позволил израильтянам уйти по политическим мотивам.

Миллионы христиан во многих странах мира использовали самую убедительную форму борьбы - молитву, чтобы освободить заключенных. Позже мы узнали о слезах сочувствия африканцев, филиппинцев, кубинских американцев, пожилых леди в Калифорнии, мужчин и женщин в Техасе и Оклахоме, подростков во Флориде, размахивющих самым острым мечом, который когда-либо был известен людям, Мечом Духа.

Наше официальное освобождение было объявлено 13 октября, но из-за царившей на Кубе системы бюрократии и отсутствия согласованности между правительствами, мы томились в тюрьме еще две недели. Это было отличным упражнением для выработки терпения. Нам оставалось провести здесь еще двадцать два с половиной года. Среди всех заключенных здесь американцев, наше дело было самым серьезным.

Я до сих пор помнил слова Кастро о наших „чрезвычайных обстоятельствах“. Теперь я еще раз убедился, что Бог - мой защитник. Для многих это также было время огромного напряжения, эмоциональных подъемов и драматических падений. Гнев, страх, надежда и радость проносились беспрепятственно по коридорам вверх и вниз.

Мэтт и другие американцы с волнением показали мне сообщение двухмесячной давности из церкви во Флориде. Верующие обещали молиться за нас до дня нашего освобождения. Полковник тюрьмы Пачеко Сильва официально уведомил нас об этой дате. Бог, а не Пачеко контролировал ситуацию. Я пытался вести обычный для этих условий образ жизни, но надежда продолжала литься потоком и заполняла все мое сердце. Однако каждый из нас пытался не строить

воздушных замков, потому что несколько раз наше освобождение переносили на другой срок. Когда нам приходилось в который раз возвращаться в свою камеру, мы очень страдали. Все наши личные пожитки, оставленные во время наших трех „освобождений“, были конфискованы. И снова лучшим способом скрасить свое пребывание здесь было пение псалмов.

Гимн, спетый в день моего крещения, назывался „Куда бы Он ни повел меня, я буду следовать за Ним“. Когда пылкие и сдержанные эмоции вспыхивали в моей груди, переполняя ее, я сразу вспоминал его.

Мы продолжали готовиться к нашему освобождению, так как мы верили, что оно, в конце концов, когда-нибудь наступит. Мэл тайком передал свою Библию кубинским заключенным. Хотя имеющуюся у них христианскую литературу конфисковывали, особенно изданную на английском языке, мы молились, чтобы с ней ничего не случилось. Моя Библия также перешла к другому заключенному. Я подготовил пакеты писем от моих кубинских братьев и когда пришло окончательное решение об освобождении, спрятал их в свой тайник.

Тюремный автобус направился прямо в аэропорт Гаваны, где нас поместили в чартерный реактивный самолет компании Эйр Флорида, готовый доставить нас домой. Несколько автомашин тайной полиции стояли рядом. Даже сейчас, когда мы поднимались по трапу, они могли нас снова схватить, а потом извиняться, мол-де извините, произошла ошибка. Но, к счастью, этого не случилось. Мы поднялись на борт самолета, пристегнули ремни безопасности, приятно удивленные при виде чистых ковров, кондиционеров и спокойных, вежливых бортпроводников. Они улыбались, проявляли заботу, но мы все еще были на Кубе.

Рев запускаемых двигателей вызвал у меня мелкую дрожь. Боинг-737 неторопливо вырулил на край взлетно-посадочной полосы, развернулся и затем начал двигаться все быстрее, проносясь мимо тропических растений и пальмовых деревьев. „Давай, миленький, давай! Двигайся... двигайся... Жми... Жми... прибавь скорости!“ - казалось, что наши крики и слезы заставили самолет быстрее взлететь. Я смотрел вниз на остров, думая о Ноубле, Варгасе, Армандо и других наших братьях, которых мы покинули.

Приземлившись в Тамайами, маленьком аэропорту на юге Майами, мы подъехали к сотне обеспокоенных репортеров. Огромное знамя держали две женщины - Офелия и Мэри, наши жены. „Добро

пожаловать домой! Слава всемогущему Богу!"- было написано на нем. Маленький мальчик в красном комбинезоне играл со своей старшей сестрой на траве напротив этого знамени.

- Эй, ребята! - засмеялся я и крикнул, обращаясь к присутствующим в салоне:

- Вы видите этого мальчика? Посмотрите на него! Это мой сын. Его зовут Даниэль. А это Дороти и моя жена Офелия...

Каждая молитва, каждая статья и каждое письмо, написанные о нас, пока мы находились в тюрьме, каждое слово, произнесенное сейчас, напоминает мне плотника с сильными, грубыми руками, держащего блестящий гвоздик точно над нарисованной отметкой Х. Быстро, плавно и решительно он вбивает гвоздик в доску. Последующие гвозди вколачиваются с терпением, решимостью и умением. Наш великий Плотник хочет, чтобы мы действовали подобным образом с мудростью, полученной из нашего учебника Библии, а также со спокойствием, приобретенным под нежным влиянием Святого Духа. Каждый день мы берем гвозди, которые Он нам дает и наносим удар по отметке.

Покинув Кубу, я не раз испытывал искушение в трудные для меня мгновения отложить в сторону молоток и положить гвозди в ящик. Жизнь за пределами тюрьмы гораздо сложнее. Христианин вместе со своей семьей сталкивается в повседневной жизни с массой проблем.

Но когда я, оглядываясь назад, вижу добрую и милосердную руку Господа, то понимаю, что Он дал мне молоток, который соответствует моей хватке и с таким весом, чтобы я мог удержать его. Моя личная отметка Х - над Кубой и другими коммунистическими странами, где страдают в тюрьмах тысячи моих братьев и сестер. Чрезвычайно короткий отрезок моей жизни на Земле не изменит великий курс любой нации. Но Бог не требует этого от меня. Ему нужно мое сердце. Только это.

За несколько месяцев до последнего полета над Кубой я побывал на обеде, где выступающий привел пример, который имел большое значение для меня. Он оказался вещим.

„Маленькую птичку встревожило огромное лесное пламя, - начал он. - Птичка летела к ближайшему ручью и возвращалась к огню всякий раз, выпуская малую каплю воды из своего клюва. Огромное пламя по-прежнему бушевало. А крылья птицы были сильно обожжены, но она продолжала возвращаться, хотя огонь не утихал. В конечном счете, пойманная в огненную западню, птичка умерла. Но она не

проиграла сражения. Бог не подарил ей победы над огнем, ему нужно было ее любящее сердце. Птичка победила."

Сострадание к тем, кто в беде, составляет основу веры. Христианская любовь подразумевает жертвоприношение. „Помните узников, как бы и вы с ними были в узах, и страждущих, как и сами находитесь в теле," - писал Павел. „Не забывайте также благотворения и общительности, ибо таковые жертвы благоугодны Богу" (Евр. 13:3,16)

Во время Второй мировой войны христиане, демонстрируя свой протест против нацистского преследования евреев, носили звезду Давида. Они готовы были положить свои жизни за этих погранных людей. Наши христианские собратья, страдающие от преследований и пыток коммунистов, прекрасно понимают значение жертвы.

Многие преследования, о которых мы читали в Библии, имеют место сегодня за „занавесом сахарного тростника" и в коммунистических странах. Ужасные страдания, которые довелось пережить простым людям, нельзя забывать. Апостол Павел сказал, придавая этому вопросу большое значение: „Я ношу в своем теле следы Господа Иисуса Христа". Я видел отметины на телах Божьих детей.

Мы можем, во-первых, всегда оставаться друзьями мучеников, вспоминая их в своих молитвах. Бог проводит огромную работу среди верующих на Кубе, но Он поставил перед нами задачу поддержать этих славных людей нашими молитвами. Мы можем ходатайствовать перед Господом за христианских лидеров церкви и заключенных. Мы можем молиться за коммунистов и за более чем десять миллионов кубинцев, находящихся под их сапогом.

Во-вторых, путем творческого мышления мы можем вообразить, творить, создавать, работать и потенциально завершать могущественные деяния. Мне предназначено облегчить ношу кубинской церкви. У нас есть Дух, любовь, техника, энергия и время. У Бога есть ресурсы, сила и мудрость. Вместе мы можем передать тепло и надежду Его Слова нашим братьям в окопах.

В-третьих, писать письма. Кубинские коммунистические власти боятся нашего света. Наши письма приносят надежду и мужество верующим, испытывающим потребность в любви и проявляющим интерес к христианам в свободных странах.

В-четвертых, исследовать положение мучеников. Противоречивые сообщения и мнения о настоящем состоянии преследуемой

церкви могут сбить нас с толку и оставить в нерешительности при выполнении нашей задачи. Раскрытие правды сделает нас более полезными в нашем продвижении вперед.

В-пятых, путем поддержки христианских групп, которые законно приобретают эфирное время для религиозных радиопередач на испанском языке на Кубе. При лечении рака опухоль облучается сильной радиацией. Эти радиопередачи и другие усилия, направленные на проникновение за „занавес сахарного тростника“ с проповедью, представляют собой сильную бомбардировку коммунистического рака на Кубе. Ни одно место на Земле не может избежать мощных радиоволн Иисуса. Благодаря этому неостанавливающемуся проповеднику - радио - слово Божие может быть услышано в самых отдаленных уголках земли. Бог может использовать каждого из нас либо в наших креслах, либо в наших самолетах, чтобы осуществлять Свою великую миссию в качестве духовной силы! Времени мало. Мы в бегу. Дирижерская палочка в наших руках. Линия финиша перед нами.

Будучи на недавней национальной религиозной конференции дикторов в Вашингтоне, федеральный округ Колумбия, я увидел сон, как будто бы стою на красной глиняной грязной дороге и смотрю на свои ноги. Почему-то на мне были кроссовки, хотя я не знаю, как они оказались на моих ногах. Шнурки были развязаны. Я нагнулся, чтобы завязать их, поспешно дергая изо всех сил за белые шнурки и радуясь тому, что кроссовки мне впору. Выпрямившись, я увидел своего брата Ноубла с его улыбающимся темным лицом, лысого Кието, тощего пожилого Мартелла и седого Варгаса, бегущих позади меня. Они остановились на мгновение рядом со мной, на них была тюремная униформа, сшитая вручную, белые рубашки и шорты из простыней. Они ничего не сказали, только пристально посмотрели на меня с надеждой. Мы побежали по дороге, соревнуясь в беге.

Я думал над тем, что бы мог означать мой сон. Телевизионная станция из Соединенных Штатов вскоре будет транслировать христианские новости о событиях в Гаване. Не это ли соревнование?

Приблизительно 80000 туристов ежегодно посещают Кубу. Сколько человек провезли единственное, крошечное Евангелие от Иоанна в своих карманах пальто? Не это ли соревнование?

Бег может быть болезненным, но таким бодрящим!

Куба - это остров, обрамленный водами Карибского моря. Любимым псалмом, который мы пели в тюрьме и слова которого всегда являлись духовной реальностью, а иногда и объективной, был „Cristo

Rompe Las Cadenas!" (Христос разбивает цепи). Я вижу это соревнование всюду: на телевидении, в этих туристах, в наших письмах, в наших молитвах, во многих других путях, которые открывает нам Бог, чтобы мы несли свободу на этот остров.

Мы не будем разрывать чудесную ленту на финише этого состязания. Но наши груди, полные Святого Духа, разорвут много цепей.

ЭПИЛОГ

Я написал это стихотворение в здании номер два на четвертом этаже тюрьмы Комбинадо дель Эсте.

Я посвящаю его моим братьям и сестрам во Христе на тюремном острове Куба, тем, кто победоносно приветствует нас сегодня во Втором Послании к Коринфянам 6:5,10: „Под ударами, в темницах, в изгнаниях, в трудах, в бдениях, в постах... нас огорчают, а мы всегда радуемся; мы нищи, но многих обогащаем; мы ничего не имеем, но всем обладаем“.

ПОЛОСКИ СВЕТА

*Полоски света
прорезаются сквозь наш стальной собор.
Пальцы солнечных лучей
скользят по залу и задерживаются
на ангельских лицах.*

*Свободные
от гнева, страха и ненависти,
чистые внутри
мы поем
и ждем.*

*Мы делаем вдох,
но улыбаемся,
зная, что Бог
наполнит
наши легкие снова.*

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	7
ПРОЛОГ	9
„ВОСЕМЬ НОЛЬ ДЖУЛИЭТ... „MAY DAY! MAY DAY!“	17
ХЛЕБ НАСУЩНЫЙ НАД БУРНЫМ МОРЕМ	27
В ШКОЛЕ ДУХА	37
МАННА НЕБЕСНАЯ С ВЫСОТЫ 10000 ФУТОВ	49
ТРЕТИЙ ШАГ КОТА	62
ГАВАНСКИЙ ТУРИСТ	75
ВНУТРЕННЯЯ БЕЗОПАСНОСТЬ	85
В ШКОЛЕ СТРАДАНИЙ	93
КОНТРЕВОЛЮЦИОНЕР ОТ ХРИСТА	101
КАРАУЛЬНЫЕ ВЫШКИ - НАШИ ЦЕРКОВНЫЕ ШПИЛИ	116
БРАТ ПО ВЕРЕ	120
ВЕТЕР ВОКРУГ МИРА	131
ЭПИЛОГ	138
ПОЛОСКИ СВЕТА	139

ПРИЛОЖЕНИЕ

В личном архиве автора книги Тома Уайта хранится фотодосье, рассказывающее о его „кубинской эпопее“. Несколько фотоснимков из этого собрания Том Уайт прислал для издания своей книги на русском языке.

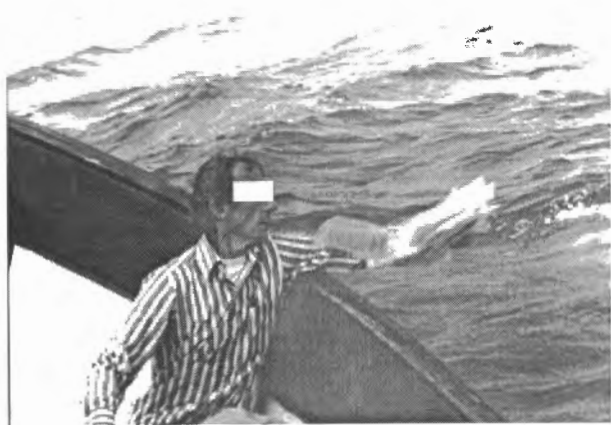
На многие снимки и документы Тома Уайта нанесены пятна, затрудняющие кубинской службе государственной безопасности опознание участников и технических средств христианской миссии.

Самолет „Чероки-6“ направляется к берегам Кубы с грузом христианской литературы.

Рыбацкая шхуна в этот раз доставит на кубинское побережье Благую Весть о Христе.

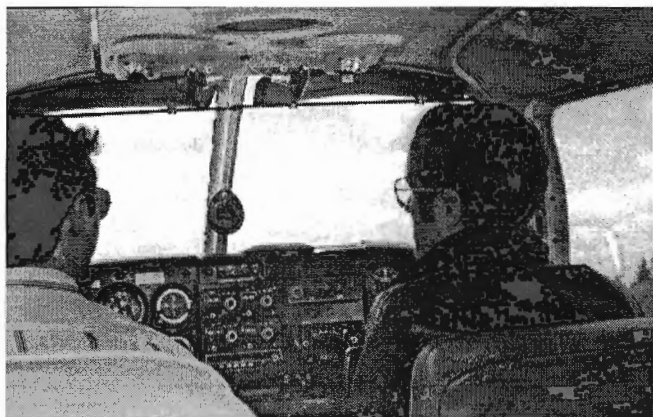
Пластиковые пакеты с брошюрами „уходят в море“.

Карлтон Боденн с друзьями перед первым полетом над Кубой.

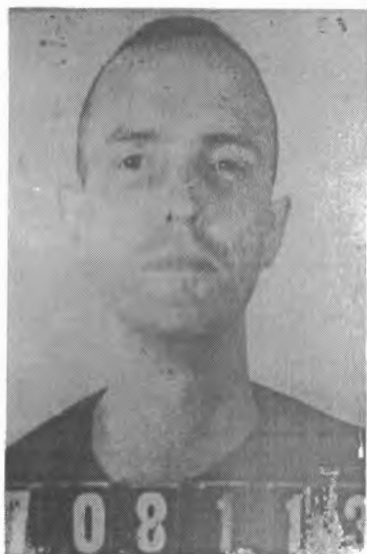

Христианская семья Раскол, бежавшая от преследований в коммунистической Румынии.

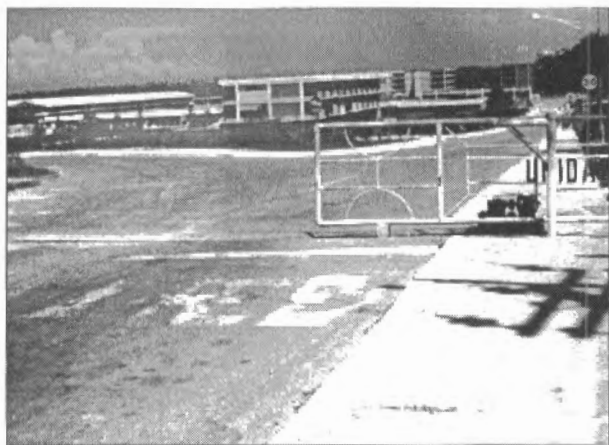

Пилот Джон Лессинг и Том Уайт в небе над коммунистической Кубой.

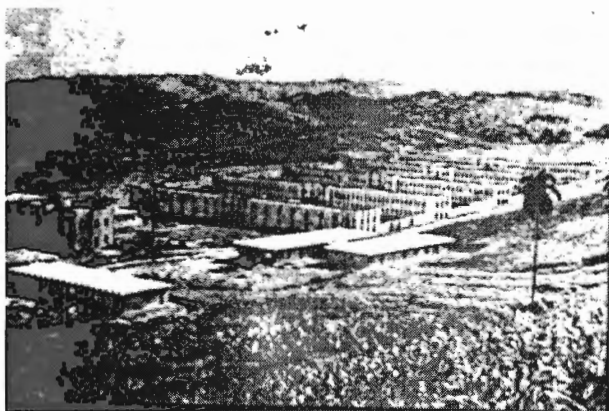

*Официальный снимок
Тома Уайта в кубинской
тюрьме.*

Кубинская тюрьма Комбинато дель Эсте.

Фотография Тома Уайта, тайно сделанная в тюремной больнице.

Общий вид тюремного комплекса Бониато на востоке Кубы.

*Этюд портрета
мученика за веру,
многолетнего узника
коммунистического
режима на Кубе
Александра Ноубла,
арестованного в 1962
году, нарисованный в
1975 году для тайной
передачи его семье.
Мученик всё еще в узлах.*

*Тайное письмо
автора его жене Офелии.*

Под давлением коммунистического режима закрылись церкви на Кубе.

Фотография Тома Уайта со своей женой и детьми после возвращения с Кубы.

Том Уайт